

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

1 (41) ВЛАДИМИРСКОГО
2024 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2024

Корректор
О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета
Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор
А. А. Амирсейидова

Автор перевода
А. А. Ищенко
кандидат ист. наук, доцент

За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы

Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87
Владимирский государственный
университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции: 600000,
г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,
каб. 08-1

Подписано в печать 23.07.24

Заказ №
Выход в свет 25.10.2024
Бесплатно
Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 13,49
Тираж 500 экз.

Издательство
Владимирского государственного
университета имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
600014, г. Владимир,
ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии
«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института ВлГУ
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ
(зам. главного редактора серии)
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- А. Ю. Бендин* доктор ист. наук, профессор каф. богословия
Института теологии БГУ (Беларусь)
- И. Деретич* доктор философии, профессор каф. философии
Белградского университета (Сербия)
- М. П. Жигалова* доктор педагогических наук, профессор каф.
лингвистических дисциплин и межкультурных
коммуникаций Брестского государственного
технического университета (Беларусь)
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического
регионоведения СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
- Ж. В. Латышева* доктор философских наук, доцент
зав. кафедрой ЖРСО ВлГУ
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор МПГУ
- А. В. Марков* доктор филол. наук, профессор
профессор кафедры кино и современного ис-
кусства РГГУ
- Н. М. Маркова* кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
- С. А. Мартыанова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии ВлГУ
- Ю. Г. Матушанская* доктор филос. наук, профессор
профессор кафедры религиоведения
Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций КФУ
- А. С. Минаков* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России МПГУ
- С. С. Новиков* доктор ист. наук, доцент
профессор кафедры теории и истории
государства и права ВлГУ
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка ВлГУ
- Л. В. Рацибурская* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского
языка и общего языкознания ННГУ
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России
Средних веков и Нового времени ГУП
- А. С. Тимоцук* доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин ВЮИ
ФСИН России
- Т. Е. Шаповалова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского языка име-
ни профессора П. А. Леканта ГУП
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России ВлГУ
(отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

К. А. Аверьянов Муромские князья XIII – XIV вв.	5
А. Н. Левандовский, А. Н. Гривастова Положение женщин на Сахалине в середине XIX – начале XX века.....	17
А. В. Лубков, Г. А. Артамонов, И. В. Литвинова, Е. А. Большакова Система ценностей в методологическом наследии представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы.....	25
В. С. Околотин, Э. Велибеков О строительстве объектов оборонного комплекса и его деятельности в Ивановской области в 1939 – 1941 гг.	34
А. Ю. Прокопов Позиция Коминтерна и Компартии Великобритании в отношении второго лейбористского правительства (1929 – 1931 гг.).....	43

ФИЛОЛОГИЯ

А. М. Балтабаева Атрибуция художественного текста как эффективная форма контроля на занятиях по «Истории русской литературы XI – XVIII вв.» в иноязычных группах филологического направления	50
А. Ш. Курчастова Путь от семейного романа к семейной саге в современной русской литературе	55
А. В. Марков Риторический код иллюстраций Б. Д. Григорьева к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	63

ФИЛОСОФИЯ

Ж. В. Латышева Современные социогуманитарные ориентиры воспитания в свете философско-педагогических идей И. Канта	70
А. В. Марков, О. А. Штайн (Братина) Философия в стиле ар-деко: к постановке проблемы.....	77
Ю. Г. Матушанская, А. И. Фаряхутдинов Трансформация миссионерской деятельности христианских организаций в Японии как путь к межрелигиозному диалогу	83
Е. А. Плеханов Трансцендентальное обоснование правовой справедливости в философии Канта	89
А. С. Тимошук Варна и ашрам как традиционные институты социальной устойчивости.....	98
Сведения об авторах	115

CONTENTS

HISTORY

K. A. Averyanov Murom Princes of the XIII – XIV centuries	5
A. N. Levandovsky, A. N. Grivastova Women in Sakhalin in the mid XIX – early XX century	17
A. V. Lubkov, G. A. Artamonov, I. V. Litvinova, E. A. Bolshakova The System of Values in the Methodological Heritage of the “Younger Generation” Representatives of the State (Law) School.....	25
V. S. Okolotyn, E. Velibekov On the Construction of Defense Complex Facilities and Its Activities in the Ivanovo Region in 1939 – 1941.....	34
A. Yu. Prokopov The Attitude of the Comintern and the Communist Party of Great Britain Towards the Second Labour Government (1929 – 1931)	43

PHILOLOGY

A. M. Baltabaeva Attribution of Literary Text as an Effective Form of Control in Classes on “History of Russian Literature of the XI – XVIII centuries” in Foreign Language Groups of Philological Direction	50
A. Sh. Kurchastova The Path from Family Novel to Family Saga in Contemporary Russian Literature	55
A. V. Markov The Rhetorical Code of Boris Grigoriev’s Illustrations for Fyodor Dostoevsky’s Novel “The Brothers Karamazov”.....	63

PHILOSOPHY

Zh. V. Latysheva Modern socio-humanitarian Guidelines of Education in the light of philosophical and pedagogical Ideas of I. Kant	70
A. V. Markov, O. A. Shtayn (Bratina) Philosophy in Art Deco Style: to the Statement of the Problem	77
Y. G. Matushanskaya, A. I. Faryakhutdinov Missionary Activities Transformation of the Christian Organizations in Japan as a Path to the Interreligious Dialogue.....	83
E. A. Plekhanov The Transcendental Justification of Legal Justice in Kant’s Philosophy.....	89
A. S. Timoshchuk Varna and Ashram as Traditional Institutions of Social Sustainability.....	98
Contributors	115

МУРОМСКИЕ КНЯЗЬЯ XIII – XIV вв.

Генеалогия муромских князей XIII – XIV вв. таит в себе загадку. Средневековые родословцы полагали, что они представляли собой единую непрерывную династию. Анализ летописных и других известий показывает, что в Муроме княжили представители нескольких ветвей потомства Рюрика.

Ключевые слова: Муромское княжество, генеалогия муромских князей, «слуги вольные», Бархатная книга, родословцы.

Известный исследователь княжеских родословий А. В. Экземплярский (1845 – 1900) в своей книге о князьях Северо-Восточной Руси XIII – XVI вв. отмечал: «При обозрении рязанских князей мы встречались с едва преодолимыми генеалогическими трудностями, но в генеалогии муромских князей встречаются еще большие затруднения: летописи часто упоминают муромских князей, но не называют их поименно или дают только одно имя, – а родословные полны противоречий» [32, с. 589].

Наши сведения о Муроме XIII в. крайне скудны. Под 1220 г. летописец сообщает об организованном великим князем Юрием Всеволодовичем походе коалиции северо-восточных князей на волжских болгар. В нем участвовали два муромских князя – братья Давыд и Юрий, пославшие своих сыновей: «Давыдъ Муромский посла сына Святослава Давыдича, а брат его Юрий сына Олга Юриевича» [22, т. XV, стб. 330 (второй пагинации)].

В походе из-за слишком юного возраста не участвовал младший сын Юрия – Ярослав. Летописью он впервые упоминается под 1226 г., когда Ярослав Всеволодович (брат великого князя Юрия Всеволодовича и отец Александра

Невского) решил отдать свояченицу (сестру жены) за Ярослава Муромского: «Ярослав... начать отдавати свесть свою за Ярослава, муромского князя» [Там же, стб. 345 (второй пагинации)]. Н. Б. Шиман высказала предположение, что поскольку Ярослав Всеволодович был женат на дочери «героя» битвы на Калке Мстислава Удатного, речь должна идти о другой дочери этого князя [31, с. 179]. Но еще в начале XX в. Н. А. Бамургаденом было доказано, что матерью Александра Невского являлась Феодосия, дочь скончавшегося в 1195 г. рязанского князя Игоря Глебовича [6, с. 21 – 23]. Этот брак был заключен в 1218 г., а следовательно, речь должна идти о другой дочери князя Игоря Глебовича [4, с. 5 – 18].

Под 1248 г. летописец отметил факт женитьбы ростовского князя Бориса Васильковича на Марии, дочери муромского князя Ярослава: «Оженися Борисъ князь Василкович оу Ярослава оу муромского князя и венчася оу святой богородицы в Ростове и бысть радость велика» [22, т. I, стб. 471]. По предположению Н. Б. Шиман, Мария родилась около 1233 – 1235 гг., поскольку была выдана замуж за 17-летнего Бориса. Согласно летописному известию, она

скончалась в 1297 г. [31, с. 179 – 182; 22, т. I, стб. 528]

Дополнительные статьи к Воскресенской летописи дают Ярославу двух сыновей, Василия и Юрия Ярославичей: «а по Юрье седе на Муроме сынъ его Ярославъ; а у него были два сына: Юрьи да Василей. В лето 6853 [1345]. Преставися князь Василей Ярославичъ Муромской. В лето 6859 [1351]. Князь Юрьи Ярославичъ Муромской обнови отчину свою Мурому, запустевшую от пръвых князей. Въ лето 6862 [1354] Князь Феодоръ Глебовичъ поиде ратью къ Мурому на князя Юрья Ярославича, и согна князя Юрья Ярославича, а самъ седе на Муроме, и поидоста оба въ орду; царь дастъ Муромъ князю Феодору Глебовичю, а князя Юрья ему же выдалъ» [22, т. VII, с. 244]¹. Бархатная книга лишь добавляет, что Василий Ярославич был бездетен, а сообщая о событиях 1354 г., уточняет: «и после того Муромских князей род неведом» [26, ч. I, с. 56].

А. В. Экземплярский выражал сомнение, что жившие через почти столетие после Ярослава Василий и Юрий

могли быть его сыновьями [32, с. 590], поскольку, согласно известному генеалогическому правилу, на столетие приходится время активной деятельности трех поколений. Украинским историком Л. В. Войтовичем (1951 – 2023) было высказано предположение, что Василий и Юрий являлись внуками или даже правнуками Ярослава Юрьевича [9].

А. В. Кузьмин обратил внимание на то, что в Троицкой летописи под 1278 г. говорится о кончине некоего князя Андрея и жены его княгини Устиньи [18, с. 166]². Н. М. Карамзин (1766 – 1826) полагал, что этот князь Андрей был сыном Владимира Константиновича Угличского. Но тот скончался в 1261 г. [16, с. 252, прим. 182].

Поскольку летописи и другие памятники Древней Руси были рукописными и в них возникала вероятность ошибок и описок, исторические источники этого времени принято издавать по нескольким спискам: за основу берется наиболее исправный список, а в примечаниях к нему подводятся разночтения. Один из списков Никоновской летописи называет Андрея князем и Ярославичем [22, т. X, с. 156, прим. а, б]. Это дало основание некоторым историкам соотнести его с князем Андреем Ярославичем Суздальским, но, как показал А. В. Экземплярский, тот скончался в 1264 г. и не имеет никакого отношения к нему [32, с. 369].

¹ Никоновская летопись уточняет, что Василий Ярославич был погребен в Борисоглебском монастыре на р. Ушне, в нескольких верстах от Муромы: «Того же лета преставися князь Василей Муромский, и положень бысть во его отчине въ Муроме, въ церкви святыхъ мученикъ Бориса и Глеба въ монастыре на Ушне» [22, т. X, с. 217]. Относительно событий 1354 г. Рогожский летописец добавляет подробности: «В то же лето князь Феодоръ Глебовичъ и собравъ воя многы иде ратью къ Мурому на князя Юрья Ярославича и согна его съ города съ Муромы, а самъ князь Феодоръ седе на княжении въ Муроме. А муромци яшася за него и поидоша съ нимъ въ Орду. А князь Юрьи Ярославичъ приеха въ Муромъ за неделю после князя Феодора и собравъ останочныя люди муромци и поиде за нимъ въ Орду и бысть имъ судъ великъ предъ князми ординьскими и досталося княжение Муромское князю Феодору Глебовичю, а князь Юрьи выданъ бысть ему и съ истомы у него оумре» [Там же, т. XV, стб. 64 (первой пагинации)].

² Однако при непосредственном обращении к источнику видим, что княжеского титула у них нет: «Того же лета преставися благоверныи Андрей и жена его Устинья» [23, с. 335]. Аналогично в Никоновской [22, т. X, с. 156] и Симеоновской [Там же, т. XVIII, с. 76, л. 130 об.] летописях. Княжеский титул у них появляется только во Владимирском летописце: «ого же лета преставися князь Андрей и жена его княгини Устиния» [Там же, т. XXX, с. 95, л. 157 об.].

А. В. Кузьмин, идя вслед за Л. В. Войтовичем и пытаясь заполнить почти столетнюю лауну в генеалогии муромских князей, предположил, что указанный Андрей являлся сыном князя Ярослава Юрьевича, о котором говорится под 1248 г., и соответственно братом Марии, вышедшей замуж за ростовского князя.

Лиц следующего поколения муромских князей, на взгляд А. В. Кузьмина, находим в синодике Успенского собора Московского Кремля, где среди имен князей Северо-Восточной Руси второй половины XIV в. встречается имя Ярослава Муромского [14, с. 449]¹. Упомянутый Ярослав, по его мнению, значился в 1330 г. должником киевского митрополита Феоноста².

Затем он обратил внимание на синодик муромского Спасского монастыря конца XVII в., в котором содержалось поминание муромских князей [13, с. 26, прим. 3]³. На взгляд исследователя,

названные в нем князья Глеб, Михаил, Василий, Иван и Юрий (Георгий) являлись сыновьями князя Ярослава Андреевича (из них летописью упоминаются только Василий и Юрий), а захвативший Муром князь Федор являлся сыном Глеба, старшего из них [18, с. 164 – 168].

Но согласиться с предложенной схемой нельзя. Из синодика Спасского монастыря отнюдь не вытекает, что указанные в нем Глеб, Михаил, Василий, Иван и Юрий (Георгий) были сыновьями Ярослава, имя которого в синодике отсутствует.

Окончательно «поставить точку» в этом вопросе позволяет анализ истории Муромы второй половины XIII в. За те без малого сто лет, когда в Муроме не известны князья, он упоминается в летописи лишь несколько раз. Под 1257 г. сообщается о проведении описания татарскими численниками: «Тое же зимы прихаша численици изъ татарь, и изочтоша всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставиша десятинники, и сотники, и тысящники и темники, и вся урядивше, возвратишася во Орду» [22, т. X, с. 141].

В 1281 г. во время очередной междоусобицы между Андреем Городецким, оспаривавшим великое княжение у своего брата Дмитрия Переславского, Муром стал центром сбора сил Андрея, пришедшего из Орды вместе с татарами. В ходе войны сильно пострадала вся Северо-Восточная Русь, в том числе и окрестности Муромы [Там же, с. 159]. Еще об одном набеге становится известным из летописного известия под 1288 г.: «Того же лета князь Елортай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муромъ, Мордву, и много зла сътвориша, идоша во свояси» [Там же, с. 167]. Упоминается Муром и в числе четырнадцати русских городов,

¹ «Благодарному князю Михаилу Давидовичу Моложскому, Феодору, Ярославу, Ивану, Феодору Стародубским, Василью Галичскому, Всеволоду Глебовичу, Ольгу Добрянскому, Святославу Глебовичу, и сыну его Ивану и Михаилу, Глебу Святославичу, Ярославу Муромскому, Феодору и Михаилу Галичским, Иоанну Суздальскому, Михаилу Афанасьевичу, Димитрию Ивановичу, князю Симеону и князю Роману Новосильским, вечная память».

² В 1916 г. были опубликованы записи, произведенные в канцелярии митрополита Феоноста во время пребывания его на Волыни в сентябре 1330 – первой половине 1331 г. и касающиеся главным образом имущества незадолго перед тем умершего литовского митрополита Феофила. Они дошли в сборнике XVI в., где, между прочим, значится: «Сказал Рослав, что князь Муромский Ярослав должен 15 гривен» [24, с. 50].

³ «Благодарного князя Константина, и чада его: Михаила, Феодора, Петра, во иноцех Давида, княгиню Февронию, во иноцех Ефросинию, князя Андрея, Георгия, Романа, Глеба, Михаила, Василия, Иоанна, Георгия, Михаила, инока Васьяна, Анны, Симеона, кн. Иоанна, Петра (другим почерком и порыжевшими чернилами) князя Павла».

пострадавших от Дюденевой рати 1293 г. [22, т. XXV, с. 157].

В силу своего географического положения Муром в XIII – XIV вв. лежал на границе русских владений, за которой начиналась широкая буферная зона русско-ордынского пограничья. Непокойное соседство и татарские набеги приводили к постепенному запустению здешних мест. Одновременно на смену русскому населению сюда проникают выходцы из Орды. Великие владимирские князья были заинтересованы в том, чтобы создать из них буфер против возможных нападений со стороны Орды. В этом плане крайне любопытным представляется летописное известие 1269 г., когда князь Святослав Ярославич «прииде ... в Новгород, бяше же с ними баскакъ великий Володимерьский именем Армаганъ» [Там же, с. 148].

В свое время нами было высказано предположение, что по всей буферной зоне русско-ордынского пограничья располагались особые административные единицы – «тмы», служившие буфером между Русью и Ордой, а Муром был резиденцией великого владимирского баскака, подчинявшегося владимирскому великому князю. Исходя из этого становится ясным, почему князь Андрей Александрович, получивший ярлык на великое княжение, пришел из Орды именно в Муром [2, с. 66 – 70].

Вышесказанное позволяет говорить о пресечении династии муромских князей во второй половине XIII в. после кончины князя Ярослава Юрьевича и его сына Андрея († 1278), когда Муром еще при жизни последнего становится владением великого баскака владимирского. Об этом свидетельствуют отмеченные выше упоминания летописью Андрея без княжеского титула. Потеряв свой стольный город, он перешел в ка-

честве «вольного слуги» на службу к своим более удачливым сородичам.

Подобное явление было достаточно характерно для того времени. Известно, что в XIV в. князья, переходя на службу в Москву, зачастую именовались без своего титула. Яркий пример этому – знаменитый воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Московским летописным сводом конца XV в. под 1371, 1376 и 1379 гг. он упоминается с княжеским титулом [22, с. 187, 192, 200], хотя в то же время в перемирной грамоте с Ольгердом 1371 г. и завещании Дмитрия Донского 1389 г. он назван без него [15, № 6, с. 22; № 12, с. 36]. Лишь с начала XV в. потомки Рюрика и Гедимины сохраняют свой титул.

Муром никогда не являлся исключительно татарским городом. Здесь по-прежнему имелось и русское население. Неудивительно, что к середине XIV в., когда позиции Орды заметно ослабли, на город стали предъявлять претензии русские князья.

Первыми, кто это сделал, были рязанские князья, поскольку изначально Муром и Рязань составляли единое княжество. Очевидно, к рязанской династии принадлежал Ярослав, упоминаемый в качестве муромского князя в 1330 г.

К сожалению, родословная рязанских князей полна противоречий. К примеру, родословцы именуют знаменитого Олега Рязанского сыном князя Ивана Коротопола [25, с. 81]¹, тогда как в подлиннике сохранилась жалованная грамота 1371 г. Ольгову монастырю самого Олега Рязанского, где своим отцом он называет князя Ивана Александровича [5, № 322, с. 350]².

¹ «А княж Иванов сын Коротополов Олег, иже бысть советник безбожному Мамаю».

² «...молитвою отца своего князя великого Ивана Олександровича... язъ, князь великий Олегъ Ивановичъ».

Относительно недавно А. И. Цепков в специальной работе, посвященной этому вопросу, исправил родословие рязанских князей. Для нас важно наличие в составленной им генеалогической схеме князя Ярослава Александровича Пронского (дяди Олега Рязанского) [30, с. 172 – 178]¹.

А. В. Экземплярский именует его Ярославом-Дмитрием [32, с. 553]. Наличие двух имен у одного человека встречается в Древней Руси. Оно было связано с тем, что вскоре после принятия христианства столкнулись с тем, что у наших далеких предков издавна существовал определенный набор имен, дававшихся детям в память предков. Но церковь требовала называть младенцев только именами из святцев. Достаточно долго эту проблему обходили тем, что у князей, как правило, имелось два имени: одно княжеское, другое христианское. К примеру, великого князя Всеволода Большое Гнездо крестили именем Дмитрий. В честь его отец Юрий Долгорукий в 1154 г. основал подмосковный Дмитров [22, т. IX, с. 198]².

Однако к XIV в. этот обычай ушел в прошлое. Но каким образом у А. В. Экземплярского возникло двойное имя Ярослава? Дело заключается в том, что родословцы по-разному дают генеалогию пронских князей. Родословные росписи, составленные в XVI в., сообщают, что у жившего в первой половине XIV в. князя Александра Михайловича Пронского были сын Ярослав, внук Дмитрий

и правнук Владимир [11, с. 31 (третьей пагинации)]³. На основании этого Никоновская летопись под 1372 г. сообщает об изгнании из Рязани Олегом Рязанским князя Владимира Дмитриевича Пронского [22, т. XI, с. 17]⁴. Но здесь явно имеется лишнее колено, и Бархатная книга, составленная в 1687 г. в связи с отменой местничества, убрала лишнее колено в лице Дмитрия, посчитав, что у Александра Михайловича Пронского имелись сын Ярослав и внук Владимир [26, ч. I, с. 57]⁵.

А. В. Экземплярский, не зная, как поступить в данном случае, назвал Ярослава двойным именем. Так у пронского князя появилось два имени, хотя в лето-

³ «Въ лето 6851. Князь Ярославъ сынъ князя Александра Пронскаго...; а князь Ярославъ сынъ Александровича Пронскаго князь Дмитрей. А князь Дмитреевъ сынъ князь Володимеръ и отъ него пошли Пронские князи». Летописная редакция родословных книг вообще начинает род Пронских князей с Владимира Дмитриевича Пронского [25, с. 43].

⁴ «Тое же зимы князь Олегъ Ивановичъ Рязанский согна съ Рязанскаго княжения князя Володимера Дмитреевича Пронскаго и сяде паки самъ на великомъ княжении Рязанскомъ, таже изыма зятя своего князя Володимера Дмитриевича Пронскаго и приведе его въ свою волю». Каким образом в Никоновской летописи у Владимира появилось явно ошибочное отчество «Дмитриевич»? Это объясняется тем, что ее составители, стремясь не запутаться в отождествлении русских князей, тщательно прописывали их происхождение, сверяясь с родословцами. В этом плане, например, характерно известие о кончине сына Андрея Боголюбского Изяслава с перечислением шести колен его предков: «Въ лето 6672. Преставися князь Изяславъ, сынъ великого князя Андреа Боголюбскаго, внукъ Юрья Долгорукаго, правнукъ Владимирова Маномаша, праправнукъ Всеволожь, препраправнукъ Ярославль, пращуръ великаго Владимирова» [22, т. IX, с. 232]. При определении родства князя Владимира Пронского они использовали родословцы XVI в. с неверным указанием, что его отцом был Дмитрий.

⁵ «А у князя Александра Пронскаго сынъ князь Ярославъ Пронской; а на Резани сидель же. А у князя Ярослава сынъ князь Володимеръ, а посажень был отъ великаго князя Дмитрея Донскаго на Резани».

¹ Здесь же дан обзор предшествующей историографии генеалогии рязанских князей.

² «Родися великому князю Юрию Долгорукому Владимиричю Маномашу сынъ Дмитрей, и отецъ его прозва его Всеволодомъ, и заложил отецъ его князь Юрьи Долгорукий градъ на реце на Яхроме, и нарече имя ему Дмитровъ, по имени сына своего Дмитрея, глаголемаго Всеволода, понеже тамо родися».

писи он называется только Ярославом, а не Ярославом-Дмитрием. Летописец сохранил о нем два известия: об изгнании им в 1342 г. из Переяславля-Рязанского Ивана Коротопола, убийцы его отца [22, т. X, с. 215]¹, и о его кончине в 1344 г. [Там же, с. 216]².

На наш взгляд, пронского князя Ярослава Александровича (дядю Олега Рязанского) следует соотносить с Ярославом Муромским.

Поскольку отец Ярослава – Александр Михайлович до своей гибели в 1340 г. именуется князем пронским, можно полагать, что именно Ярослав до этого времени был муромским князем. Муромское княжение в этот период, судя по всему, считалось одним из беднейших на Руси, о чем говорит упоминание о долге Ярослава Муромского в 15 гривен, которые он задолжал в 1330 г. митрополиту Феогносту. По предположению А. В. Кузьмина, это была неуплаченная церковная десятина.

Затем Ярослав стал пронским князем, а стол в Муроме перешел к его сыну Василию, после смерти которого в 1345 г. достался его брату Юрию. Ему потребовалось шесть лет, чтобы обновить запустевшую «отчину свою Мурому».

Однако укорениться в Муроме Юрию и его потомкам так и не удалось. Виной тому стал приход сюда князя Федора Глебовича. А. Г. Кузьмин (1928 –

¹ «Того же лета приде из Орды съ посломъ Киндяковъ князь Ярославъ Пронский на Рязанское княжение, и приде съ татары къ Переяславу Рязанскому, и князь Иванъ Ивановичъ Коротополь затворися во граде Переяслави, и бися съ ними чрезъ весь день, а ночи выбежа изъ града, и посоль Киндякъ съ татары вниде во градъ, и много зла сотвори христианомъ: иныхъ изби, а иныхъ плени; а князь Ярославъ Пронский сяде во граде Ростиславле Рязанскомъ».

² «Того же лета преставися князь Ярославъ Александровичъ Пронский».

2004) полагал его одним из рязанских князей. Но эта версия не нашла своего подтверждения [19, с. 208]. А. А. Горским было высказано предположение, что «князь Федор Глебович не принадлежал к династии муромских князей, а был сыном Глеба Святославича Брянского, союзника Москвы, убитого в 1340 г.». Впрочем, он тут же оговорился: «Но такая идентификация Федора Глебовича остается, разумеется, не более чем догадкой: нельзя исключить, что это мог быть и князь муромской ветви, поскольку о представителях этой династии и их именованье мы почти не имеем сведений» [12, с. 73]³.

Летописью Федор Глебович впервые упоминается под 1348 г., когда великий литовский князь Ольгерд направил в Орду своего брата Кориада просить помощи на великого князя Семена Гордого. Последний, узнав об этом, поспешил послать к хану Джанибеку в качестве посла Федора Глебовича, «а с нимъ килчеевъ своихъ Феодора Шубачеева да Аминя, жаловатися на Олгерда, глаголя сице: “Олгердь улусы твои все высекъ и въ полонъ вывель, а еще хочеть и насъ всехъ вывести къ себе въ полонъ, а твой улусъ пусть до конца сотворити”». В итоге Джанибек пришел в ярость и выдал Кориада Федору Глебовичу, кото-

³ Сомнения исследователя понятны, поскольку в летописях этого времени упоминаются несколько брянских князей: Дмитрий, на дочери которого в 1341 г. женился князь Иван Красный [22, т. XXV, с. 173]; Василий, скончавшийся в Брянске в 1356 г. [Там же, т. X, с. 228], но нет места для Федора Глебовича. Единственной «зацепкой» для его признания брянским князем являлось летописное известие под 1340 г. об убийстве брянцами князя Глеба Святославича, очевидно, его отца [Там же, т. XXV, с. 172]. Сомнения разрешаются тем, что в Брянске, как и во многих других городах Древней Руси, существовало «смешное» владение князей, а сам он делился на две «половины» [3, с. 3 – 13].

рый привел литовцев в Москву [22, Т. X, с. 219]¹. В итоге Ольгерду пришлось посылать своих послов к Семену Гордому, чтобы вызволить своего брата.

В 1354 г. Федору Глебовичу вновь пришлось побывать в Орде у Джанибека, поскольку дело о владельческой принадлежности Мурома было вынесено на суд хана. В итоге его решили в пользу Федора Глебовича.

Летописец молчит по поводу того, какие доводы Федор Глебович сумел привести в свою пользу. По мнению А. В. Кузьмина, победить ему удалось благодаря обширным связям в Орде и Москве» [18, с. 164]. Однако в Орде относительно распределения княжеских столов на Руси придерживались принципа старинных обычаев русского права.

Определенный ответ дает наблюдение В. С. Безроднова, обратившего внимание на разницу двух летописных известий 1365 г. о набеге ордынского князя Тагая на Рязань. Согласно Никоновской летописи, его удалось отразить Олегу Ивановичу Рязанскому вместе с Владимиром Пронским и Титом Козельским [22, т. XI, с. 5 – 6]². Архангелого-

родский летописец, описывая те же события, именует Владимира брянским князем [Там же, т. XXXVII, с. 73]³. На основании этого исследователь счел Владимира брянским князем, женатым на неизвестной по имени сестре князя Олега Ивановича Рязанского. На его взгляд, после захвата Брянска 1356 г. литовцами он покинул город и отъехал к шурина в Рязань, получил от него в удел Пронск и стал основателем ветви князей Пронских [7, с. 31 – 32].

В этой связи следует заметить, что если генеалогия рязанских, муромских и пронских князей представляется весьма отрывочной, то относительно их брачных связей ситуация выглядит еще хуже. Единственное, в чем можно не сомневаться – в наличии брачных союзов брянских князей с рязанскими и пронскими князьями. Выяснение конкретных имен должно составить предмет отдельного исследования.

Можно предположить, что Федор Глебович в 1354 г. в качестве основного довода выдвинул матримональные претензии на Муром, и они были удовлетворены. Какого рода они были, пред-

¹ Значение слова «киличей» остается не совсем ясным. Словарь Брокгауза и Ефрона определяет киличеев как «русских послов в татарскую эпоху и несколько позже» [33, с. 57]. Словарь русского языка XI – XVII вв. еще более категоричен, считая его синонимом слова «посол» [29, с. 123]. Поскольку в то же самое время известно слово «посол», можно предположить, что киличями называли посланцев в Орду, знающих обычаи, нравы и язык татар.

² «Того же лета Тагай князь Ординский, иже по разрушении Ординскомъ приде въ Наручадъ и тамо самъ о себе княжаше, въ Наручадской стране, и потомъ въсхоте воевати Русь, и собрався со всею силою своею и со всею страню Наручадскою, и поиде ратью многою на Рязанскую землю; и приде тайно и безвестно на Рязань, и взя градъ Переславль Рязанский и сожже, и около его плени вся власти и села, и много полона взять, и тако по малу подвижеся съ многою тягостию иде въ поле.

Князь же великий Олегъ Ивановичъ Рязанский и с своею братьею съ Володимеромъ Пронским и съ Титом Козелским събрав силу свою, и иде вследъ его, и постиже его на месте, нарицаемемъ под Шишевскимъ лесомъ, на Войне; и бысть имъ бой и брань зело люта и сеча зла, и падоша мертви отъ обою; таже поможе Богъ великому князю Олгу Ивановичю Рязанскому и братье его, князю Володимерю Пронскому и Титу Козелскому, а гордый ординский князь Тагай, иже Наручадской стране дръжатель, во страсе и въ трепете мнозе бивъ и недоумевся, что сътворити, видя всехъ своихъ татаръ избивенныхъ, и тако рыдая и плаче и лице одираа отъмногиа скорби, и едва въ мале дружине убежа».

³ «Тое же осени приде ратью Тагаи бии и взя град Переславль Рязанский. Князь же Олег Рязанский и князь Володимер Брянский собраша вои многи и поидоша за ними в погоню. И бысть им сеча люта, и поможе бог князь Олгу и князю Володимеру, а Тагаи в мале дружине утече».

стоит еще выяснить. Для нас важно то, что подобные примеры известны. Рогожский летописец под 1343 г. сообщает о споре между великим князем Семеном Гордым и Константином Васильевичем Суздальским, в результате чего первый лишился Нижнего Новгорода и Городца [22, т. XV, стб. 55 (первой пагинации)]¹.

Бархатная книга после упоминания Федора Глебовича сообщает: «и после того Муромских князей род неведом» [26, ч. I, с. 56]. Но это не так.

В копии XVIII в. до нас дошла в двух вариантах (кратком и пространным) «местная» грамота нижегородского князя Дмитрия Константиновича, адресованная боярам, князьям, а также дьякам и прочим дворянам, определяющая «кому с кем сидеть и кому под кем садитца». В тексте грамоты есть запись, что она была составлена в 1368 г. В ней упоминается князь Дмитрий Федорович муромский, в котором исследователи предположительно видят сына князя Федора Глебовича [5, № 307, с. 335]².

История этой записи достаточно любопытна. Одной из видных фигур царствования императрицы Анны Иоанновны являлся Артемий Петрович Волынский (1689 – 1740), под конец своей карьеры дослужившийся до поста каби-

нет-министра. В апреле 1722 г. он упрочил свое положение женитьбой на дворянской сестре Петра I Александре Львовне Нарышкиной. Войдя в ближний придворный круг, он стал выказывать все повадки, присущие вельможам. Когда Екатерина I назначила его в 1725 г. казанским губернатором, перебираясь в Казань, он привез с собой до ста человек дворни, около 800 лошадей, огромную псарню. Современники, прекрасно знавшие его родителей: отца – Петра Артемьевича, стряпчего, а затем стольника при царе Федоре Алексеевиче, и мать – Евдокию Федоровну, происходившую из рядового рода Головленковых, удивлялись справедливости поговорки «из грязи в князи».

Это обстоятельство пробудило у Волынского интерес к генеалогии, и, желая показать знатность своей фамилии, он занялся историей собственного рода, происходившего от знаменитого героя Куликовской битвы Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Однако родословцы ничего не говорили, откуда тот появился в Москве, сообщая лишь, что у него было два сына, с которыми он приехал на Москву. В другом случае говорилось, что он был выходцем «из Волынские земли» [25, с. 54, 148].

Нужны были документы, подтверждавшие знатность родоначальника. В XVIII в. было известно, что в нижегородском Печерском монастыре хранилась «местная» грамота князя Дмитрия Константиновича Суздальского, определявшая взаимоотношения среди составлявших его двор бояр и «слуг вольных». В 1721 г. накануне женитьбы на Нарышкиной Волынский получил краткий вариант копии «местной» грамоты, доказывавшей знатность родоначальника фамилии. Согласно ей князь Дмитрий Константинович первым «велел са-

¹ «Въ лето 6851 [1343] князь великий Семень Ивановичъ сперся съ княземъ Костянтиномъ Васильевичемъ Суждальскимъ о княжении Новгорода Нижняго и поидоша во Орду и яшася бояре новгородскыи и городечьскыи за князя Семена Ивановича, да съ нимъ и въ Орду поидоша. И бысть имъ въ Орде судъ крепокъ и достася княжение Новгородское князю Костянтину и выдаша ему боярь, и приведении быша въ Новъгородъ въ хомольстехъ и имение ихъ взя, а самехъ повеле казнити по торгу вода». По нашему мнению, Семен Гордый лишился Нижнего Новгорода за отказ жениться на Антониде, дочери Константина Васильевича, хотя уже состоялось их обручение [1, с. 189 – 197].

² «...да садитца в лавке князю Дмитрею Федоровичу муромскому».

дितись от своего места тысяцкому своему Дмитрею Алибуртовичу князю Волынскому».

Правда, при ближайшем рассмотрении грамота вызывала сомнения и прежде всего в отчестве родоначальника (Алибуртович вместо Михайлович). Датой составления подлинной грамоты был указан 6806 г., что в переводе давало 1298 г. (Дмитрий Константинович Суздальский родился лишь около 1322 г.¹), и ясно обнаруживало поспешное и небрежное выполнение заказа исполнителем [5, № 308, с. 337 – 338].

Осознавая это, Волынский через двенадцать лет, в 1733 г., велел снять копию (пространный вариант) с подлинной грамоты, хранившейся в нижегородском Печерском монастыре. Но она разочаровала его, поскольку там не было даже намека на имя родоначальника Волынских.

Нижегородская «местная» грамота является одним из ценнейших документов своего времени, поскольку аналогов ей не сохранилось. В 1682 г. решением Земского собора система местничества была ликвидирована, а местнические книги были сожжены. В. О. Ключевский считал пространный вариант списком с подлинной грамоты, тогда как краткий вариант – фальсификацией, сочиненной в угоду А. П. Волынскому [17, с. с. 120 – 121, 539 – 541]. В отличие от него Н. П. Павлов-Сильванский счел оба варианта поддельными [20, с. 1 – 22].

Признавая подлинность пространного варианта «местной» грамоты, следует

¹ Прямых указаний на год рождения Дмитрия Константиновича нет, но в Никоновской летописи под 1383 г. сообщается о его смерти и сказано, что он «бывъ на великомъ княжении два лета, а въ своей отчине на великомъ княжении въ Суздале и въ Нижнемъ Новгороде 19 летъ, а всехъ летъ жития его 61» [22, т. XI, с. 83 – 84]. В итоге это дает 1322 г.

здать вопрос: почему Дмитрий Федорович Муромский перешел под покровительство великого суздальского князя Дмитрия Константиновича? Судя по всему, это был вынужденный шаг, поскольку рязанские князья не смирились с потерей Муромца.

Под 1377 г. летописец поместил рассказ о битве на Пьяне, из которого явствует, что великий московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) пришел на помощь своему тестю Дмитрию Константиновичу, но, не дождавшись вестей про татар, оставил своих воевод стоять вместе с ратью суздальского князя, куда входили и муромцы [22, т. XI, с. 27]².

«Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что во время военного смотра на Девичьем поле под Коломной в распоряжении двоюродного брата Дмитрия Донского – Владимира Андреевича Серпуховского – среди прочих воевод находился и князь Андрей Муромский. Распространенная редакция «Сказания» к этому добавляет важную подробность: «и те со всеми своими полками приидоша» [27, с. 34, 89]. Поскольку имя Андрея Муромского известно только по «Сказанию», можно лишь теоретически предположить, что он мог быть сыном Дмитрия Федоровича Муромского.

Еще одно не совсем ясное для нас известие встречается при описании московско-рязанского конфликта 1385 г. В этом году князь Олег Рязанский взял «изгоном» Коломну. В ответ Дмитрий Донской послал московскую рать во главе с Владимиром Андреевичем Серпуховским на Рязань. «А иную рать, – добавляет летописец, – послалъ князь

² «а воеводы своя остави тамо стояти съ володимерцы, съ переславцы, съ юрьевцы, и съ муромцы, и съ ярославцы».

велики Дмитрий Иванович на Муромъ на князя безъчестиа» [22, т. XI, с. 86]¹.

Выражение «безъчестиа» свидетельствует о том, что муромский князь перешел на сторону Рязани. Разумеется, «слуги вольные» имели право отъезда, но при соблюдении ряда условий. В частности, в dokonчании великого князя Дмитрия Ивановича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем, составленном около 1367 г., читаем: «А который боярин поедет ис кормленья от тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, а службы не отслужив, тому дати кормленья по исправе, а любо служба отслужити ему» [15, № 5, с. 21]. Отъезд во время военных действий приравнялся к измене.

То, что муромский князь перешел на сторону Рязани, свидетельствует тот факт, что в дальнейшем муромские князья упоминаются в военных действиях на стороне рязанских князей. Под 1396 г. сообщается, что «тое же зимы князь велики Олегъ Ивановичъ Рязанский съ зятемъ своимъ, съ великимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ, и з братьею своею, съ Пронскими князи, и съ Козельскимъ, и съ Муромскимъ, поиде ратью на Литву и много зла сътвориша имъ» [22, т. XI, с. 163]. Аналогичного характера известия помещены под 1400 г.: «Того же лета въ пределехъ Черленаго Яру и въ караулахъ возле Хопоръ до Дону князь велики Олегъ Ивановичъ, с Пронскими князи и съ Муромскимъ и Козельскимъ, избиша множество татаръ, и царевича Мамать-Салтана яша, и иныхъ князей ординскихъ поимаша» [Там же, с. 184]; и под 1401 г.: «Того же лета князь велики Олегъ Ивановичъ Рязанский съ зятемъ

своимъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ и з братьею своею, съ князи Пронскими, и Муромскимъ, и Козельскимъ, ратью поидоша къ Смоленску» [Там же, с. 185].

К сожалению, эти безымянные упоминания муромских князей не дают возможности проследить их родословие. Впрочем, к самому Мурому они имели лишь косвенное отношение, поскольку в 1392 г. великий князь Василий I получил в Орде ярлык на Муромское княжество [Там же, т. IV, ч. 1, с. 373]². Тем не менее потомки муромских князей известны. Затерявшись в рядах провинциального дворянства, они не попали в Государев родословец XVI в., однако были зафиксированы Бархатной книгой, составленной после отмены местничества. Судя по ней, от муромских князей происходили Замятнины, Злобины и Овцыны³.

Как указывал академик С. Б. Веселовский (1876 – 1952), «Овцыны вывели свое происхождение от муромско-

² «Ходи въ другой рядъ князь Василей в орду къ царю, и онъ ему даль Новгородское княжение Нижняго Новагорода, Моуромъ, Мещеру, Торусоу». Любопытно, что вопрос о присоединении Мурома встал на повестку московской дипломатии еще несколькими годами ранее. В договорной грамоте Василия I и Владимира Андреевича Серпуховского 1390 г. читаем: «А наиду собе Муромъ или Торусу, или иная места, а тотъ ти проторъ не надобе» [15, № 13, с. 38]. В аналогичном dokonчании 1401 г. «Муром с волостями, и что к нему потягло» значитъ московским владением [Там же, № 16, с. 44].

³ «Замятнины. Произошли от князей Муромских, но князьями не писались. Родословная их в росписи Злобиных под № 245», «Злобины. Произошли от князей муромских. У одного из князей муромских был сын князь Михаил Злоба, от которого и название принято, а князьями не писались. Родословная их под № 245. В той же росписи написаны: Замятнины, Овцыны», «Овцыны. Произошли от муромских князей. Название приняли от одного из потомков, у которого был сын по прозванию Овца, но князьями как он, так потомки его и подаватель родословной не писались. Родословная под № 99» [26, ч. II, с. 317, 319, 355, 412].

¹ «Безъчествие – нечестие, дурной поступок» [28, с. 151].

го князя Василия, старший брат которого – св. Петр Муромский, а младший, Иван, будто бы ушел с женой в Орду и там умер. Дети Ивана вышли из Орды на Русь при вел. кн. Дмитрие и стали родоначальниками Злобиных и Замятних». При этом он отмечал, что родословие Овцыных вызывает целый ряд недоумений с точки зрения хронологии колен и для времени до XVI в. очень не исправно [8, с. 458]. Это мнение подтвердил Д. М. Володихин, указавший на противоречия в датировке жизни св. князя Петра Муромского. Согласно «Повести о Петре и Февронии Муром-

ских», литературному памятнику XVI в., составленному вскоре после их канонизации писателем и публицистом Ермолаем-Еразмом, ряд исследователей соотнесли св. Петра с Давыдом Юрьевичем, княжившим в Муроме в начале XIII в. В то же время родословная роспись Овцыных относит время его жизни к середине XIV в., что позволяет связать их родоначальника с муромским князем Василием Ярославичем [21, с. 452 – 471, 562 – 563; 10, с. 117 – 120]. Выяснение этих противоречий должно составить предмет будущих занятий историков Муром.

Библиографические ссылки

1. Аверьянов К. А. Из истории Нижнего Новгорода в первой половине XIV в. // Лествица. Материалы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 22 мая 2003 г. Нижний Новгород, 2005. С. 189 – 197.
2. Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Муроме // Уваровские чтения – V. Материалы науч. конф., посвященной 1140-летию г. Муроме. Муром, 14 – 16 мая 2002 г. Муром, 2003. С. 66 – 70.
3. Аверьянов К. А. О совместном владении княжествами в Древней Руси // *Studia internationalia*. Материалы XI Междунар. науч. конф. Брянск, 3 – 4 июня 2023. Брянск, 2023. С. 3 – 13.
4. Аверьянов К. А. Суздальский Александровский монастырь. К вопросу о семейной жизни Александра Невского // Суздальский сборник за 2023 г. Владимир, 2024. С. 5 – 18.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. В 3 т. Т. III. М., 1964.
6. Баумгартен Н. А., фон. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // *Летопись Историко-родословного общества в Москве*. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 21 – 23.
7. Безроднов В. С. Князья Брянские, их происхождение и потомство // *Генеалогический вестник*. Вып. 59. СПб., 2019. С. 16 – 34.
8. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
9. Войтович Л. В. Святославичі, Чернігівські, Муромські і Рязанські князі // *Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження*. Львів, 2000 (яз. укр.).

10. Володихин Д. М. Когда жил святой Петр Муромский // Уваровские чтения – X. Физиогномика города. Материалы всероссийской науч. конф. с международным участием. Муром, 19 – 21 апреля 2017 г. Владимир, 2018. С. 117 – 120.
11. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851.
12. Горский А. А. Москва и Орда. М., 2016.
13. Добрынкин Н. Г. Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме (Лицевой синодик и Вкладная книга). Владимир, 1892.
14. Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1788.
15. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950.
16. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 20 т. Т. IV. М.: Наука, 1992.
17. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М.: Ладомир, 1994.
18. Кузьмин А. В. Генеалогия муромских князей в XIII – середине XIV в.: факты и гипотезы // Уваровские чтения – VIII. Древнерусские города: история и судьбы. Материалы всероссийской науч. конф. Муром, 26 – 28 апреля 2011 г. Владимир, 2012. С. 164 – 168.
19. Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.
20. Павлов-Сильванский Н. П. Местная грамота XIV в. Из бумаг кабинет-министра Артемия Волинского // Записки Отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1907. С. 1 – 22.
21. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI в. СПб.: Наука, 2000. С. 452 – 471, 562 – 563.
22. Полное собрание русских летописей.
Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001.
Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.
Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009.
Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. Л., 1982.
23. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

24. Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 21. Кн. 1. СПб., 1916. С. 48 – 70.
25. Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977.
26. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). Ч. I. М., 1787.
Ч. II. М., 1787.
27. Сказания и повести о Куликовской битве / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1982.
28. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) Т. I (а – възаконятися). М., 1988.
29. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 7 (К – Крагуяръ). М., 1980.
30. Цепков А. И. Родословная великого князя рязанского Олега Ивановича и некоторые дополнительные данные к его биографии // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 172 – 178
31. Шиман Н. Б. Муромская княжна Мария Ярославна // Уваровские чтения – VIII. Древнерусские города: история и судьбы. Материалы всероссийской науч. конф. Муром, 26 – 28 апреля 2011 г. Владимир, 2012. С. 179 – 182.
32. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 2015.
33. Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 29 (Керосин – Коайе). СПб., 1895.

К. А. Averyanov

MUROM PRINCES OF THE XIII – XIV CENTURIES

The genealogy of the Murom princes of the XIII – XIV centuries is a mystery. Medieval genealogists believed that they represented a single continuous dynasty. The analysis of chronicles and other news shows that representatives of several branches of Rurik's descendants reigned in Murom.

Keywords: Murom principality, genealogy of Murom princes, “free servants”, Velvet book, pedigrees.

УДК 94

А. Н. Левандовский, А. Н. Гривастова

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН НА САХАЛИНЕ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена исследованию положения женщин на Сахалине в середине XIX – начале XX в., т. е. во время существования на острове штрафной колонии. Взгляд на уже известные сюжеты с точки зрения женщин должен помочь лучше понять повседневную жизнь сахалинской каторги во всей её комплексности и многообразии. Исследуя заявленную проблематику, авторы приходят к выводу, что хотя

пребывание на острове зачастую негативно сказывалось на судьбе оказавшихся там женщин, однако некоторые из них сумели воспользоваться сложившимися обстоятельствами для изменения своей жизни к лучшему.

Ключевые слова: Сахалин, каторга, ссыльные, ссыльнокаторжные, штрафная колония, сожительство

За последние тридцать лет историческая наука в России претерпела значительные изменения. Одной из тенденций, возникших в конце XX в. и активно развивающихся в современной историографии, стало смещение вектора внимания исследователей с изучения глобальных объяснительных моделей к исследованию проблем, связанных с исторической памятью, историей ментальности, историей повседневности и т. д. Особую актуальность в ходе этого перехода приобрела история женщин. Появился целый ряд работ, посвящённых изучению благотворительной [5; 19], социальной и политической деятельности женщин [2; 13], женскому образованию [1; 22], повседневной жизни женщин в России [26] и т. д. Причём интерес к данной проблематике наблюдается не только со стороны российских, но и со стороны зарубежных исследователей, которые обратились к изучению женской истории уже в 70-х гг. XX в. [32; 34; 35; 36]. В последние годы это направление стремительно набирает популярность среди читательской аудитории, о чем свидетельствует значительное количество работ по данной тематике, представленных в совершенно разных жанрах – от научной литературы до комиксов, в популярной форме рассказывающих об истории женщин [6].

Эта тенденция пересекается с ещё одним историографическим трендом – увеличением интереса к региональной истории, что тесно связано с развитием краеведения в целом [17; 29]. В последние десятилетия появились работы,

в которых авторы исследовали жизнь женщин Сибири [7], Средней Азии [11] и т. д. В этом плане представляется крайне интересным изучение подобной проблематики в контексте истории острова Сахалин середины XIX – начала XX в., т. е. во время существования на нём штрафной колонии. Данный вопрос уже специально рассматривался в историографии [24; 33], однако при всех достоинствах данных работ их авторы главным образом концентрировались только на одной стороне жизни обитательниц Сахалина, связанной со всевозможными лишениями и испытаниями. При этом надо отметить, что пребывание в штрафной колонии, безусловно, привносившее в существование ссыльнокаторжных большое количество трудностей, всё-таки оставляло женщинам возможность наладить свою жизнь. Конечно, шансы, которые предоставлял остров, никак не перевешивали имевшихся минусов нахождения в ссылке, но в то же время утверждать то, что сахалинская каторга только калечила судьбы отправленных туда девушек, также не совсем корректно. Рассмотрение данного вопроса с другого угла, со стороны тех, кто, несмотря на все невзгоды, сумел реализоваться и устроить свою жизнь на острове, позволяет создать более комплексное представление о пребывании женщин на Сахалине.

Для того чтобы понять законы и нормы, действовавшие на острове в рассматриваемый период, необходимо привести краткую справку о его истории и состоянии его развития в середине XIX – начале XX в.

Активно идею о колонизации Сахалина начали обсуждать после Крымской войны. Атака английских и французских судов на Петропавловск-Камчатский показала слабую защищённость дальневосточных территорий империи от подобных нападений. Почти полностью беззащитным оказалось устье Амура, по которому вражеская эскадра вполне могла отправиться вглубь России. Во время Крымской кампании этого вторжения удалось избежать только из-за того, что открытия Г. И. Невельского о судоходности Амура ещё не стали достоянием общественности. В таких обстоятельствах начало освоения Сахалина – естественного щита, защищавшего устье Амура от неприятелей – было важным шагом в развитии системы укрепления обороноспособности границ. Дополнительным аргументом в пользу необходимости развития этого региона стало обнаружение на острове богатых залежей угля, которые могли бы очень пригодиться для обеспечения зарождающегося Тихоокеанского флота.

Принятие решения о начале освоения Сахалина ставило перед правительством сложный вопрос о пути и способах колонизации территории. Первоначально планировалось сделать ставку на добровольное заселение острова и начало работ по добыче полезных ископаемых свободными рабочими, для чего предполагалось привлечь казаков, отставных военных нижних чинов и ссыльных «одобрительного поведения» из Николаевска, Охотска, Гижиги, Камчатки, а также таковых из жителей бывших американских колоний [14, с. 229]. Однако вскоре стало понятно, что подобных людей было бы слишком мало для того, чтобы заселить столь большие пространства. По этой причине доста-

точно быстро возникла идея освоения Сахалина при помощи каторжного населения, у которого не было возможности отказаться от отправки на остров. При этом способ колонизации Сахалина должен был изменить и основной вектор развития острова с добычи полезных ископаемых на сельскохозяйственное освоение территории. Подобное изменение курса стало одной из причин заключения в 1875 г. Петербургского договора, по которому Российская империя получила Южный Сахалин в обмен на Курильские острова [14, с. 154]. С приобретением новой территории начался этап активной реализации «сахалинского проекта», на первых порах воспринятого правительством с особым воодушевлением. Так, начальник тюремного управления М. Н. Галкин-Враской крайне оптимистично отзывался о положении дел на острове и гордился непрерывным ростом созданных поселений [4, с. 237 – 255].

Тем временем в силу целого ряда проблем, тормозивших освоение острова, на практике реализовать «сахалинский проект» оказалось гораздо сложнее, чем это показалось на первый взгляд. Начали появляться статьи, в которых раскрывались трудности освоения новой территории [28], но настоящий резонанс вокруг штрафной колонии поднялся только после поездки на Сахалин А. П. Чехова. Освещение жизни острова Антоном Павловичем перевернуло само направление дискуссии с обсуждения глобальных вопросов политической выгоды и промышленного потенциала острова на размышления о страданиях сосланных на него людей [30]. Особое место в своей книге А. П. Чехов уделил положению женщин, которое, по его мнению, было просто ужасающим.

Для более глубокого его анализа необходимо составить представление о населении острова, обстоятельствах попадания женщин на Сахалин и их численном составе. Регулярно женщин, осужденных на каторгу, стали отправлять на Сахалин с 1884 г., а со следующего, 1885-го, туда стали направлять и поселенков не старше 40 лет «в интересах колонизации Сахалина» [20, с. 193]. Большинство женщин, оказывавшихся на острове, составляли добровольно следовавшие в ссылку за мужьями, однако были и те, чье нахождение там служило наказанием за совершение преступления.

Законодательное регулирование уголовно-исправительной системы и системы наказаний на рубеже XIX – XX вв. закреплялось в ряде нормативных документов, к важнейшим из которых относились Устав о ссыльных 1822 г. с последующими дополнениями и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Согласно этим документам группу преступлений, приводивших к ссылке, составляли нарушения, связанные с семейными отношениями. Наказание в виде лишения всех прав состояния и отправления в ссылку на каторжные работы или на поселение назначалось женщинам, совершившим преднамеренное убийство своего мужа или ребенка (включая «изгнание ребенка», т. е. аборт) (ст. 1451, 1462, 1463) [27, с. 547, 553]. Наравне с мужчинами наказание в виде ссылки могли получить и женщины, которые, «пользуясь слабостью своего мужа», наносили супругу «раны, увечья, тяжкие побои или иное истязание или мучение» [Там же, с. 607].

К началу 1900 г. на Сахалине проживало более 34 тыс. чел., из которых почти 8 тыс. составляли женщины. Из этого числа более 2,5 тыс. чел. имели

статус ссыльных и почти более 5 тыс. чел. – полноправных (из них большинство составляли добровольно следовавшие за ссыльными и родившиеся на острове члены их семей – 4937). Из общего числа проживавших на острове 92 % были доставлены на Сахалин в результате ссылки (67,10 % – сами ссыльные и 24,90 % – члены их семей) [16, с. 272].

Возвращаясь к оценке жизни женщин на острове, данной А. П. Чеховым, нужно отметить, что для того, чтобы сделать вывод об ужасающем положении ссыльных девушек, у писателя были все основания. Дело в том, что на Сахалине для каторжанок не существовало как таковой специальной тюрьмы. Вместо этого их отдавали в сожительницы к ссыльнопоселенцам для ведения совместного хозяйства [4, с. 246]. Делалось это для того, чтобы как можно быстрее увеличить количество обрабатываемой земли на острове. В теории эта идея казалась логичной и оправданной, однако очень быстро стали видны её негативные последствия. Становясь сожительницей, женщина очень часто попадала в полную власть своего партнёра, который нередко использовал её для получения дохода, заставляя заниматься проституцией. Не брезговали этой возможностью и представители местной администрации, которые разбирали наиболее привлекательных девушек себе в служанки, зачастую заставляя их выходить за рамки должностных обязанностей [30, с. 328].

Ситуацию еще больше усугубляло то, что практически всё вышеописанное происходило и с добровольно следовавшими за своими мужьями в ссылку женщинами. К этому приводило то, что в силу явной недостаточности выделявшихся правительством средств для

обеспечения семьи необходимыми продуктами при отсутствии на острове доступной работы жёны, добровольно следовавшие на Сахалин, были вынуждены продавать своё тело, чтобы прокормить семью [9, с. 94]. Понятно, что подобный подход не мог привести к складыванию крепкого хозяйства, а лишь только развращал девушек, попадавших на каторгу. Всё вышесказанное совершенно справедливо, и подтверждение пагубности системы сожительства мы можем найти даже у горячих сторонников «сахалинского проекта» [4, с. 246].

При знакомстве с общим описанием положения женщин на острове создается впечатление, что они были совершенно бесправны, что попадание на Сахалин могло означать для них только падение в пучину разврата и крушение всех надежд на дальнейшее будущее. Однако в ходе более подробного анализа различных аспектов нахождения на острове убеждение в том, что жизнь женщин была несравнимо тяжелей и несчастней участи ссыльных мужчин, все больше кажется не столь очевидным.

При всех лишениях, которым подвергались женщины, существовали и обстоятельства, облегчавшие их отбывание наказания или даже предоставлявшие им отсрочку при отправлении в ссылку. К таким факторам, например, относилась беременность. Согласно Уставу о ссыльных приговоренные к ссылке женщины, недавно родившие и кормящие младенцев, получали отсрочку отправления в ссылку до достижения ребенком возраста полутора лет (ст. 35) [16, с. 18]. Если ребенок рождался уже во время нахождения в ссылке, женщина освобождалась от обязательных работ на срок 80 дней – по 40 дней до и после родов (до отмены каторжных работ). По-

сле родов кормящие матери определялись на выполнение облегченных видов работ (на срок до полутора лет) (ст. 111) [Там же, с. 44]. В 1893 г. по отношению к осужденным женщинам было отменено применение телесных наказаний [18, с. 201 – 203]. Несколькими годами ранее, в 1885 г., было отменено определение женщин на работу на рудниках [3], также женщин не отправляли на тяжёлые каторжные работы. Это послабление было особенно существенным, так как многие задания, которые администрация возлагала на заключённых мужчин, были невероятно тяжёлыми. Особенно трудной в условиях сахалинского климата была работа по строительству дорог, которая часто проходила в нечеловеческих условиях. Так, во время строительства Онорской дороги умерло около 70 человек и ещё 226 бежали [15, с. 251]. Женщины же были освобождены от подобных работ.

Причём, что примечательно, даже за убийство своего сожителя каторжанка могла не понести никакого наказания. Женская тюрьма практически не функционировала, а сослать её было нельзя, поскольку она уже находилась в штрафной колонии. Единственное, что оставалось в такой ситуации, это увеличить срок её пребывания на острове и перевести к другому сожителю.

Указанным послаблениям можно противопоставить тот факт, что ценой подобных преимуществ для каторжанок, насильно вовлекаемых в занятие проституцией, была торговля своим телом. Такое замечание совершенно оправданно, однако среди данных, представленных в источниках, можно найти и тот факт, что схожую судьбу могли разделить и мужчины из низов каторги, которых использовали «Иваны» – местные «авторитеты». Причём эта практика бы-

ла довольно распространена не только на Сахалине, но и в других тюрьмах империи [10, с. 156].

Помимо множества примеров сломанных сахалинской каторгой женских судеб были и такие случаи, когда остров открывал для женщин новые возможности. Часть ссыльных очень умело пользовалась своей ролью сожительницы, добиваясь такого положения, которое они вряд ли бы могли достичь за пределами Сахалина. Зачастую каторжанки, становившиеся любовницами чиновников, получали возможность ходить в дорогих одеждах и жить гораздо лучше свободных девушек, пришедших в штрафную колонию за своим мужем [31, с. 231]. Конечно, не все женщины могли влюбить в себя представителей местной администрации, но, даже находясь в положении сожительницы обычного арестанта, каторжанки имели возможность повернуть ситуацию в свою пользу. Примером подобного положения может послужить представленная в очерках В. М. Дорошевич история об одной паре, в которой женщина, не работая и буквально целыми днями валяясь в кровати, делала только одно – требовала для себя подарков, а в случае отказа выполнять все её прихоти угрожала мужчине уйти к другому сожителю, апеллируя к тому, что у нее были связи в местной администрации [8, с. 56].

Были примеры и другого рода, в основе которых лежали не только материальные мотивы. Так, известны случаи, когда девушки находили на острове свою любовь и даже совершали преступления, чтобы остаться со своим возлюбленным. Подобные инциденты происходили не так часто, однако причины совершения таких поступков объяснимы. В действительности большая часть отправляемых на Сахалин женщин не

были профессиональными преступницами по типу Софьи Золотой ручки (Софьи Блюфштейн). Как правило, ссыльные попадали на остров в силу тяжёлых жизненных обстоятельств: за убийство мужа, ребёнка или схожего преступления. В основе таких действий лежали душевные переживания, а не желание обогатиться. В таких условиях романтические отношения на каторге были женщинам далеко не чужды, некоторым из них даже удавалось найти своё счастье, хотя подобный вариант событий был скорее исключением из правил. Причём даже в случае удачи подобный роман мог закончиться трагедией. Так, в селении Пильво девушка смогла найти себе мужа и начать с ним совместную жизнь, но их счастье было недолгим. Один из отвергнутых претендентов подкараулил своего более удачливого соперника и убил его с тем намерением, чтобы он не смог воспользоваться плодами своей победы [15, с. 111].

Отдельно стоит сказать о свободных женщинах на острове, о которых обычно забывают, когда пишут о Сахалине. Стоит признать, что в этом нет ничего необычного, так как их жизнь на острове, по замечанию местного мирового судьи Н. А. Преображенского, мало отличается от жизни в какой-то отдалённой от центра провинциальной деревне. Это бесконечные сплетни, слухи и дразги по пустому поводу, чтобы только убить время [23, с. 28]. Однако среди них были и те, для которых именно Сахалин стал местом, в котором они смогли «найти себя» и реализовать свое призвание. В этом отношении показателен пример сестры милосердия, дворянки Е. К. Майер, приобретшей популярность среди благотворительной общественности в начале XX в. «Подвиг русской женщины среди каторжников на о. Са-

халин» – так оценивались действия Е. К. Майер, добровольно отправившейся на Сахалин с целью облегчить участь каторжников. Поводом к принятию решения об отправлении на остров стало её знакомство с книгой А. П. Чехова, в которой описывались все тяготы жизни каторжных. Прочтение «Острова Сахалин» вызвало в ней настолько сильное сочувствие, что «ей все казалось, что с проклятого острова поднимается отчаянный вопль с призывом: “идите к нам, спасите нас”». Поездка на Сахалин, в «могилу для погребения живых», как отозвалась о нем сама Е. К. Майер, было для неё возможностью реализовать свое призвание, которое она остро ощутила после знакомства с книгой [21, с. 592 – 594]. Спустя два года после высадки на острове усилиями Е. К. Майер на Сахалине был организован дом трудолюбия, в котором действовали швейная, сапожная и переплетная мастерские. При за-

ведении были устроены столовая, дом для сирот, первоначальная школа грамотности и народный дом [25, с. 206]. Кроме того, в планах миссионерки было учреждение убежища для женщин, последовавших за мужьями на каторгу [21, с. 592 – 594].

Жизнь женщин на Сахалине была, безусловно, крайне тяжелой. Условия, в которых были вынуждены существовать оказавшиеся на острове девушки, чаще всего навсегда ломали их судьбы, однако изучение свидетельств о повседневной жизни ссыльных позволяет выявить и другую сторону их существования на острове. В ряде историй, рассказывающих о женщинах на Сахалине, показаны люди, которым все-таки удалось устроить более-менее достойную жизнь на острове, а некоторым даже реализовать свое призвание, развиваясь в профессиональной и социальной сферах.

Библиографические ссылки

1. На перекрестье времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет / отв. ред. А. В. Лубков ; науч. ред. О. В. Воробьева [и др.]. М. : МПГУ, 2022. 832 с.
2. Воронихин А. В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революционеров из XXI века. М. ; Саратов : Common place, 2020. 396 с.
3. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 11 июня 1885 г. // Полное собрание законов Российской империи. 1881 – 1913. Т. 5 (1885). № 3046.
4. Галкин-Враской М. Н. Записка начальника Главного тюремного управления // Тюремный вестник. 1895. № 5. С. 237 – 255.
5. Гривастова А. Н. Особенности благотворительной деятельности А. К. Карамзиной в Российской империи и Великом княжестве Финляндском (вторая пол. XIX в.) // Сборник студенческих научных работ 2019. М. : Изд-во ПСТГУ С. 93 – 101.
6. Гусев Д., Русинова А., Цырлина Т. Бестужевки: первый женский университет М. : Самокат, 2021. 96 с.
7. Долидович О. М., Федорова В. И. Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Красноярск, 2008. 229 с.
8. Дорошевич В. М. Сахалин. Каторга. Южно-Сахалинск, 2012. 382 с.

9. Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. 173 с.
10. Ермаков А. И. Два года на Сахалинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн. 6 (27). С. 151 – 177.
11. Зияева Д. С. Положение женщин Средней Азии в колониальный период // Вопросы гуманитарных наук. Ташкент. 2019. № 3 (102). С. 13 – 16.
12. К вопросу о будущности и устройстве о. Сахалина // Тюремный вестник. 1901. № 6. С. 271 – 277.
13. Колоколов Н. А. Оправдание Веры Засулич: ошибка или закономерность?: Две эпохи, два взгляда! // Человек и закон : общенациональный правовой журнал М., 2010. № 7. С. 108 – 117.
14. Латышев В. М., Дударец Г. И. Государственный канцлер А. М. Горчаков и решение сахалинского вопроса. Южно-Сахалинск, 2015. 524 с.
15. Лобас Н. С. Каторга и поселения на острове Сахалин (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии) со многими рисунками. Павлоград, 1903. 160 с.
16. Марколя Л. И. Устав о ссыльных (по изданию 1909 г.): с разъяснениями Правительствующего сената [...]. Иркутск, 1911. 173 с.
17. Минаков А. С. Информационные и организационные ресурсы краеведческого музея как фактор развития исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. Л. И. Бородкин, А. Д. Яновский. М. : Этерна. 2015. С. 117 – 123.
18. Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин // Тюремный вестник. 1893. № 6. С. 201 – 203.
19. Опимах И. Художницы, музы, меценатки. М. : Ломоносов, 2024. 248 с.
20. Панов А. А. Сахалин как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. 234 с.
21. Подвиг русской женщины среди каторжников на о. Сахалин // Тюремный вестник. 1904. № 8. С. 592 – 594.
22. Пономарева В., Хорошилова Л. Русская женщина: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века М. : Ломоносов, 2020. 272 с.
23. Преображенский Н. А. Проклятая быль. СПб., 1909. 113 с.
24. Савчук А. А. Не свои. Чужие. Лишние. Женщины на русской каторге в воспоминаниях очевидцев // Клио. 2020. № 9 (165). С. 20 – 28.
25. Сахалинская каторга (второй половины XIX – начала XX в.). Документы и материалы. Т. 2 // Архивное агентство Сахалинской области, ГБУ «Государственный исторический архив Сахалинской области», ФКУ «Российский государственный исторический архив Дальнего Востока» / сост. М. В. Гридяева, Л. В. Драгунова, Н. А. Троицкая, Ким Чан Ок. Южно-Сахалинск : Сахалинская областная типография, 2015. 412 с.
26. Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. 404 с.
27. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. : с дополнениями по 1 января 1876 г. СПб., 1876. 726 с.
28. Тальберг Д. Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. СПб., 1879. Т. 3. С. 219 – 252.

29. Центр и регионы, экономическая политика правительства на окраинах Российской империи 1894 – 1917 / отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 660 с.
30. Чехов А. П. Остров Сахалин. Южно-Сахалинск, 1995. 520 с.
31. Ювачев И. П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. 287 с.
32. Engel B. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861 – 1914. Cambridge : University Press. 1996. 254 p.
33. Gents A. A. Sakhalin's Women: the Convergence of Sexuality and Penology in Late Imperial Russia // *AB Imperio*. 2003. № 2. P. 115 – 138.
34. Lindenmeyr, A. Writing Women into the Russian Revolution of 1917 // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. № 13. P. 214 – 231.
35. Lindenmeyr, A. Public life, private virtues: women in Russian Charity, 1762 – 1914. *Signs*. Spring. 1993. P. 562 – 592.
36. Stites R. Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860 – 1930. Princeton : Princeton University Press. 1978. 464 p.

A. N. Levandovsky, A. N. Grivastova

WOMEN IN SAKHALIN IN THE MID 19TH – EARLY 20TH CENTURY

The article is devoted to the study of women's status on Sakhalin in the mid 19th – early 20th century, that is, during the existence of a penal colony on the island. A look at already known stories from the point of view of women should help to better understanding of the daily life of Sakhalin hard labor in all its complexity and diversity. Exploring the stated issues, the authors come to the conclusion that, although staying on the island often had a negative impact on the fate of the women who found themselves there, some of them were able to take advantage of the prevailing circumstances to change their lives for the better.

Keywords: Sakhalin, penal servitude, exiles, exiled convicts, penal colony, cohabitation.

УДК 930+93/94

А. В. Лубков, Г. А. Артамонов, И. В. Литвинова, Е. А. Большакова

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ШКОЛЫ

В статье исследуются проблемы формирования особенностей методологических подходов представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы. Вопросы методологии были центральными для многих из них – профессоров ведущих российских университетов, активных участников процессов становления национальной модели отечественного просвещения. Авторы вслед за некоторыми представителями «младшего поколения» государственной (юридической) школы обосновывают вывод, что система ценностей и нравственных идеалов не

только не противопоставлена гносеологическим основам научного познания, а является важнейшим звеном методологии наук, объектами исследования которых являются те или иные сферы жизни общества.

Ключевые слова: методология, позитивизм, общественная мысль второй половины XIX века, государственная (юридическая) школа, научная школа, русские мыслители.

В специальной литературе неоднократно отмечалось, что в основе практически всех значимых дискуссий исторической науки лежат не столько историко-ведуческо-фактологические, сколько методологические разногласия ученых. Так, например, более чем трехсотлетняя дискуссия вокруг так называемой «норманской проблемы» во многом детерминирована и продолжает поддерживаться принципиальными расхождениями в базовых положениях позитивизма и диалектического материализма, на что в свое время обратил внимание один из крупнейших отечественных историков-ведов, ученик академика М. Н. Тихомирова профессор Аполлон Григорьевич Кузьмин [11, с. 34].

Как известно, на позициях методологии позитивизма вроде бы последовательно стояли историки права – представители «младшего поколения» государственной (юридической) школы, специализировавшиеся в области древнерусской истории, пытавшиеся применить комплексный подход к анализу всех письменных источников, известных на то время. Вместе с тем сложность поставленной задачи и невозможность с позиций методологии субъективного идеализма объяснить весьма противоречивый характер известий, нередко содержащихся в одном и том же источнике, неизбежно вели их к расширению методологических рамок и выходу за пределы позитивистских гносеологических установок.

Традиционно к представителям «младшего поколения» государственной (юридической) школы относят профессора Санкт-Петербургского Императорского университета Василия Ивановича Сергеевича. В. И. Сергеевич читал для студентов курс методологии. Он был в числе тех профессоров, кто вошел в состав комиссии о допущении женщин к юриспруденции и организации юридического факультета на Бестужевских высших женских курсах. Первыми профессорами нового факультета Высших женских курсов стали кроме В. И. Сергеевича видные фигуры историков права: заслуженный профессор, ординарный академик Императорской академии наук (1912), действительный статский советник (1908), член Государственного совета (1917) Михаил Александрович Дьяконов; ученый-правовед, депутат первой Государственной думы Лев Иосифович Петражицкий.

Вопросы методологии были центральными в преподавании профессором Николаем Павловичем Загоскиным курса русской истории (1879 – 1882, 1910 – 1911) на Казанских высших женских курсах. Профессор по кафедре истории русского права, декан юридического факультета (1905 – 1911) и ректор Казанского императорского университета (1906 – 1909), директор Казанских высших женских курсов (1911 – 1912) Н. П. Загоскин обобщил научный опыт отечественных историков права в труде «Наука истории русского права» и адаптировал его к учебному процессу [9].

Другой обобщающий труд «Обзор истории русского права», переиздававшийся в Киеве 7 раз с 1886 г., принадлежал перу Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова, профессора Киевского университета, который читал лекции по истории русского права с 1875 по 1915 г. Этот труд стал признанным опытом полного и систематического курса истории права.

Внимание к методологии передовых ученых этого времени не случайно. Развитие практики источниковедческого анализа восходит в российском методологическом опыте к деятельности Василия Никитича Татищева, автора первого фундаментального труда по отечественной истории. Кроме того, Татищев подготовил к печати важнейшие законодательные источники Древней Руси и снабдил их комментариями, речь идет о Русской Правде и Судебнике 1550 г. Он призывал сосредотачивать усилия не на пересказе собранного источниковедческого материала, но на критическом выяснении степени надежности источника.

Правильно понять исторический источник, опираясь на логику здравого смысла, сопоставляя одни и те же сведения, сообщаемые разными источниками, – основной метод, на который опирались исследователи XVIII века. С 1803 г. начинается кропотливая работа над созданием многотомного сочинения истории государства Российского, в ходе которого в научный оборот были введены неизвестные ранее летописи, памятники древнерусского права, художественной литературы. Эти источники в редакции Карамзина обильно цитировались и изучались представителями «младшего поколения» государственной (юридической) школы. Рукописные 12 томов были впервые опубликованы в течение 1818 – 1829 гг.

Арсенал методов работы с источниками Николая Михайловича Карамзина помимо традиционных был обогащен достижениями лингвистики, хронологии, исторической географии. Вслед за М. В. Ломоносовым Карамзин фокусируется на грамматическом толковании текста. Как отмечают исследователи, рассуждения Карамзина, в отличие от его предшественников, характеризуют большую глубину и психологизм [16, с. 18]. Раскрытие внутреннего содержания явлений для мыслителя более приоритетно, чем критика источника, развиваемая в русской исторической науке активно с 20 – 40-х гг. XIX в. в рамках критического направления.

XIX век – время активной разработки и внедрения множества различных методологических подходов. Влияние немецкой классической философии, разработка базовых положений позитивной философии О. Контом и, наконец, появление марксизма во многом стимулировали процессы развития оригинальной отечественной гносеологической традиции. Так, Н. Я. Данилевский, основоположник цивилизационного подхода, с чьим именем связывают создание концепции культурно-исторических типов, анализирует различия в психическом строе европейских и славянских народов, формулирует важнейшие отличия между народами славянского и германороманского типа [7, с. 220 – 250]. В глубины психологии погружал своих студентов и слушательниц профессор истории права Л. И. Петражицкий, признанный основоположник психологической школы права. «На базе эмоциональной психологии строил свою теорию права» этот ученый, пользовавшийся большим уважением своих слушательниц [18, с. 249 – 255].

Во второй половине XIX в. формируются различные направления философского познания проблем антропологии и герменевтики, ресурсы которых позволяли преодолеть поверхностное понимание социальных явлений и создавали перспективы для глубокого философского анализа особенностей цивилизации.

Значительный вклад в разработку методологических проблем исторической науки внесли представители «старшего» поколения государственной школы. Так, капитальное творение Сергея Михайловича Соловьева по истории России провозглашает принцип преемственности истории, исключаящий ее дробление на отдельные части, подразумевающий взаимосвязь и взаимодействие явлений. Исследователь приглашает к объяснению явлений истории исходя из их внутренних причин. С. М. Соловьев проводит скрупулезный текстологический анализ известных летописей, духовных, договорных, уставных и судебных грамот, судебных Ивана III и Ивана IV, архивных документов делопроизводства XVII – XVIII вв., впервые вводимых им в научный оборот, а также памятников народного творчества, сказаний и легенд. Он согласовывает источники между собой, прослеживая этапы становления государственности на Руси, особенности быта и нравов. Зачастую ученый обращает внимание на мотивы, которым был подвластен летописец или законодатель – мотивы личного, религиозного или политического характера. При этом ученый не избежал обширного цитирования содержания источника, по-видимому, стремясь к максимальной объективности в осмыслении исторических фактов.

Его современник Василий Осипович Ключевский, читавший в течение 1872 –

1888 гг. курс русской истории на Московских высших женских курсах, а затем в Московском университете, уделял значительное внимание вопросам методологии истории и источниковедению. В 1899 г. было издано «Краткое пособие по русской истории» В. О. Ключевского, в скором времени превратившееся в общепризнанный учебник для гимназий. Лекции, тщательно записанные курсистками по инициативе Авдотьи Ивановны Герье [10], стали основой фундаментального труда по отечественной истории.

Надо отметить, что С. М. Соловьев и В. О. Ключевский стояли у истоков зарождения высшего женского образования в Москве, вместе с профессором В. И. Герье они стали идейными сподвижниками реализации идей университетского педагогического образования и духовными «отцами-основателями» Московских высших женских курсов. Благодаря деятельности этих выдающихся ученых на Московских высших женских курсах сложились традиции исторического исследования, предполагающие синтез данных различных смежных наук: археологии, этнографии, лингвистики, выделение в качестве ключевого аспекта социально-психологического облика народа. Учеными расставлялись акценты с ударением на значение духовной составляющей в изучении истории, утверждалось, что «духовная жизнь человечества должна быть главной школой образования» [15, с. 133]. Подобные подходы позволяли исследовать истоки народного характера, особенности духовных ценностей русского народа, проблемы самоорганизации и народоправства, роль государства в истории развития нашего Отечества, т. е. все те проблемы, которые раскрывают цивилизационную сущность российского государства-цивилизации.

Данная проблематика стала ведущей и в исследованиях историков права, причисляемых к «младшему поколению» государственной (юридической) школы. Однако в отличие от своих учителей они были не склонны делать широкие теоретико-методологические обобщения в осмыслении исторического процесса, в поиске общих закономерностей развития российской цивилизации [12, с. 117]. В то же время от их внимания не ускользали дискуссионные проблемы, которые они изучали, приступая прежде к анализу структуры и содержания комплекса различных нормативных материалов. Среди приемов и методов историко-правового исследования, хорошо известных и применяемых и в наши дни, выделяется формально-логический метод. Он подразумевает сопоставление сравниваемых компонентов (понятий, терминов, событий и т. д.) текста с целью определения их тождества и выяснения «истинности» утверждения либо путем индукции (от единичных явлений к общему), либо дедукции (от общего к частному). Точное установление исторического факта в процессе скрупулезного изучения зачастую приводило к превалированию описательного отношения к источнику.

К подобному «перегибанию», когда за фактом не видно собственно мысли исследователя, критически относились и сами историки права. Например, М. Ф. Владимирский-Буданов называл лжеобъективизмом деятельность тех, кто лишь пересказывает факты словами источника. Лжеобъективизмом, по его мнению, страдает немало число произведений современных ему историков-юристов. И лишь немногим удается преодолеть Сциллу и Харибду, по выражению ученого, только тем, кто освещает «факт мыслию, но не подчиняет его предвзятой идее» [6, с. 6].

Принцип объективности – это первооснова процесса познания, направляющая исследователя к рассмотрению аспектов бытия изучаемого им объекта через призму времени. На важность оценочного знания указывал Владимирский-Буданов, говоря об излишней увлеченности ряда историков права описательным методом. Понимание правовых текстов, следуя критике М. Ф. Владимирского-Буданова, должно включать интерпретацию исследователем значения текста и намерений автора, при этом он должен оставаться объективным и игнорировать собственные предвзятые представления. По сути дела, М. Ф. Владимирский-Буданов затрагивает феномен рефлексии, подчеркивая значимость и необходимость научно-психологического изучения явлений и процессов в политико-правовом измерении цивилизационного опыта страны.

И хотя представители «младшего поколения» государственной (юридической) школы поглощены были, прежде всего, познавательными возможностями источника, практикуя позитивистский научный метод, выявление специфики научной ценности источника раздвигало для ряда исследователей рамки позитивистской методологии. От непосредственного созерцания и описания, основанных на применении методов точных математических и естественных наук: наблюдение, сравнение, анализ, они обращались к объяснению и интерпретации источника, т. е. началам герменевтики как методу распознавания причинно-следственных связей, отраженных в правовом источнике.

В связи с этим обращение к проблеме государственного начала на Руси приобретает интересный поворот. Останемся на взглядах М. Ф. Владимирского-Буданова на данный вопрос.

Начало государственности и призвание варягов ученый не отрывает от анализа значимости роли городского самоуправления в самой идее государства и в становлении отечественного права. Нельзя сказать, что в этом он был исключителен, поскольку очень многие исследователи зачатков русской государственной жизни проявляли к неизведанным страницам истории древнерусского города и городских народных собраний глубокую заинтересованность. Однако важным представляется расстановка приоритетов в понимании трех компонентов, участвующих в строительстве государства, – личности, общества, государства. Для М. Ф. Владимирского-Буданова совершенно очевиден водораздел, проводимый западноевропейской традицией между этими составляющими, что отнюдь не характеризует специфику взаимоотношений власти и общества на Руси. Он подчеркивает, что сам язык историописания и сравнительно-исторических исследований подчас заимствуется из западноевропейской теории, что в значительной мере ограничивает суждения историков о древнерусском обществе [3, с. 338].

Понятие «общество», по его мнению, не может быть противопоставлено государству, поскольку является необходимым элементом государства – его населением наряду с различного рода союзами, как естественными, под которыми ученый подразумевает сельские и городские общины, так и созданными населением для решения общественных задач и осуществления важнейших государственных функций. Эти живые органические части государства спаяны с ним при одном условии, если «только государство национально», т. е. выражает сознание и энергию народа [6, с. 3, 8].

Таким государство и было в Древней Руси. Поэтому противопоставление общества и государства становится надуманной практикой, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова. На основе исследований ярких представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы – М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. П. Загоскина, М. А. Дьяконова, В. И. Сергеевича – в 1909 г. был составлен краткий учебник по программе истории русского права. Историки права утверждали, что вече в Древней Руси было явлением необходимым и всеобщим. Оно составляло исконную форму участия народа в общественных делах и существовало у племен, образовавших Древнерусское государство еще до прихода варяго-русских князей [8, с. 43].

Изучение причин установления единой княжеской власти на Руси, которые составители учебника объединили в четыре группы, основывалось на летописном предании, интерпретация которого инициировала фундаментальные исследования историков права. Первая причина – дать наряд восточнославянским племенам, т. е. внедрить правовой порядок в жизнь отдельных общественных союзов. Однако введение зачатков законодательной деятельности посредством княжеской власти может считаться условным, поскольку она была ограничена действием обычного права, что подтверждают многочисленные свидетельства представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы [1, с. 109 – 112]. Вторая причина – административная: княжеский суд и внутреннее управление. Но и здесь нельзя обойтись без уточнений. Ряд историков права (М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф. И. Леонтович, А. Д. Градовский, Д. Я. Самоквасов) утверждали, что роль князей во внут-

реннем управлении почти не заметна в удельно-вечевой Руси, а попечение о безопасности и благосостоянии общества составляло предмет деятельности общины, в чем и сказывались жизненная сила и автономия земской общинной организации народного быта. Другие же, например В. И. Сергеевич, признавали доминирующим в древнерусской жизни господство силы и договорного начала [14]. Третья причина – финансовое управление, т. е. сбор дани, и четвертая причина – военное управление не вызывали каких-либо разногласий среди историков права.

Таким образом, факт образования государства до появления князей на Руси был совершенно очевидным для большинства представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы. Даже В. И. Сергеевич, считавший, что «варяги впервые заносят идею о государстве, но она не привилась и вполне была поглощена идеею родовой» [17, с. 87], явно не причислял себя к тем, «которые видят сильное влияние на нашу историю нормандского элемента» [Там же, с. 507]. Варяги принадлежали к инородному элементу, по мнению В. И. Сергеевича [Там же, с. 443]. М. Ф. Владимирский-Буданов называет варяго-руссами пришедших князей из соседнего с кривичами норманнского племени [5, с. 5].

Отметим, что М. Ф. Владимирский-Буданов, вступая в полемику с В. И. Сергеевичем по вопросу применения сравнительного метода исследования, подчеркивает важность анализа не столько общих черт, сколько особенных, позволяющих уяснить «закон связи, причин и следствий» в человеческом развитии. Но даже в своем замысле определить сходства в развитии с Западом, как утверждает Владимирский-

Буданов, В. И. Сергеевич больше успел в указании различий наших земских соборов от представительных учреждений Западной Европы [4, с. 7].

Мысль о том, что «национальные различия и составляют запас общечеловеческого права», определяет всю науку [Там же, с. 7], по мнению Владимирского-Буданова. «Специальные особенности нации, или человека, составляют именно достоинство этой нации, или человека» [Там же, с. 6]. В пример он приводит римское право, которое благодаря одностороннему развитию своего особенного характера довело гражданское право до общечеловеческой пригодности. При этом М. Ф. Владимирский-Буданов уточняет, что «гражданское право русское <...> найдет не много точек соприкосновения с римским правом» [2, с. 184].

Владимирский-Буданов указывает также на кардинальное отличие европейских народов и славян в строительстве цивилизации. Так, если германские народы, унаследовавшие земли Римской империи, «получили богатое наследство в цивилизации Древнего мира и благодаря этому наследству получили на свою долю труд легкий – наш народ получил страну громадную и девственную, по которой не прошла история, которую нужно было завоевать у диких сил природы и диких народов» [5, С. XXIV, XXVI – XXVII]. Упорным тяжелым трудом завоевав эту землю у дикой природы «для европейско-христианской цивилизации», русский народ образовал крепкое государство. Фактически ученый говорит о специфике российской цивилизации.

Посвящая свои труды проблемам начала государственности на Руси, представители «младшего поколения» государственной (юридической) школы

не обходили проблему системы ценностей. И действительно, методология науки должна не просто включать в себя гносеологию, но исходить из принципа единства процесса познания и его ценностной интерпретации [13, с. 15]. Поэтому наследие представителей государственной (юридической) школы актуализируется в наши дни.

Вопрос ценностей и иерархии ценностей – краеугольный. Не случайно этот вопрос будет основным на протяжении всей российской истории взаимоотношений Земли, которая издревле была представлена в основном славянами и ассимилированными ими племенами, и Властью, принадлежавшей “роду Русскому”, где господствовали иные ценности.

Таким образом, на примере научной мысли представителей «младшего поко-

ления» государственной (юридической) школы можно увидеть удивительную особенность. Будучи позитивистами, они фактически выходили за рамки позитивистской методологии и уделяли значительное внимание проблемам, которые являются предметом исследования аксиологии и герменевтики. И в этом плане под влиянием немецкой классической философии им, конечно, была ближе не абстрактная и выхолощенная идея философии Гегеля, а нравственная философия И. Канта, обращающаяся к проблемам личности человека и его внутреннему миру, ценностной интерпретации исторического бытия. Отечественная историко-философская мысль тяготела к духовному фундаменту осмысления и познания окружающего мира. В этом и состоит ее самобытность.

Библиографические ссылки

1. Артамонов Г. А., Литвинова И. В., Большакова Е. А. Проблемы цивилизационного самоопределения России в системе взглядов представителей юридической школы XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 4. С. 102 – 113.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). Ярославль : тип. Г. В. Фальк, 1874. 330 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 798 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Земские соборы в Московском государстве, В. И. Сергеевича // Владимирский-Буданов М. Ф. Историко-критические этюды. Серия 1. Киев : Унив. Тип., 1878. С. 1 – 18.
5. Владимирский-Буданов М. Ф. Руководство к изучению русской земли и ее народонаселения: Европейская Россия. По лекциям М. Владимирского-Буданова сост. и изд. преп. географии Владим.-киев. воен. гимназии А. Редров. Киев, 1867. 352 с.
6. Владимирский-Буданов М. Ф. Устройство и управление городов России. Т. 1. Введение. Города России в XVIII в. СПб., 1875. И. Дитятин // Владимирский-Буданов М. Ф. Историко-критические этюды: Серия 1. Киев : Унив. Тип., 1878. С. 2 – 22.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб. : Азбука, 2023. 700 с.

8. История русского права: сост. по лекциям Н. П. Загоскина, Владимирского-Буданова, Дьяконова, А. Н. Филиппова, В. Латкина и В. Сергеевича. Казань : Тип.-лит. В. В. Варакина, 1911. 138 с.
9. Загоскин Н. П. Наука истории русского права: Ее вспомогат. знания, источники и литература. Казань : Н. А. Ильяшенко, 1891. XXVIII, 530 с.
10. Ключевский В. О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве, 1872 – 1875 / под ред. Р. А. Киреевой и А. Ф. Киселева. М. : Владос, 1997. 816 с.
11. Кузьмин А. Г. Древнерусская цивилизация. М. : Родина, 2021. 494 с.
12. Государственная (юридическая) школа в отечественной историографии о церкви и государстве: к постановке проблемы / И. В. Литвинова [и др.] // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 112 – 126.
13. Лубков А. В. Проблема исторических ценностей в творческом наследии А. Г. Кузьмина // Личность. Время. Образование : статьи и выступления. М. : МПГУ, 2017. С. 13 – 19.
14. Влияние ценностных ориентиров представителей юридической школы общественной мысли второй половины XIX века на формирование актуальных представлений о «национальной идее» / А. В. Лубков [и др.] // Преподаватель XXI век. 2023. № 4 – 2. С. 272 – 287.
15. Лубков А. В., Гончаров М. А., Литвинова И. В. Московские высшие женские курсы – сокровищница традиций российского образования // На перекрестье времен и судеб. Московскому педагогическому государственному университету 150 лет. М. : МПГУ, 2022. С. 103 – 173.
16. Русина Ю. А. Методология источниковедения. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 204 с.
17. Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб. : Тип. С. Волпянского, 1890. 708 с.
18. Хлытчиева С. М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878 – 1918) : сб. ст. / под общ. ред. проф. С. Н. Валка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 288 с.

A. V. Lubkov, G. A. Artamonov, I. V. Litvinova, E. A. Bolshakova

**THE SYSTEM OF VALUES IN THE METHODOLOGICAL HERITAGE
OF THE "YOUNGER GENERATION" REPRESENTATIVES OF THE STATE
(LAW) SCHOOL**

The article explores the formation problems of methodological approaches peculiarities of the "younger generation" representatives of the state (law) school. Methodological issues were central for many of them – professors of leading Russian universities, active participants of the formation processes of the national model of Russian education. The authors, following some "younger generation" representatives of the state (law) school, substantiate the conclusion that the system of values and moral ideals not only correlate with the epistemological foundations of scientific knowledge, but also are the most im-

portant links in the methodology of sciences, the objects of research of which are those or other spheres of society.

Keywords: methodology, positivism, public thought of the second half of the XIX century, state (legal) school, scientific school, Russian thinkers.

УДК 94 (470/315) «1939 – 1941»

В. С. Околотин, Э. Велибеков

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБЪЕКТОВ ОБОРОННОГО КОМПЛЕКСА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1939 – 1941 гг.

Статья посвящена изучению строительства объектов оборонного комплекса и его деятельности в Ивановской области в 1939 – 1941 гг. Среди них заводы, уже производившие вооружение и вновь строившиеся, и гидроэлектростанции, которые должны были вырабатывать электроэнергию для обеспечения новых мощностей электроэнергией. Рассматриваются проблемы, возникавшие при этом, и способы их разрешения. Статья основана на материалах из фондов Государственного архива Ивановской области, рассекреченных в последние годы.

Ключевые слова: Ивановская область, строительство, оборонные заводы, производство, результаты.

К историографии вопроса. В предвоенные годы на территории Ивановской области развернулось активное строительство объектов оборонного комплекса. Оно включало в себя строительство новых предприятий во Владимире и Кольчугине, расширение производства на Ковровском заводе им. К. О. Киркижа, а также возведение гидроэлектростанций на р. Клязьме для обеспечения электроэнергией действовавших и будущих производственных мощностей. Этот процесс нашел отражение в региональной историографии. В частности, в труде В. В. Бахирева и И. И. Кириллова [1]; историко-экономическом очерке В. Григорьева, А. Зайцева и Ю. Синицына [6]; монографии О. А. Моняковой, И. Н. Зудина, В. В. Никулина и других [5], а также работе В. С. Около-

тина [8]. Однако документы, вновь выявленные в Государственном архиве Ивановской области, позволяют дополнить имеющееся представление новым содержанием.

О строительстве оборонных заводов. Итак, в 1939 г. во Владимире началось строительство оборонных заводов № 328 и 287 пятого управления Наркомата авиационной промышленности (НКАП), а также № 260 и № 303 Наркомата боеприпасов (НКБ) СССР со сроком ввода в действие в 1942 г. [2, л. 82]. Кроме указанных предприятий предполагалось также строительство заводов станкостроения Наркомата среднего машиностроения (НКСМ) и цветной обработки, ТЭЦ-2 мощностью 12 МГВ с последующим расширением до 24 МГВ и реконструкция ТЭЦ-1.

Сроки строительства оборонных объектов и объемы капиталовложений
по годам [2, д. 104, л. 77]

№ п/п	Наименование объекта	Общие затраты, тыс. руб.	Затраты в 1940 г., тыс. руб.	Затраты в 1941 г., тыс. руб.	Затраты в 1942 г., тыс. руб.	Затраты в 1943 г., тыс. руб.
1	Завод № 303	60 000	30 000	25 000	5000	–
2	Реконструкция завода № 260	40 000	5000	25 000	10 000	–
3	Завод № 328	40 000	3000	12 000	25 000	–
4	Завод № 287	20 000	2000	8000	10 000	–
5	Завод станкостроения	30 000	–	5000	15 000	10 000
6	Завод цветной обработки	30 000	–	–	5000	25 000
7	Реконструкция ТЭЦ-1	12 000	–	10 000	2000	–
8	Строительство ТЭЦ-2	20 000	–	12 000	2000	6000
9	Реконструкция линии электропередач Ковров – Владимир	5000	4000		–	–
	Итого	257 000	44 000	98 000	74 000	41 000

Из табл. 1 следует, что вплоть до 1942 г. во Владимире ежегодно должны были выполняться строительные работы на 50 – 100 млн рублей. Для этого требовалась мощная строительная база, включавшая в себя подсобные предприятия, заготовку местных строительных материалов (лес, кирпич, бутовый камень, известь и т. д.), организованный набор рабочей силы, общественное питание, наличие пригородного хозяйства и т. д. Создание такой базы, утверждалось в обращении секретаря Владимирского горкома ВКП(б) М. Осипова на имя секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева, могло быть возможным только через образование единой и мощной строительной организации типа треста. Именно он и должен был обеспечить строительство четырех оборонных заводов и других производственных объектов [2, д. 104, л. 78].

Несмотря на повышенную значимость указанных объектов, их строи-

тельство осуществлялось крайне медленно. За 1940 г. план работ по строительству завода № 303 был выполнен лишь на 21%, а заводов № 228 и 287 – на 27,5 %. Как отмечалось в информационной записке на имя Г. Н. Пальцева, Главцентрстрой (начальник Гинсбург), трест № 37 и 5-е Главное управление не обеспечили данные объекты строительными материалами, рабочей силой, не обеспечили ее жилищно-бытовыми условиями.

Своим совместным постановлением от 17 января 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) установили сроки окончания строительства указанных объектов и обязали наркоматы строительства и вооружения ввести в текущем году 85 % их мощностей в эксплуатацию.

В марте 1941 г. возведение всех трех заводов и строительство при заводе № 260 было передано 3-му стройуправлению под руководством Л. Максакова. В результате темпы строительных работ

возросли. Однако нерешенность многих проблем продолжала сдерживать выполнение плановых установок [2, д. 103, л. 109].

При изучении других документов удалось выяснить, какая продукция должна была изготавливаться на строящихся заводах. Так, завод № 303 должен был выпускать патроны калибра 12,7 мм с бронебойными и зажигательными пулями к автоматическим авиационным пушкам [Там же, д. 103, л. 5]. На заводах № 328 и 287 предполагалось изготовление авиационных приборов и деталей к ним [Там же, д. 104, л. 6].

Реконструкция завода им. К. О. Киркижа. О масштабах модернизации указанного завода (в документах он также именовался завод № 2) можно судить также по архивным материалам, которые отражают объем разрядки и порядок вербовки рабочей силы в Ивановской области для использования на строительных работах в Коврове. В частности, 22 апреля 1939 г. Ивановский облисполком в целях удовлетворения «дополнительной потребности рабочей силы» разрешил ему «набор 1600 рабочих (с учетом ранее выделенных нарядов) в районах: Гороховецком – 150 чел.; Ковровском – 150 чел.; Меленковском – 100 чел.; Никологорском – 100 чел.; Пестяковском – 200 чел.; Савинском – 100 чел.; Селивановском – 200 чел.; Собинском – 200 чел.; Судогодском – 150 чел.; Суздальском – 150 чел.; Южском – 100 чел.» [3, д. 3. л. 12]

30 декабря 1939 г. облисполком вновь рассмотрел вопрос о дополнительном организованном наборе рабочей силы для данного завода в количестве 3000 рабочих в различных районах об-

ласти [Там же, д. 4. л. 20]. 28 января 1940 г. он разрешил заводу набрать в районах области еще 2000 человек [Там же, л. 21]. В итоге только за два неполных года на реконструкцию завода им. К. О. Киркижа было привлечено на территории области 6600 человек. О том, какая продукция изготавливалась на заводе им. К. О. Киркижа в 1940 г., свидетельствует расшифровка условных наименований, содержащихся в справке ЭКУ УНКВД по Ивановской области под грифом «совершенно секретно». Итак, ДП – ручной пулемет Дегтярева (Дегтярев пехотный), ДТ – танковый пулемет Дегтярева, ДШК – станковый крупнокалиберный пулемет Дегтярева, ШВАК – авиационный крупнокалиберный пулемет Шпитального – Владимиров, БС – синхронный пулемет Березина, ДС – скоростной пулемет Дегтярева, ППД – пулемет-пистолет Дегтярева и др. [2, д. 854, л. 107].

Согласно аналитической записке зам. начальника УНКВД капитана госбезопасности М. И. Маркеева на имя секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева производство указанного вооружения осуществлялось с большими трудностями. В частности, говорилось, что «февральский план т/г оборонной продукции Ковровским заводом им. К. О. Киркижа по всем видам продукции за исключением ППД сорван. Причиной его срыва являлось то обстоятельство, что все цеха завода были заняты на освоении и изготовлении деталей к ППД, магазинов к ним, в результате чего все остальные виды продукции, изготавливаемые заводом, не выпускались». Выполнение заводом февральского плана представлено в табл. 2.

Производственный план на февраль 1940 г. и степень его выполнения

№ п/п	Наименование изделия	План	Отчет	
		Февраль	Собрано	Сдано на склад
1	Пулемет ДП	3500	447	26
2	Пулемет ДТ	1550	270	14
3	Пулемет ДШК	100	23	–
4	СДШК		9	1
5	Пулемет БС	140	19	15
6	Пушка ШВАК 20 мм	80	8	–
7	ППД	–	13 176	10 165
8	ДШК к спецустановке	25	–	–
9	Тумбы	15	8	–
10	Турели	10	–	–

Чрезвычайно напряженное положение возникло с изготовлением 12,7-мм синхронного пулемета Березина (БС). Данный пулемет был сконструирован в Туле. Первые конструкторские работы по пулемету были начаты во второй половине 1937 г. Во второй половине 1938 г. (сентябрь – ноябрь) образец проходил заводские испытания на НИПАВ (г. Ногинск), затем снова обрабатывался в ЦКБ-14, испытывался с участием ВВС и ЦКБ-14 и в декабре 1938 г. два образца были изготовлены для проведения полигонных испытаний в воздухе. При заводских испытаниях на заводе № 156 (Москва) пулемет показал удовлетворительную работу автоматики и в конце марта 1939 г. поступил на НИПАВ для проведения воздушных испытаний. После их проведения решено запустить БС в массовое производство. НКВ предложил ЦКБ-14 передать чертежи, кальки и графоаналитические расчеты узлов и деталей заводу им. К. О. Киркижа в Коврове.

Указание о запуске в производство БС отдал зам. наркома И. А. Барсуков, ориентируя завод на создание передовой технологии с учетом полной взаимозаменяемости образца и запуском массового производства с октября 1939 г. В течение 1939 г. по плану намечалось

сдать 800 пулеметов, однако всего было изготовлено не более 100 штук. Итоги работы за 1939 г. показали, что технологический процесс и производство не налажены и образец пулемета, по существу, не доведен до возможности его массового выпуска, особенно в связи с повышенными в 1940 г. требованиями ГУАС.

В целях устранения конструктивных неполадок по пулемету БС создавалось множество всевозможных комиссий с участием конструктора, которые положительных результатов не достигли. Такое напряженное положение с освоением пулемета БС, отмечалось в аналитической записке, создано вследствие того, что бывшее руководство завода всемерно препятствовало развертыванию работ, пытаясь «протянуть» спроектированный заводом им. К. О. Киркижа опытный образец «Кольт-Браунинг». Наряду с этим, утверждали авторы записки, «совершенно непонятно, чем руководствовался наркомат вооружения, передавая спроектированный в Туле БС в производство на завод № 2, в то время когда в Туле имелось больше возможностей к освоению этого образца». И наоборот, «сконструированный на заводе № 2 станковый пулемет ДС (Дегтяре-

ва) передан для производства в Тулу, несмотря на то что на заводе № 2 был уже подготовлен специальный цех, разработана технология, оказавшаяся неприемлемой в условиях тульского завода. Таким образом, «производство БС оторвано от проектировавшей его организации (ЦКБ-14), работники которой беспрерывно вызываются для консультации организации технологии в Ковров, а из Коврова ... вызываются в Тулу». В свою очередь, В. А. Дегтярев и другие работники ездят в Тулу консультировать «по производству ДС, освоение которого в Туле происходит с трудом» [2, д. 854, л. 108 – 11 об.]

О выполнении правительственных заданий заводом им. К. О. Киркижа и другими оборонными заводами Ивановской области (завод № 260 г. Владимира и завод им. Серго Орджоникидзе г. Кольчугино) в 1940 г. можно судить по информации секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и в Совнарком СССР В. М. Молотову [Там же, л. 112 – 116]. В ней, в частности, отмечалось, что «владимирский завод № 260, входящий в Наркомат боеприпасов, специальное правительственное задание по выпуску минометных головок “М-50” за январь месяц выполнил на 75 %. Основными причинами невыполнения задания по “М-50” являются отсутствие надлежащей организации производства и наличие большого брака... Выполнение графика по выпуску “М-50” в феврале идет также неудовлетворительно...».

В свою очередь, ковровский завод получил специальное задание на изготовление пистолетов-пулеметов ППД и магазинов к ним. За 7 дней февраля 1940 г. им изготовлено и сдано пулеметов-пистолетов на испытательные станции завода 2689 штук, изготовлено и сдано

магазинов 7386 штук. Из этого количества принято военпредом 310 пулеметов и 1240 магазинов к ним, подобранных индивидуально к каждому пулемету. Во время испытания магазинов происходила масса задержек, их многократно отлаживали, и пулеметы вновь пристреливались. В результате «расход боеприпасов принял большие размеры (в среднем на 4 магазина до 800 патронов). Завод израсходовал уже все запасы патронов, а тульские заводы выслали только 200 тыс. штук, которых хватит на три-четыре дня». По итогам испытаний в РККА было отправлено всего 273 пулемета. Для исправления создавшегося положения на завод выехал член бюро обкома ВКП(б) начальник управления НКВД Ивановской области А. С. Блинов.

На Кольчугинском заводе им. Серго Орджоникидзе, подчинявшемся Наркомату цветных металлов, обстановка с выполнением специальных заданий оказалась несколько лучше. В феврале и марте ему предстояло произвести штамповки к минам в объеме 272 тонны. Согласно справке у «завода имеются все возможности выполнить задание досрочно» [Там же, л. 108 – 111 об.]

По всей вероятности, организационные меры, направленные на своевременное выполнение правительственных заданий, достигли своих результатов. Об этом можно судить по сообщению секретаря обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцева в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и СНК СССР В. М. Молотову от 21 февраля 1940 г. Так, относительно заводов № 260 (г. Владимир) и им. Серго Орджоникидзе (г. Кольчугино) в нем говорилось следующее: «На 20 февраля завод выполнил 13 партий из 15 по графику (86,6 % к плану). Выполнение программы задерживается из-за недостатка оборудо-

вания, которое до настоящего времени полностью еще не доставлено и продолжает поступать на завод. По заводу им. Серго Орджоникидзе (г. Кольчугино) на 20 февраля включительно отштамповано 49 тонн. 21 февраля из производства выйдет еще 11 тонн. В дальнейшем завод имеет возможность ежедневно выпускать из производства минимум 11 тонн. Мешающих выполнению программных обязательств на заводе нет. Февральское задание заводом будет выполнено» [2, д. 854, л. 118].

Организационные меры. О реакции руководства страны на обращения обкома ВКП(б), в том числе и подготовленные на основе информации УНКВД по Ивановской области, можно судить по ответу из секретариата СНК СССР на имя Г. Н. Пальцева от 8 марта 1940 г. под грифом «секретно». В частности, отмечалось, что по вопросу о недостатках в производстве взрывателей «М-50» на заводе № 260 и в производстве пистолетов-пулеметов (ППД) на заводе им. К. О. Киркижа наркоматами боеприпасов и вооружения был осуществлен ряд мероприятий. Например, заводу № 260 отгружено необходимое оборудование для производства взрывателей, а для организации и налаживания производства откомандированы бригады ЦИТ-НКБ. Конкретные меры были приняты и в отношении производства ППД в Коврове [Там же, л. 117] Известно также и о том, что в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 июня 1941 г. № 1510 – 621 сс облисполком 30 июня 1941 г. принял решение «Об организованном наборе рабочей силы для строительства завода № 260» в количестве 500 человек. Этот набор производился представителями указанного завода и осуществлялся в районах, расположенных в непосредственной

близости от Владимира [3, д. 5, л. 31 – 32].

Строительство гидроэлектростанций на р. Клязьме. Для обеспечения оборонных заводов требовалась электроэнергия, которой в регионе катастрофически не хватало. В этой связи в годы третьей пятилетки на территории Ивановской области было принято решение о строительстве комплекса гидроэнергетических сооружений на р. Клязьме. О необходимости реализации этого проекта говорил первый секретарь обкома ВКП(б) И. К. Седин на XVIII съезде партии. «Кроме того, мы выдвигаем еще один вопрос о строительстве электростанций на реке Клязьме. Это, во-первых, даст возможность поднять уровень воды в реке, сделать реку судоходной и, во-вторых, получить дешевую энергию». В результате проект комплекса гидроэнергетических сооружений был включен в титульные списки строительных объектов на территории Ивановской области в третьей пятилетке.

Вопрос о шлюзовании р. Клязьмы обсуждался и прежде, а в 1903 – 1916 гг. и 1927 – 1928 гг. даже проводились сплошные изыскания реки. Последние изыскания были завершены составлением к 1 декабря 1930 г. проектного эскиза шлюзования. Этот проект предполагал строительство 14 низконапорных плотин с одновременным сооружением при них гидроэлектростанций мощностью от 2 до 5 тыс. кВт [9].

В отличие от прежних проектов, в третьей пятилетке появился иной подход к использованию гидроэнергетических ресурсов р. Клязьмы. В 1940 г. институт «Гидроэнергопроект» Наркомата электростанций разработал «Техно-экономический доклад» по схеме энергетического использования реки. Затем совместно с Московским проектным

управлением «Главгидростроя» им были созданы два основных документа: схема использования р. Клязьмы от Орехово-Зуева до Коврова и схема энергетического использования р. Клязьмы. Эти документы и послужили основой для разработки технической документации первой очереди строительства. По транспортной схеме этого проекта было намечено создать водный путь по Клязьме от устья до Орехово-Зуева. Соединение с р. Москвой осуществлялось каналом длиной 114 км.

Это было сложное гидротехническое сооружение, строительством которого решался целый комплекс народнохозяйственных задач, в том числе и его транспортная составляющая. Пять плотин в определенных местах создавали подпор высотой 9 – 12 м. При плотинах проектировались гидростанции. Общая мощность генераторов составляла 62,3 тыс. кВт, а их выработка при соблюдении необходимых условий должна была достигнуть 220 млн кВт/ч в год (табл. 3).

Таблица 3

Каскад ГЭС на Клязьме

№ п/п	Наименование ГЭС	Установленная мощность, тыс. кВт	Годовая выработка электроэнергии, млн кВт/ч
1	Пенкинская	7,1	23,2
2	Владимирская	8,9	29,6
3	Ковровская	21,3	77,9
4	Тезьянская	13,0	46,2
5	Гороховецкая	12,0	43,0
	Всего	62,3	220,2

Из пяти указанных электростанций первоочередными были две: Владимирская и Ковровская ГЭС. 29 марта 1941 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия совершенно секретной докладной запиской информировал И. В. Сталина и В. М. Молотова о проектировании и строительстве силами НКВД СССР гидроэлектростанций малых и средних мощностей на территории СССР. Среди других в записке значились и две гидроэлектростанции на р. Клязьме – Владимирская у г. Владимира мощностью 9 тыс. кВт и Ковровская у г. Коврова мощностью 19,5 тыс. кВт. В записке говорилось, что «эти две гидростанции будут отдавать энергию в сеть Ивановской области» [7, с. 59].

При строительстве гидроэлектростанций предполагалось значительное затопление сельскохозяйственных угодий. Об

этом свидетельствуют проект решения облисполкома «О ходе строительства Владимирской и Ковровской ГЭС и подготовке зон затопления Верхне-Клязьминского и Нижне-Клязьминского водохранилищ», а также обращения облисполкома в Совнарком СССР по вопросу «О подготовке зон затопления водохранилищ Владимирской и Ковровской гидроэлектростанций», подготовленные в феврале – марте 1941 г.

Согласно первому из документов все население, проживавшее в зонах затопления Верхне- и Нижне-Клязьминского водохранилищ, подлежало обязательному переселению, а строения и сооружения, расположенные в этих зонах, подлежали сносу или переносу в другие места. Эту работу предполагалось начать уже с 1 июня 1941 г. с окончанием ее к 1 октября того же года.

К этому же времени предполагалось завершить и снос леса в зоне затопления [4, л. 1 – 2]. В обращении облисполкома в СНК СССР говорилось об отметках Владимирского и Ковровского гидроузлов: для первого + 103 м и второго + 94 м над уровнем Балтийского моря [Там же, л. 47].

Для строительства Владимирской и Ковровской ГЭС приказом НКВД СССР № 383 от 26 апреля 1941 г. были организованы управления по строительству и лагеря Ковровской и Владимирской гидроэлектростанций. Тем же приказом начальником строительства и лагеря и главным инженером Ковровской гидроэлектростанции был назначен И. Н. Жуленев. Начальником строительства и лагеря Владимирской гидроэлектростанции был назначен И. И. Соболев, а главным инженером – В. Х. Хохлов [7, с. 58]. Об обстановке в одном из исправительно-трудовых лагерей и требованиях принятия мер об улучшении положения свидетельствует совершенно секретное указание заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова начальнику ИТЛ и строительства Владимирской ГЭС И. И. Соболеву от 31 мая 1941 г. [Там же, с. 288]:

«В лагерных подразделениях при строительстве Владимирской ГЭС среди заключенных развито пьянство, кражи, избиения, связь с вольным населением и т. д. Осужденные за контрреволюционные преступления содержатся на всех лагерных пунктах вместе с остальным контингентом. Заключенные, выполняющие нормы выработки, находятся в одинаковых жилищно-бытовых условиях с отказчиками, лодырями и нарушителями лагережима. Борьба с отказчиками ведется недостаточно. Штрафной режим в лагере поставлен крайне неудовлетворительно. Бытовые условия для содержания заключенных плохие. Бараки содержатся в ан-

тисанитарном состоянии. Сушилки, бани, прачечные не организованы. Питьевая вода отсутствует. Территория лагерных подразделений загрязнена. Нет уборных и выгребных ям. Питание заключенных не дифференцировано. Раздача пищи задерживается из-за недостаточного количества мисок и ложек.

Зоны не соответствуют своему назначению, освещение недостаточно, вследствие чего с 1 января по 1 мая 1941 г. бежало 69 заключенных. Бытовые условия для стрелков ВОХР не созданы, в бараках, в палатках большая скученность, грязь. Стрелки спят на голых нарах. Питание не налажено, обмундированием не обеспечены».

Для исправления создавшегося положения было предложено принять ряд первоочередных мер. В частности, в месячный срок привести лагерные подразделения в надлежащий порядок; заключенным, работавшим стахановскими методами труда и перевыполнявшим производственные нормы выработки, создать улучшенные жилищно-бытовые условия; осужденных за контрреволюционные выступления, бандитизм, сосредоточить в отдельных бараках и впредь не допускать их совместного содержания с другим лагерным контингентом; к лицам, нарушающим лагерный режим, применять меры, предусмотренные приказом НКВД СССР № 0089, и т. д.

Однако ее строительство, как и строительство Владимирской ГЭС, с началом военных действий было свернуто, а позднее полностью прекратилось.

Таким образом, несмотря на принимаемые меры, строительство оборонных объектов к началу Великой Отечественной войны на территории Ивановской области так и не было завершено. Ана-

логичная ситуация сложилась и со строительством гидроэлектростанций на р. Клязьме, которые должны были производить для них электроэнергию. Существенных результатов удалось добиться лишь при реконструкции Ковровского завода им. К. О. Киркижа, владимирского завода № 260 и завода им. Серго Орджоникидзе в Кольчугине.

Библиографические ссылки

1. Бахирев В. В., Кириллов И. И. Конструктор В. А. Дегтярев: за строками биографии. М. : Воениздат, 1979. 192 с.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО) ФП. 327. Оп. 6.
3. ГАИО. ФР-1510. Оп.42.
4. ГАИО. ФР. 1348. Оп. 59. Д. 83.
5. Город воинской славы Ковров: сквозь века / О. А. Монякова [и др.] ; отв. ред. О. А. Монякова. Иваново : Издатель Епишева О. В., 2023. 464 с.
6. Григорьев В., Зайцев А., Сеницын Ю. Коврову – 200 лет (Историко-экономический очерк). Ярославль, 1978. 286 с.
7. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий. М. : РОССПЭН. 2008.
8. Околотин В. С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 2-е изд., испр. и доп. Иваново : А-Гриф, 2017. 344 с.
9. Шевцов В. К вопросу использования гидроэнергии р. Клязьмы // Хозяйство ИПО. 1931. № 6 – 8. С. 37.

V. S. Okolotyn, E. Velibekov

ON THE CONSTRUCTION OF DEFENSE COMPLEX FACILITIES AND ITS ACTIVITIES IN THE IVANOV REGION IN 1939 – 1941

The article is devoted to the study of the defense complex facilities construction and its activities in the Ivanovo region in 1939 – 1941. Among them there were factories that had already been producing weapons, those that were newly built, and hydroelectric power plants that were supposed to produce electricity to supply new capacities with electricity. The problems that arose and ways to resolve them are considered. The article is based on the declassified in recent years materials from the funds of the State Archive of the Ivanovo Region.

Keywords: Ivanovo region, construction, defense plants, production, results.

**ПОЗИЦИЯ КОМИНТЕРНА И КОМПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В ОТНОШЕНИИ ВТОРОГО ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(1929 – 1931 гг.)**

В данной статье автор показал, как Компартия Великобритании (КПВ) по указанию руководителей Коминтерна на протяжении всего времени существования второго лейбористского кабинета министров (1929 – 1931 гг.) вела активную антиправительственную пропагандистскую кампанию. Ее целью было подорвать влияние руководителей Лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) на рабочих в надежде, что они поддержат КПВ. Однако коммунисты не преуспели в этом; они не смогли дискредитировать лидеров ЛПВ среди пролетарских масс, им не удалось усилить влияние КПВ среди простых британцев.

Ключевые слова: Коминтерн, Коммунистическая партия Великобритании, второе лейбористское правительство.

Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) была основана в 1920 г. и сразу же присоединилась к III Коммунистическому Интернационалу, целью которого являлось осуществление мировой революции [3, с. 46]. В 1929 г. секции III Интернационала находились в 55 странах, они объединяли почти 1,8 млн коммунистов [1, с. 345; 5]. Определяющую роль в руководстве Коминтерна играли российские коммунисты. В начале 1929 г. во главе Коминтерна находился видный большевик Н. Бухарин, однако вскоре его место занял член ЦК ВКП(б) Д. Мануильский [16, с. 42; 13, с. 536]. III Интернационал создавался как единая мировая Коммунистическая партия, и КПВ (в числе других секций) должна была выполнять решения его высших органов [3, с. 46 – 47].

За первые девять лет существования Компартии Великобритании удалось стать заметным явлением в общественной жизни страны: коммунисты выпускали несколько периодических изданий, проводили массовые мероприятия, создали десятки отделений партии по всей

Британии. Однако КПВ оставалась малочисленным объединением, в 1929 г. в ее рядах насчитывалось 4100 членов, к середине 1930 г. – только 2800 [41]. В числе основных причин сокращения численности было проведение руководством КПВ крайне левой политики – так называемой новой тактики, инициированной лидерами III Интернационала в 1928 г. В соответствии с ней одним из главных направлений деятельности членов Компартий должно было быть активное противодействие социал-демократам, которых представители III Интернационала в официальных документах и пропагандистских материалах нередко именовали социал-фашистами. В Коминтерне считали, что британские коммунисты должны вести «более решительную борьбу против Рабочей (Лейбористской. – Авт.) партии и реформистских лидеров профсоюзов» [5, с. 78].

В 1920-е годы в Британии в условиях формирования новой двухпартийной системы Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) постепенно станови-

лась второй ведущей партией на политической арене страны. Она пользовалась немалым авторитетом и влиянием среди многих простых британцев. В 1929 г. в ее рядах насчитывалось 2,3 млн членов, в большинстве своем – организованные рабочие [39, с. 156]. 5 июня 1929 г. лейбористы во главе с Рамсеем Макдональдом во второй раз в своей истории сформировали правительство. Уже вскоре оно столкнулось с серьезными социально-экономическими проблемами. В октябре 1929 г. разразился мировой экономический кризис, который хотя и не был столь разрушительным, как в США, Германии или Франции, но все же серьезно затронул Великобританию. Одной из наиболее острых проблем была безработица. Если в мае 1929 г. насчитывалось 1,165 млн безработных (или 11% от всех застрахованных), то в декабре 1930 г. – уже 2,5 млн (19,9 %), в 1931 г. – 2,670 млн (21,3 %) [22, с. 400; 36; 38, с. 48; 20, с. 90].

В колониальной империи правительство Макдональда во многом следовало тем же курсом, что и предшествовавшие кабинеты: оно активно (нередко с использованием силы) отстаивало интересы официального Лондона в колониях. Так, в Индии за время нахождения у власти лейбористов десятки тысяч жителей оказались в тюрьмах, были оштрафованы, лишены имущества [11, с. 170].

В области международной политики заметным событием стало восстановление правительством Макдональда 3 октября 1929 г. официальных дипломатических отношений Британии с Советской Россией. Вскоре после этого, в апреле 1930 г., было подписано временное торговое соглашение между двумя странами. С 1929 по 1931 г. в несколько раз вырос импорт из Великобритании в Со-

ветскую Россию [15, с. 124]. Он включал разнообразное промышленное оборудование, цветные металлы и многое другое, необходимое для проходившей в это время индустриализации страны [Там же, с. 124 – 126]. Все это свидетельствовало о большой заинтересованности СССР в торговле с Британией.

Действия Коминтерна в Великобритании в это время имели иную направленность, чем официальная внешнеполитическая линия СССР. Лидеры III Интернационала после формирования лейбористского кабинета во многих документах и посланиях британским коммунистам настойчиво требовали вести энергичную борьбу против него. В ходе работы X Пленума исполкома Коминтерна (3 – 19 июля 1929 г.) его участники призвали членов КПВ активизировать «борьбу рабочих против так называемого “рабочего” правительства» [3, с. 882]. Это, по мнению представителей Коминтерна, приведет массы к пониманию, «что только политика английской Коммунистической партии – класс против класса – <...> единственно правильная, что только эта политика способствует освобождению широких рабочих масс» [Там же]. Руководители Коминтерна также полагали, что резкая критика различных аспектов деятельности лейбористского правительства позволит развеять «иллюзии, широко распространенные среди английских рабочих, что приход к власти правительства “рабочей” партии означает приход к власти рабочего класса» [Там же].

В конце лета 1929 г. Гарри Поллит, незадолго до этого возглавивший партию, созвал заседание ЦК КПВ, на котором было принято решение «сосредоточить <...> все силы партии на широкой кампании по разоблачению лжербочего, империалистического характера пра-

вительства Макдональда» [6, с. 65; 8, с. 57]. Вожди Коминтерна в письме британским коммунистам поддержали данное решение [Там же]. В послании из Москвы подчеркивалось, что это направление деятельности КПВ является «центральной политической задачей партии», которую следует «увязать с активной вербовочной кампанией на предприятиях» [6, с. 65].

В конце 1929 г. накануне проведения XI съезда КПВ лидеры III Интернационала в специальном письме рекомендовали английским коммунистам, какие конкретные вопросы следует рассматривать в ходе работы этого форума [9, с. 112]. «Борьба против капиталистического лейбористского правительства должна стать предметом специального обсуждения», – говорилось в послании Коминтерна организаторам XI съезда КПВ [18, с. 11].

С 30 ноября по 3 декабря 1929 г. в Лидсе был созван XI съезд КПВ, в ходе которого его делегаты утверждали, что «лейбористское правительство уже ясно продемонстрировало свой социал-фашистский характер, а именно фашистскую политику и насильственное подавление рабочего класса, скрывая это за пацифистской, демократической и социалистической фразеологией» [40, с. 9]. Материалы съезда гласили: «Основная политическая задача партии – объединить массы рабочих вокруг программы борьбы против лейбористского правительства» [Там же, с. 14 – 15].

Представители Президиума Исполкома Коминтерна поддержали решения этого форума КПВ. [17, с. 233]. Они подчеркивали необходимость, «чтобы каждый член партии разобрался в значении социал-фашизма и социал-фашистского перерождения рабочей

партии и рабочего правительства» [Там же, с. 234].

Гарри Поллит и его соратники по партии использовали любой повод, чтобы высказать неприятие деятельности лейбористского кабинета министров. В начале 1930 г. участие известного коммуниста Джека Мэрфи в дополнительных выборах (в одном из районов Шеффилда) объявлялось официальным печатным органом КПВ – газетой «Дэйли Уоркер» – «исторической битвой против лейбористского правительства» [25]. В статье, озаглавленной «Почтовые рабочие разоблачают правительство», говорилось о якобы «растущем отвращении рабочего класса в отношении лейбористского правительства голода» [30]. Газетная публикация в поддержку бастовавших рабочих-шерстяников заканчивалась лозунгом «Долой лейбористское правительство!» [23].

Однако в прессе КПВ в первые месяцы 1930 г. все же, как правило, не публиковались статьи с развернутой критикой и конкретными обвинениями кабинета министров Макдональда. Думается, что в связи с этим в Коминтерне к апрелю 1930 г. пришли к выводу, что хотя КПВ и «начала разворачивать широкую разъяснительную работу по разоблачению социал-фашистской природы рабочего правительства, <...> постоянной систематической кампании по разъяснению антипролетарской политики “рабочего” правительства не проводится...», – говорилось в послании Коминтерна [8, с. 3].

После апреля 1930 г. в «Дэйли Уоркер» регулярно стали появляться статьи, в которых критике подвергались различные действия кабинета Макдональда. В газете коммунистов ЛПВ именовалась капиталистической партией [34]; говорилось, что «лейбористское правитель-

ство – это инструмент капиталистического класса», что оно «ведет атаку на заработки ... рабочих», что «Лейбористская партия и тред-юнионы стали составным элементом капиталистической государственной машины» [26].

Особое внимание руководство КПВ уделяло проблеме роста безработицы в стране. В 1930 г. в «Дэйли Уоркер» постоянно и нередко на первой странице крупным шрифтом публиковались данные о количестве лишившихся работы британцев, подчеркивалась неспособность правительства Макдональда решить проблему «лишних людей» [28; 27; 33; 35; 31]. Так, в номере от 29 мая отмечалось, что за прошедшую неделю количество безработных увеличилось на 20 тыс., а почти за год с момента прихода лейбористов к власти – на 659 375. [28]

Коммунисты вели не только печатную, но и устную антиправительственную пропаганду. 6 марта 1930 г. они организовали в Лондоне большую демонстрацию и митинг, которые были посвящены Международному дню борьбы против безработицы. В ходе этих мероприятий выступили известные представители КПВ Уильям Галлахер и Том Манн. Они осудили кабинет Макдональда и его политику, которая, по мнению коммунистов, вела к рационализации и безработице [29]. Через несколько дней на страницах «Дэйли Уоркер» утверждалось, что «только Коммунистический Интернационал, только Коммунистические партии ведут борьбу против безработицы и капиталистической рационализации» [30]. Одновременно с этим публиковались статьи, в которых говорилось об отсутствии безработных в СССР. Одна из них называлась «Советы победили безработицу» [32]; в другой отмечалось, что в Ленин-

граде нет безработных, в то время как в столице Британии в июле 1930 г. было зарегистрировано 180 тыс. потерявших работу лондонцев [34].

Критике подвергалась и колониальная политика лейбористского кабинета министров. Во время проводимого властями 24 мая 1930 г. Дня империи коммунисты организовали демонстрацию под лозунгом «Долой империю» [21, с. 60]. 25 мая 1930 г. около казарм в Бреконе (Уэльс) двое коммунистов распространяли листовки под заголовком «Мы не должны убивать рабочих и крестьян Индии» [Там же, с. 61]. «Если империалистическое лейбористское правительство пошлет нас в Индию, – говорилось в листовке, – и прикажет стрелять в героических индийских рабочих и крестьян, мы должны отказаться. <...> Наши винтовки должны быть направлены против настоящего врага – <...> британского правящего класса и его лакея – лейбористского правительства» [Там же]. Распространявшие эти листовки представители КПВ были арестованы.

В Коминтерне стремились привлечь к кампании, направленной против кабинета Макдональда, не только коммунистов, но и вспомогательные объединения КПВ, в частности Национальное движение безработных (НДБ) [2, с. 9 – 10]. Организованный НДБ в апреле – начале мая 1930 г. марш безработных проходил под лозунгом «Долой лейбористское правительство голода, да здравствует революционное рабочее правительство!» [36, с. 1]. Этот марш стал одним из главных мероприятий антиправительственной кампании КПВ.

Представители Коминтерна старались ориентировать почти каждую акцию Компартии Великобритании против правительства Макдональда. Так, в послании британским коммунистам по по-

воду антивоенных мероприятий, приуроченных ко дню начала Первой мировой войны (1 августа), говорилось, что «цель кампании – организация широкого единого фронта снизу на основе разоблачения лейбористского правительства как правительства войны» [2, с. 9]. Коммунисты не оставили без внимания этот совет. 1 августа в «Дэйли Уоркер» появилась статья под заголовком «Рамсей Макдональд: империалист – поджигатель войны», в которой ее автор пытался представить Макдональда сторонником войны и различных военных приготовлений [24]. Это звучало не очень убедительно, так как большинству британцев было хорошо известно, что Макдональд в годы Первой мировой войны являлся противником участия Британии в этом международном конфликте [12, с. 91 – 92].

Активная антилейбористская деятельность КПВ не привела к росту популярности коммунистов и существенному увеличению их рядов. В июле 1930 г. в КПВ насчитывалось 2800 членов, через год – 3054 [42, с. 284]. Представитель КПВ в Коминтерне Уильям Раст, выступая в конце июля 1930 г. на заседании Англо-Американского секретариата III Интернационала, говорил о критической ситуации в партии [10, с. 47]. Коммунистам не удалось поколебать и популярность ЛПВ среди рабочих, ко-

личество членов Лейбористской партии в 1929 – 1931 гг. не только не снизилось, а, наоборот, несколько увеличилось [42, с. 284; 39, с. 127].

В конце августа 1931 г. острые разногласия в правительстве Макдональда по вопросу о сокращении пособий по безработице привели к расколу среди его министров и отставке лейбористского кабинета.

В заключение следует отметить, что III Интернационал оказывал первостепенное влияние на формирование политики КПВ в отношении второго лейбористского правительства. Компартия Великобритании по указанию руководителей Коминтерна вела активную антилейбористскую пропагандистскую кампанию, одним из центральных положений которой было утверждение, что кабинет Макдональда не может решить проблему безработицы. Целью этой кампании было подорвать влияние лидеров ЛПВ на рабочих в надежде, что последние повернутся к КПВ. Однако этого не произошло: многие организованные рабочие продолжали поддерживать ЛПВ. А Компартия Британии, придерживаясь новой тактики, не снискала популярности среди населения: в 1929 – 1931 гг. КПВ переживала явный кризис, и число ее сторонников оставалось незначительным.

Библиографические ссылки

1. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах : справочник по истории Коминтерна. М. – Л. : Гос. издательство, 1929. 415 с.
2. Директива для КПВ в связи с подготовкой к 1 августа (27 июня 1931) // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 100. Д. 721. Л. 9 – 10.
3. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ. 1919 – 1932. М. : Партийное изд-во, 1933. 1007 с.

4. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М. : Политиздат, 1969. 599 с.
5. Партии Коммунистического Интернационала. Справочник пропагандиста. М. – Л., 1928. 205 с.
6. Резолюция Политсекретариата по английскому вопросу (7.9.29) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 552. Л. 65.
7. Резолюция Политсекретариата от 30 августа по докладу т. Белла о пленуме ЦК КП Англии // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 552. Л. 57.
8. Резолюция ЦК Англии, утвержденная расширенным Президиумом ИККИ. 13.4.1930 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 645. Л. 3.
9. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 1. Л. 112.
10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 72 Д. 77. Л. 47.
11. Судейкин А. Колониальная политика Лейбористской партии Англии в период между двумя мировыми войнами. М. : Наука, 1976. 267. с.
12. Суслопарова Е. Ранняя история Лейбористской партии Великобритании в портретах ее деятелей. М. : Макс Пресс, 2019. 349 с.
13. Такер Р. Сталин. История и личность. М. : Весь мир, 2006. 863 с.
14. Трухановский В. Новейшая история Англии. М. : Изд-во социально-политической литературы. 1958. 591 с.
15. Турбин Г. Советский импорт и индустриализация СССР // Внешняя торговля СССР. М. – Л., Внешторгиздат, 1934. С. 103 – 131.
16. Фирсов Ф. Коминтерн: механизм функционирования // Новая и новейшая история. 1991. № 2. С. 32 – 47.
17. ЦК Компартии Великобритании. 2.1.30. (В конце документа: Президиум ИККИ) // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 4. Д. 8. Л. 233 – 234.
18. Agenda for the British Party Congress. November 3, 1929. // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 4. Д. 4. Л. 11.
19. Bell T. British Communist Party. A Short History. L. : Lawrence and Wishard, 1937. 201 p.
20. Branson. N. Britain in the Nineteen Twenties. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1976. 274 p.
21. Branson N. History of the Communist Party of Great Britain. L. : Lawrence and Wishard Limited. 1985. 350 p.
22. Butler D., Butler G. The Twentieth-Century British Political Facts. 1900 – 2000. L. : Macmillan Press Ltd. 2000. 584 p.
23. Daily Worker, April 16, 1930.
24. Daily Worker, August 1, 1931.
25. Daily Worker, January 30, 1930.
26. Daily Worker, June 19, 23, 1930.
27. Daily Worker, June 27, 1930.
28. Daily Worker, May 29, 1930
29. Daily Worker, March 7, 1930.
30. Daily Worker, March 11, 1930.
31. Daily Worker, November 5, 13, 1930.
32. Daily Worker, September 3, 1930.

33. Daily Worker, September 4, 1930.
34. Daily Worker, September 8, 1930.
35. Daily Worker, September 11, 1930.
36. Hannington W. Achievements of the Hunger March against the Labour Government. L. : National Unemployed Workers' Movement, 1930. 16 p.
37. Labour Year-book. 1930. L. : Labour Publications Department, 1930. 573 p.
38. Labour Year-book. 1932. L. : Labour Publications Department, 1932. 420 p.
39. Pelling P. Short History of the Labour Party. L. : Macmillan, 1974. 164 p.
40. Resolutions of the 11th Congress of the Communist Party of Great Britain. L. : Communist Party of Great Britain. 1929. 48 p.
41. The Situation in the Comm Party of GB according to the Materials of the British Commission of the Political Secretariat (August 1930) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 647. Л. 15.
42. Thorpe A. The British Communist Party and Moscow. 1920 – 1943. Manchester ; N.-Y. : Manchester University Press, 2000. 308 p.

A. Yu. Prokopov

**THE ATTITUDE OF THE COMINTERN AND THE COMMUNIST PARTY
OF GREAT BRITAIN TOWARDS THE SECOND LABOUR GOVERNMENT
(1929 – 1931)**

The author of the article has shown how the Communist Party of Great Britain (CPGB) carried out (under the orders of the Comintern leaders) an intensive antigovernment propaganda campaign in 1929 – 1931 during the whole period of existence of the second Labour cabinet of ministers. The main aim of this campaign was to undermine the influence of the leaders of the Labour Party upon the workers in hope that they would support the CPGB. However, the communists did not succeed in their plans – they did not manage to discredit the Labour leaders in the eyes of the proletarian masses and failed to strengthen the influence of the CPGB among the common people of Britain.

Keywords: Comintern, Communist Party of Great Britain, the second Labour government.

**АТРИБУЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ
ФОРМА КОНТРОЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО «ИСТОРИИ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XI – XVIII ВВ.» В ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРУППАХ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ**

Статья посвящена актуальной проблеме создания системы форм контроля в иноязычных группах по дисциплине «История русской литературы». Целью статьи является предложение эффективной формы промежуточного и итогового контроля – атрибуции художественного текста в двух возможных вариациях. Блиц-опрос по содержанию художественного произведения и идентификация фрагмента текста с указанием авторства и периода создания произведения актуализируют как практические навыки анализа текста, коммуникативные компетенции, так и теоретические знания студентов.

Ключевые слова: филологическое образование, высшая школа, форма контроля знаний, атрибуция текста, историко-литературный курс, иноязычные группы.

Введение

Проблема филологического образования в иноязычных группах на разных этапах обучения остается ведущей в педагогической науке. В соответствии с запросами современного рынка заказчиков кадров Узбекистана выпускник филологической высшей школы обязан обладать коммуникативными навыками, высоким профессионализмом, а также внедрять в обучение современных школьников практический навык применения полученных знаний в жизни. Таким образом, изменение квалификационных требований к выпускникам филологической высшей школы обусловило формирование обновленного комплекса всех видов работ в обучении специалистов-филологов.

На первом этапе в Узбекистане была обновлена учебно-методическая база филологического образования, т. е. специалистами-филологами были созданы

учебники нового типа, в которые включены последние достижения филологической науки Узбекистана и мира, а также пересмотрены система самостоятельной работы и формы контроля студентов-филологов.

Постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме

На сегодняшний день в преподавании русской литературы в Узбекистане нерешенным остается вопрос системы форм контроля в иноязычных группах. Дело в том, что студенты, обучающиеся по направлению «Русский язык в иноязычных группах» филологического профиля, не имеют достаточного уровня знания русского языка, так как они получали среднее образование в школах с узбекским языком обучения, в которых на изучение русской литературы не выделено отдельных часов, а русский язык и русская литература изучаются как один школьный предмет.

Русскую литературу ученики изучают фрагментарно, в основном сокращая до изучения биографии писателя или поэта и чтения с пересказом отрывка из художественного произведения. Таким образом, студенты, поступившие на направление бакалавриата «Русский язык в иноязычных группах», не обладают навыками анализа художественного текста, что затрудняет процесс изучения историко-литературного курса «История русской литературы».

Цель нашей статьи – попытка предложить наиболее эффективную форму промежуточного и итогового контроля знаний по дисциплине «История русской литературы XI – XVIII вв.» для студентов филологического направления «Русский язык в иноязычных группах» – атрибуцию художественного произведения.

Проблеме изучения форм контроля на занятиях по литературе посвящены исследования Л. Н. Егоровой [1], О. Г. Маматовой [3], С. А. Смирновой [4].

Методология и методы исследования

Анализ психолого-педагогической литературы, изучение и обобщение опыта российских и зарубежных преподавателей-филологов, педагогическое наблюдение, анализ практической деятельности, анализ нормативных образовательных документов Республики Узбекистан, педагогический эксперимент.

Результаты исследования, обсуждение

В группах филологического направления бакалавриата «Русский язык и литература в иноязычных группах» традиционно на протяжении нескольких лет применяется своеобразная форма контроля – атрибуция художественного произведения, имеющая несколько вариаций. Так, на 1-м курсе наиболее эф-

фективным является вариант атрибуции фрагмента художественного текста – блиц-опрос по содержанию художественных произведений русской литературы XI – XVIII вв. Знание содержания художественного произведения – это одно из ключевых требований филологического образования на современном этапе. Таким образом, одним из контрольных пунктов становится знание содержания художественного произведения. Студенты на практических занятиях по истории русской литературы XI – XVIII вв. читают и анализируют памятники древнерусской литературы и произведения русских писателей XVIII в. Далее на промежуточном контроле сдают блиц-опрос по содержанию художественных произведений русской литературы XI – XVIII вв. Форма блиц-опроса позволяет наглядно показать уровень знания текста студентами, а преподавателю – сформировать минимальный уровень знаний студентов.

Например, в 114-й группе направления бакалавриата 60111700 – Русский язык в иноязычных группах на промежуточном контроле предлагается следующий тип вопросов:

1. *Как умер конь князя Олега?*
2. *Сколько раз принимала сватов от древлян княгиня Ольга?*
3. *От какого сына Ноя произошел род славян?*
4. *Назовите имя князя, который совершил неудачный поход против половцев?*
5. *Назовите героиню, которая заклинала ветер, небо, Дон, чтобы те помогли войску ее мужа вернуться на Родину?*
6. *Какого героя сравнивают по силе с буй-туром?*
7. *Какому князю снился вещий сон о его смерти и гибели Русской земли?*

8. Какой древнерусский герой пошел против воли матери и сбежал из дома с бродячими монахами?

9. В какой пещере нашел пристанище отрок Феодосий от преследований своей матери?

10. Какой монастырь построил отец Феодосий?

11. Кто из древнерусских героев, слушая бесчисленные голоса бесов, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы?

12. Кто из древнерусских князей нашел волшебный меч и победил змея-оборотня?

13. Какая из древнерусских княгинь бросилась с высокого терема вместе с малолетним сыном, чтобы не попасть в плен к татаро-монголам?

14. Как татаро-монголы называли войско Евпатия Коловрата?

15. Кто из рязанских князей восстановил Рязань после нашествия татаро-монголов?

16. Какие три моря пересек Афанасий Никитин по пути в Индию?

17. В каком произведении автор противопоставляет образ Мурзы и Екатерины II?

18. Укажите произведение, в котором второстепенными персонажами были Вральман, Цыфиркин, Тришка, Еремеевна?

19. Как звали недоросля из одноименной комедии Фонвизина?

20. Назовите героя из комедии «Недоросль», который любит свиней больше, чем людей?

21. В каком произведении отец главной героини был зажиточным крестьянином?

22. Какие цветы продавала Лиза в Москве при первой встрече с Эрастом?

23. Сколько денег отдал Лизе Эраст при их последней встрече?

24. Сколько детей было у крестьянина-пахаря в главе «Любани» Радищева?

25. В какой главе Автор встречает девушку Анюту, которая покорила его своей мудростью и невинностью?

26. В какой главе «Путешествия...» описывается проект о будущем?

27. В каком произведении Фонвизина сын влюблен в мачеху своей невесты?

28. В каком произведении XVIII в. главный герой на предложение героини умереть вместе – заколоть себя кинжалом – отвечает, чтоб сперва она себя убила, а он посмотрит и потом следом за ней умрет?

29. Назовите имя служанки царевны Подципы из одноименной шутотрагедии Крылова?

30. Какой персонаж в итоге спасает царство Вакулы в шутотрагедии «Трумф, или Подципа»?

Данный тип вопросов соответствует обязательному списку художественных произведений, изучаемых на занятиях по истории русской литературы XI – XVIII вв. Студенты, успешно прошедшие данный тип контроля, демонстрируют высокий уровень знаний по данной дисциплине.

Другим вариантом атрибуции текста является более традиционная форма идентификации художественного произведения – определение названия произведения, автора или периода написания (в зависимости от изучаемого периода русской литературы). Так, студентам предлагается индивидуальный билет с пятью фрагментами художественного произведения с заданием определить авторство, название или период древнерусской литературы.

Билет 1

Укажите автора/период и название произведения

1. *И бегут, слышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несётся вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы –
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
Уж лиса на щит червлёный брешет,
Стон и скрежет в сумраке ночном...*

2. *Правит тут индийский хан –
Асад-хан джуннарский, а служит он
мелик-ат-туджару. Войска ему дано от
мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят
тысяч. А у мелик-ат-туджара под
началом двести тысяч войска, и воюет
он с кафарами двадцать лет: и они его
не раз побеждали, и он их много раз по-
беждал. Ездит же Асад-хан на людях. А
слонов у него много, и коней у него много
добрых, и воинов, хорасанцев, у него
много. А коней привозят из Хорасанской
земли, иных из Арабской земли, иных из
Туркменской земли, иных из Чаготай-
ской земли, а привозят их все морем в
тавах – индийских кораблях.*

3. *И повелел кормить его и не во-
дить его к нему, и прожил несколько
лет, не видя его, пока не пошел на гре-
ков. А когда вернулся в Киев и прошло
четыре года, – на пятый год помянул он
своего коня, от которого волхвы пред-
сказали ему смерть. И призвал он ста-
рейшину конюхов и сказал: «Где конь
мой, которого приказал я кормить и бе-
речь?»»*

4. – *А ты, скот, подойди поближе.
Не говорила ль я тебе, воровская харя,
чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя,
первое, растет; другое дитя и без узко-
го кафтана деликатного сложения.
Скажи, болван, чем ты оправдаешься?*

– *Да ведь я, сударыня, учился само-
учкой. Я тогда же вам докладывал: ну,
да извольте отдавать портному.*

– *Так разве необходимо надобно
быть портным, чтобы уметь сшить
кафтан хорошенько. Экое скотское
рассуждение!*

– *Да вить портной-то учился, суда-
рыня, а я нет.*

– *Ища он же и спорит. Портной
учился у другого, другой у третьего, да
первое портной у кого же учился? Го-
вори, скот.*

– *Да первое портной, может
быть, шил хуже и моего.*

– *(вбегает). Звал батюшку. Изволил
сказать: тотчас.*

– *Так поди же вытащи его, коли
добром не дозовешься.*

– *Да вот и батюшка.*

5. *Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земле
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу брэнно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан*

Данная форма атрибуции художе-
ственного произведения активизирует у
студентов как знания теоретического
материала, так и практические знания
художественного текста.

Заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад)

Восприятие и понимание литературного произведения предполагает особую мыслительную деятельность, объёмную аналитико-синтетическую работу. На практических занятиях учителю необходимо побудить всеми возможными способами к чтению, а финальный результат – это хорошее знание текста художественного произведения. Таким образом, целью выбора именно атрибуции текста является создание системы преподавания русской литературы, при которой студент в иноязычных группах последовательно, логически оправданно

усваивал бы знания о художественном произведении, научился бы интерпретировать, анализировать в единстве формы и содержания, овладел бы необходимыми навыками мыслительной и речевой деятельности. Атрибуцию как наиболее эффективную форму контроля знаний учащихся необходимо учитывать опираясь на многолетнюю практику применения данного метода контроля знаний в иноязычных группах. Результатом использования такой формы контроля знаний будут приобщение к чтению студентов филологического направления, улучшение теоретических знаний и навыков первичной интерпретации художественного текста.

Библиографические ссылки

1. Егорова Л. Н. Формы контроля знаний учащихся. Каковы формы контроля знаний и умений учащихся? [Электронный ресурс] // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-kontrolya-znaniy-uchaschihsya/viewer> (дата обращения: 24.03.2024).
2. Тюрнева. Формы контроля на уроках литературы // Воспитание личности на уроках русского языка и литературы : сб. ст. Якутск, 2006. С. 19 – 25.
3. Маматова О. Г. Формы контроля знаний студентов педагогических вузов [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 353 – 355. URL: <https://moluch.ru/archive/43/5181/> (дата обращения: 21.02.2024).
4. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии : учеб. пособие / под ред. С. А. Смирнова. М., 1998. 512 с.

A. M. Baltabaeva

ATTRIBUTION OF LITERARY TEXT AS AN EFFECTIVE FORM OF CONTROL IN CLASSES ON “HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XI – XVIII CENTURIES” IN FOREIGN LANGUAGE GROUPS OF PHILOLOGICAL DIRECTION

The article is devoted to the urgent problem of creating a system of control forms in foreign language groups in the discipline “History of Russian Literature”. The purpose of the article is to propose an effective form of intermediate and final control as attribution of a literary text in two possible variations. A quick survey on the content of a work of art and identification of a fragment of text indicating the authorship and period of creation of the work actualizes both the practical skills of text analysis, communicative competencies and the theoretical knowledge of students.

Keywords: philological education, higher school, form of knowledge control, text attribution, historical and literary course, foreign language groups, communicative competencies, skill in analyzing literary texts, theoretical knowledge, practical knowledge.

УДК 821.161.1

А. Ш. Курчасова

**ПУТЬ ОТ СЕМЕЙНОГО РОМАНА К СЕМЕЙНОЙ САГЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Цель данной статьи – проследить путь развития от жанра семейного романа до нового жанра семейной саги в русской литературе. Для этого в свете исторической поэтики вычленяется ряд признаков, свойственных семейной саге. Эпические принципы повествования о семье усиливают социальную рефлексия, что приводит к накоплению противоречий внутри жанра и переходу от семейного романа к семейной хронике и семейной саге. Обоснованы несколько этапов развития семейного романа в русской литературе на основании социальных и внутрилитературных контекстов, благодаря чему на конкретных примерах уточнены жанровые и тематические границы семейной саги в современной русской литературе.

Ключевые слова: семейный роман, семейная сага, жанры современной русской литературы, социальная рефлексия, историческая поэтика романа.

Вопрос о семье и воспитании оставался востребованным в русской культуре и социальной жизни различных слоев населения на протяжении всего XIX века. При всем различии между условиями и группами населения и соответственно обычаям семейной жизни сама концепция семьи позволяла найти взаимопонимание разных групп и тем самым усилить общественный резонанс литературы. Как цельность семьи, например у С. Т. Аксакова, так и распад семьи, например у М. Е. Салтыкова-Щедрина, были представлены в произведениях, обращенных к читателям разного социального происхождения и различных представлений о будущем России, в том числе представлений о соотношении семьи, гражданской общины и государства.

При этом семейный роман как отдельный жанр в русской литературе не

сложился, несмотря на много опытов работы в таком жанре. Как справедливо отмечает И. Ф. Гнусова, «русскими писателями, в отличие от прозаиков европейских, не было создано классических образцов семейного романа с его камерным хронотопом и узкоограниченной проблематикой, но традиции семейного романа оказали принципиальное влияние на историю русской литературы» [2]. Семейная тема у ведущих писателей всегда была встроена в более широкую социально-философскую дискуссию.

В нашей статье мы обсуждаем вопрос о том, каким образом это начало семейного романа, не будучи автономным, тем не менее претерпело жанровое развитие. Мы реконструируем движение от семейного романа (который в чистом виде в русской литературе встречается редко) к семейной хронике и семейной саге. Мы предлагаем объяснение, исхо-

дящее из того, что каждый этап был не только новым этапом жанровых поисков в русской литературе, но и этапом существенных социальных трансформаций.

Первый этап – этап классического реализма – отмечен осмыслением семьи как места нравственных решений, в котором дворянство сознает себя и тем самым способствует и самосознанию остального общества. В. А. Недзвецкий отмечает: «В русской прозе XIX века жанр семейного романа представлен уже с 30-х годов романами Д. Н. Бегичева («Семейство Холмских», 1832), С. Т. Аксакова («Семейная хроника», 1856), А. И. Гончарова («Обломов», 1859), И. С. Тургенева («Дворянское гнездо», 1859), Л. Н. Толстого («Семейное счастье», 1859, «Анна Каренина», 1878), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Господа Головлёвы», 1880)» [9, с. 45 – 46]. Вехами этого первого этапа следует признать восстание на Сенатской площади 1825 года, которое и поставило вопрос об общественном резонансе на политическую деятельность дворянства, и творчество Толстого, который спроецировал семейные проблемы уже не на проблемы российского общества, но проблемы всего человечества. Как отмечает А. Г. Татьяна, «практически ни в одном романе писателя семья не дана в качестве главного героя произведения, но в каждом из них система образов четко выстраивается по семейно-родовому принципу. Романное пространство Толстого – это “полисемейный” мир, где ни один герой не может гармонично существовать вне семьи» [18, с. 110]. А. Т. Джигоева замечает, что «именно Толстой актуализировал заложенную в жанре семейного романа антитезу “дом – светское общество”, которая стала основой для системы этических оппозиций, раскрывающих содер-

жание семейного идеала писателя: город – деревня, любовь – нелюбовь к детям, вера – безверие» [3, с. 21]. Тем самым Толстой показывает, как именно целеполагание внутри семьи оказывается инструментом критики светского общества с дальнейшей постановкой уже универсальных нравственных вопросов.

Второй этап – этап модернизированного реализма, первая треть XX века – представлен М. Булгаковым («Белая гвардия», 1925), М. Шолоховым («Тихий Дон», 1925 – 1940). Это период огромных социальных и политических сдвигов, включавший эмиграцию части писателей. Все эти события были кровавыми, и в эпицентре всего этого кошмара находилась семья. Невозможно показать просто сопротивление семьи давлению истории. Необходимой стала семейная хроника, которая расстается с прежним идиллическим хронотопом семейного романа. При этом семейный роман сохраняется, так как семейная хроника и семейный роман равно работают с памятью. Как замечает Э. В. Лариева, «для семейного романа, равно как и для семейной хроники, выступают описания истории рода, прошлого семьи, переложение семейных преданий, воспоминаний о детстве, семейного быта, нравов, преимущественно частной стороны жизни» [8, с. 211].

Конечно, черты семейной хроники были и до М. Булгакова и М. Шолохова. Е. В. Никольский упоминает творчество С. Т. Аксакова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Вс. С. Соловьева как начало в русской литературе существования семейных хроник с их романной традицией [10, с. 53]. Но в этих произведениях история семьи – это способ рельефнее изобразить историю и современность России, а не показать давление истории на семью и род. Эта семейная хроника

стояла близко к историческому роману, хотя, по мнению В. В. Кожина, «Семейная хроника» С. Т. Аксакова «... содержит семена, или, точнее, завязи всей будущей русской прозы» [5, с. 115]. Но В. В. Кожин скорее характеризует автобиографизм прозы Аксакова с учетом того, что автобиографизм оказался востребован в литературе XX века – вспомним автобиографическую прозу М. Горького, где личность автора и определяет жанровые и стилистические предпочтения на протяжении всего повествования. И эта характеристика не подходит к прозе ни М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни Вс. С. Соловьева с ее многочисленными художественными условностями, определяемыми романским жанром того времени.

Опыт М. Горького важен тем, что он соответствует и новому этапу развития науки – появлению психологии поведения (В. Вундт), основанной на эволюционной биологии и эксперименте. Такая психология поведения должна была объяснить современного человека, часто непредсказуемого, не похожего в своих идеалах, стремлениях и действиях на своих предков. В начале XX века в старых семейных устоях наметился разлад. Это не могло не волновать современников, которые хотели благоприятных изменений, также исходящих из научного прогресса. Однако Россия быстро менялась, и эти условия не давали возможности меняться постепенно от поколения к поколению, чтобы преодолеть кризис традиционных и семейных отношений.

«Дело Артамоновых» М. Горького как раз отмечено пафосом этой новой научности. Как отмечают О. Ю. Осьмухина и А. Т. Джигоева, говоря о вышеупомянутом романе М. Горького, актуальность жанра семейной хроники, вы-

бранного писателем, приходится на рубеж XIX – XX столетий. Это связано с полемикой натуралистов во взглядах о влиянии на личность среды, а также о воздействии на формирование личности законов наследственности [12, с. 168]. Горький как раз стремился научно изобразить развитие капитализма: жизнь трех поколений семьи Артамоновых отразила основные этапы развития русского капитализма, охватив значительный временной отрезок: с 1863 по 1917 г.

Третий этап – это соцреалистический семейный роман, где этот научный пафос уступает социальной ангажированности. В этом ракурсе примечательны такие произведения, как «Угрюм-река» В. Шишкова, «Вечный зов» А. Иванова, «Журбины» Вс. Кочетова и др. [11, с. 167]. В этих романах классовая борьба изображается как затрагивающая семью, и семья должна выделить из себя положительных героев, которые и оправдывают ее изображение. Семья – это некий предварительный этап осуществления положительной программы социалистического реализма, она изображается внимательно и тщательно, но именно потому, что читатель должен от образов семьи перейти к образам социалистического строительства. Здесь уже не только семейный роман, но и семейная хроника оказываются в подчиненном положении. Появляются первые черты семейной саги, такие как изображение общей внутренней жизни каждого поколения семьи и преломление в судьбе каждого из членов семьи какого-то социального сдвига в жизни страны.

Семейная сага и стала итогом расширения семейной хроники на четвертом этапе – в современной русской литературе. Дело в том, что современная русская литература стремится к рефлексии событий, не осмысленных еще ис-

ториками, таких как развенчание культа личности (1956), оттепель (1960-е гг.), афганский конфликт (1979 – 1989 гг.), перестройка, распад СССР, августовский путч (1991 г.) и др.

О. Ю. Осьмухина и А. Т. Джиева отмечают, что «авторы современных семейных романов на примере нескольких поколений одной семьи стремятся показать через частное закономерное и типическое в жизни всего русского общества («Московская сага» В. Аксенова, «Лестница Якова» Л. Улицкой), постепенное вырождение и отмирание рода («Дети Ванюхина» Г. Ряжского, «Черный ворон» Д. Вересова), синтезируют элементы семейной хроники, социально-психологического и философского романов («Русская канарейка» Д. Рубиной, «Сага о бедных Гольдманах» Е. Колиной), делают «большую» историю фоном, на котором разворачивается «малая» история рода («Семейный альбом» Д. Вересова, «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» О. Славниковой, «Казус Кукоцкого» Л. Улицкой и др.)» [12, с. 168].

Следует отметить, что в жанре семейной саги преобладает «женский голос». Акцентирование внимания на гендерном аспекте осознанно. Издревле роль мужчины во всех сообществах сводилась к воину, охотнику и защитнику. Но военные конфликты, которыми был насыщен XX век, привели к уменьшению численности мужчин. Кроме того, роли партнёров в социуме изменились. Оба в равной степени стали кормильцами. Экономическая ситуация подтолкнула женщину выйти за пределы семьи и проявлять свою социальную активность. Образ женщины размылся ввиду выполнения мужской работы, что активно тиражировалось и преподносилось как сознательная приверженность социалистическим идеалам.

В послевоенные годы роль матери в семье постепенно начинает играть женщина старшего возраста (бабушка, тётя): она воспитывает детей, ведёт хозяйство. Мать выполняет роль основного добытчика и кормильца, т. е. заменяет отца в патриархальном понимании, становясь главой семьи. Отец, в свою очередь, превращается в ребёнка вдобавок к настоящим детям. Таким образом, российская женщина привыкла к главенствующей позиции на паритетных началах ввиду того, что муж не мог справляться со своими обязанностями из-за пагубных пороков [7].

К сожалению, перестроечный период не принёс особых изменений и не облегчил жизнь женщины. Напротив, женщина становится уже основным источником поступления финансов и прочих материальных благ для семьи. Так как она руководствовалась не профессиональным статусом, а суммой заработка и стала более гибкой к изменяющимся условиям.

Отсюда следует весьма важный вывод, что доминирующее положение женщин повлекло за собой появление слабых мужчин, мужчин-приспособленцев и откровенных альфонсов, которые зачастую сознательно не берут на себя функции защитника, кормильца, главы семейства, способного решать проблемы всех её членов. И современная литература отзывается на проблемы современности при помощи анализа событий почти вековой давности, чтобы ответить на вопрос: как мы к этому пришли?

О. В. Чернышенко считает, что «парадоксальность современного литературного процесса сводится к тому, что авторам XXI века не с кем бороться, они остались один на один с человеческой природой, способность которой к изме-

нениям представляется весьма сомнительной» [19, с. 195].

Одной из ведущих тем в современной русской женской прозе становится тема семьи. Об этом пишут такие исследователи современного литературного процесса, как И. М. Попова, Е. В. Любезная, Г. А. Пушкарь, Т. А. Ровенская, И. Л. Савкина, М. А. Черняк [14; 15; 16; 20, с. 190]. Жанр семейной саги представлен в основном авторами-женщинами. Выделение гендерного аспекта в данной ситуации не случайно. Женская проза в русской литературе является индикатором семейного кризиса в современном обществе, предпринимает попытку осмысления института семьи [1, с. 114].

Наряду с описанием семейного распада в современной семейной саге изображаются и сплоченность, и воссоединение. Так, в «Саге о бедных Гольдманах» разделение одной большой семьи на две ветви – Бедных и Гольдманов, с одной стороны, демонстрирует распад, с другой – укрепление семейных уз и расширение внутри каждой отдельной ветви. Однако традиционный союз мужчины и женщины для современных писателей является отправной точкой в семейной саге. Она уже не домохозяйка, погрязшая в пелёнках и кастрюльках. Она добивается успеха в выбранном пути, но при этом успевает быть матерью и женой, как Вера у Н. Абгарян («Люди, которые всегда со мной»). Также женский голос звучит более громко в «Женщинах Лазаря» М. Степновой, обнажая проблемы современности, где женщина оказывается заложницей, находясь не на своём пути, которым её повели против воли. Галина Петровна стала носить фамилию Линдт, ненавидя её всю жизнь.

В «Елтышевых» Р. Сенчина на первом плане вышли мужские персонажи, что соответствует мужскому голосу в жанре семейной саги. Однако мужчины оказываются бессильными и неспособными к действию, доведению начатого до конца. Женские образы всех произведений данного жанра местами схожи. Они, приспособившись к прилагаемым условиям, делают то, что считают правильным: поддерживают супруга, ведут домашнее хозяйство, воспитывают детей, работу на будущие поколения. К таким героиням относятся Маруся Чалдонова («Женщины Лазаря»), Лиза Бедная, Дина Гольдман, Аня Гольдман («Сага о бедных Гольдманах»), нани Тамар, Тата, Вера («Люди, которые всегда со мной»), Медея («Медея и её дети»), Валентина («Елтышевы»). И лишь Галина Петровна выбивается из этого списка, но лишь на первый взгляд. При внешней холодности и презрении к окружающим любовь к внучке всё же была в её сердце. Она сделала всё, чтобы обеспечить Лидочку всем необходимым. Галина Петровна фактически жила под внутренним страхом проявления любви и нежности. Ей казалось, что это фатальная ошибка, которая обнажит все её слабые места. Потому она была холодна, суха и сдержанна с сыном, а затем и внучкой. При этом для Лидочки она хотела и добивалась всегда самого лучшего. Авторитарная позиция, сильная воля Галины Петровны ставят её особняком по отношению к другим женским героиням.

Все героини семейных саг отличаются от героев семейных романов и семейных хроник более детальным анализом их внутреннего мира и системы оценок и взглядов на окружающее, а также на устройство семьи, отношение к браку. Также следует отметить этническую составляющую. Дело в том, что каждый

автор, исходя из своей национальной принадлежности, описывает именно тот народ, с чьей культурой он хорошо знаком и близок: Р. Сенчин – русских, Н. Абгарян – армян, Е. Колина – евреев, Л. Улицкая – евреев, греков, русских, М. Степнова – русских, евреев.

Многие исследователи творчества Л. Улицкой указывают на доминирование темы семьи в её творчестве. О. В. Осьмухина пишет о том, что «центром художественного мира Улицкой является семья» [13, с. 145]. «Природа её произведений такова, – полагает М. Золотоносов, – что всё в них постоянно колеблется между семейным (по образцу XIX века) и женским романом современной поп-культуры, в котором выражены “женские мечты” и даются перечни типовых обид и желаний» [4, с. 7]. Здесь следует отметить, что это присуще не только прозе Улицкой. Романы Е. Колиной, О. Славниковой, М. Степновой и многих других женщин-авторов имеют такую природу. Это объяснимо не только гендерной принадлежностью писателя, но и тем, что жанр семейной саги довольно поздний. Его появление – это последнее десятилетие XX столетия. Именно с появления «Московской саги» В. Аксёнова начались дискуссии по поводу жанра и в научный оборот вошёл новый термин – «семейная сага». Труды Е. В. Никольского легли в основу многих исследований как в области семейного романа и семейной хроники, так и семейной саги.

Нужно отметить, что тексты семейных саг более откровенны при описании картин интимной жизни персонажей. Порой они не содержат романтики, а скорее, наоборот, показывают неприглядную сторону жизни, отражая дух времени. Так, в «Елтышевых» отношения Артёма и Валентины начались

именно с секса, без ухаживаний и романтики: *«С тех пор этот предбанник стал единственным местом, где случалась их близость. Чаще всего в нем было холодно (баню топили раз в неделю), поэтому одежду не снимали. Артем приспускал джинсы, а Валя задирала к груди юбку... Но и тогда, когда в предбаннике бывало тепло и как-то даже уютно, увидеть девушку обнаженной Артему не удавалось – она не зажигала электричество, все происходило при желтоватом перышке короткой свечи»* [17].

В «Саге о бедных Гольдманах» также без прикрас и изысков описана сцена, где заместитель главного редактора газеты Игорь Владимирович Сухоруков фактически лишил невинности героиню Лизу Бедную: *«В том, что происходило в кабинете дальше, Лизы не было. Сначала, на секунду застеснявшись своих шерстяных рейтуз, некрасивого белья и не готового к любви тела, она мстительно-отстраненно думала: “Так ему и надо! Пусть голубые теплые штанишки, рейтузы, синие, страшные, дырявые! Пусть прошел целый день с тех пор, как утром принимала душ, пусть!”* <...> *Пока он возился, устраиваясь поудобнее в ее теле, Лиза размышляла. Две мысли крутились в ее голове, сменяя друг друга. <...> Замглавного что-то аккуратно произвел со своим носовым платком. Оставшаяся чистой Лиза натянула свои голубые штанишки и рейтузы и осталась стоять в той же позе, опершись руками на стол. Из-за спины она услышала: “Не ожидал, что ты еще девица”»* [6].

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Семейный роман – жанр, появившийся в русской литературе в 30-е гг. XIX столетия. Ввиду того, что русских

писателей волновали глобальные проблемы своего государства и его народа и семейная тема была представлена ярко в романах той эпохи, однако назвать их семейными в чистом виде всё же нельзя.

Масштабные исторические события повлияли на ход развития семейного романа, расширив его повествовательные границы до семейной хроники.

Семейная хроника была основана как на мемуарном материале (С. Т. Аксаков, М. Горький), так и на авторском вымысле (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Акцент в повествовании семейных хроник делается на исторических сдвигах и сломах, а не на развитии (деградации) семьи как таковой.

Охват больших исторических панорам приводит к очередным расширениям границ теперь уже семейной хроники до семейной саги. Весь путь от семейного романа к семейной саге занимает четыре этапа, что во времен-

ной протяжённости составляет два столетия.

Через осмысление событий вековой давности современные авторы семейных саг пытаются понять, как выживали люди в таких непростых условиях, а также показать хронику жизни страны через призму судеб разных социальных пластов (зачастую интеллигенции) и влияние истории на характеры героев.

В центре повествования семейной саги запечатлена история определённого этноса или же переплетение одного этноса с другим или с другими.

Семейная сага является пропагандистом семейных ценностей и норм морали, которые являются не национальными, а общечеловеческими.

На сегодняшний день говорить об этапах развития семейной саги затруднительно, так как это молодой жанр, формирование которого находится на стадии становления.

Библиографические ссылки

1. Алексютина В. А. Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 114.
2. Гньюсова И. Ф. Традиции семейного романа в творчестве Л. Н. Толстого. [Электронный ресурс]. URL: http://conf.dvfu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnjusova_if.doc.pdf (дата обращения: 12.03.2024).
3. Джиева А. Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2019. С. 21.
4. Золотоносов М. Мужчина ее мечты // Московские новости. 2004. 13 февр. С. 7.
5. Кожинов В. В. Победы и беды России. М. : ЭКСМО : Алгоритм, 2005. С. 115.
6. Колина Е. Сага о бедных Гольдмана [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=8701&p=35 (дата обращения: 20.03.2024).
7. Лапшина З. С. Образ русской семьи XX – XXI веков. Доклад на семинаре «Семья как духовная ценность». Хабаровская духовная семинария, 19 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravkhabarovsk.ru/blog/obraz-rysskoi-semi--hh-hhi-vekov/> (дата обращения: 12.04.2024).
8. Лариева Э. В. Тема семьи в творчестве Л. Улицкой: к постановке проблемы // Подходы к изучению текста : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (апрель, 2007) / отв. ред. Г. В. Мосалева. Ижевск : УдГУ, 2007. С. 210 – 220.

9. Недзвецкий В. А. История русского романа XIX века. Неклассические формы : курс лекций. М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 45 – 46.
10. Никольский Е. В. Семейная хроника: проблема истории и теории. Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 2 (6). С. 53.
11. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Специфика воплощения традиций семейной хроники в романе А. Иванова «Вечный зов» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 167.
12. Осьмухина О. Ю., Джигоева А. Т. Специфика преломления традиции семейного романа в творчестве А. М. Горького (на материале романа «Дело Артамоновых») // Филология и культура = Philology and culture. 2017. № 4 (50). С. 168.
13. Осьмухина О. В. В поисках утраченной толерантности: Людмила Улицкая // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 144 – 158.
14. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной женской прозы [Электронный ресурс]. URL : http://vestnik.tstu.ru/rus/t_14/pdf/14_4_025.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
15. Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
16. Ровенская Т. А. Женская проза конца 1980-х – начала 1990-х годов: проблематика, ментальность, идентификация : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
17. Сенчин Р. Елтышевы [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.es/read_book.php?id=36347&p=17 (дата обращения: 12.04.2024).
18. Татьянанина А. Г. Проза молодого Толстого и проблема семейного романа : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 241 с.
19. Чернышенко О. В. Концепция времени и истории в романе В. Аксёнова «Московская сага» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 195.
20. Черняк М. А. Современная русская литература. СПб. ; М., 2004.

A. Sh. Kurchastova

THE PATH FROM FAMILY NOVEL TO FAMILY SAGA IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

The purpose of the article is to trace the path from the evolution of the family novel genre to the new genre of "family saga" in Russian literature. For this purpose, a number of features inherent to the "family saga" are emphasized in the light of historical poetics. The epic principles of family narrative reinforce social reflection, which leads to the accrual of contradictions within the genre and the passage from the family novel to the family chronicle and family saga. Several stages of development of the family novel in Russian literature are explained on the grounds of social and intra-literary contexts, whereby the genre and thematic boundaries of the family saga in contemporary Russian literature are clarified using particular cases.

Keywords: family novel, family saga, genres of contemporary Russian literature, social reflection, historical poetics of the novel.

**РИТОРИЧЕСКИЙ КОД ИЛЛЮСТРАЦИЙ Б. Д. ГРИГОРЬЕВА К РОМАНУ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Рассмотрена иллюстративная программа рисунков Бориса Григорьева к итоговому роману Ф. М. Достоевского. Доказывается, что систематизация такого сложного романа осуществлена не на идейных, а на риторических принципах вычленения проповеди и инвективы. Роман интерпретируется как повествование о двух конфликтах: между верой и маловерием (а не безверием), который разрешается одержимостью соблазнами, и между скандальным поведением и отвращением, который разрешается ущербной характерологией. Торжество будущего воскресения тогда получает обоснование как выход из сложных антиномий. Иллюстрации Б. Григорьева предвосхитили концепцию Я. Э. Голосовкера и позволяют лучше ее условить как религиозно-философскую.

Ключевые слова: Достоевский, Борис Григорьев, поэтика романа, риторика Нового времени, полифония, Я. Э. Голосовкер, конфликт, роковые вопросы.

Риторическая система при всей ее стройности трех последовательных частей: *изобретение – расположение – произнесение* (*inventio, dispositio, elocutio*), расширялась в течение столетий своего функционирования в западной культуре в две стороны. Изобретение распространялось на реальность за счет системы «общих мест», топосов, которые ускоряли производство правильной речи и соответствующих форм социального сознания. А произнесение – на внутренние переживания слушателей за счет стратегий обращения, каждая из которых соответствует появлению новых социальных ролей: проповедника, публичного политика и др. По этим стратегиям с использованием обращений и местоимений можно предварительно судить о формировании публичного поля в разных культурах.

Самыми известными стратегиями обращения следует признать риторическое «ты/вы» и риторическое «мы». Первое – «ты/вы» – свойство инвективы, непосредственного обращения к облича-

емому, показывающего, что он уже выведен на чистую воду. Так, Цицерон показывает, что он знает о заговоре Катилины, раскрыл всю подноготную, а в любой современной инвективе это знание о тебе говорит: ты уже сам проболтался о чем-то, но я скажу и то, о чем ты проболтаешься потом. Риторическое «мы» отличает другую, проповедническую речь, в которой нельзя подчинять конструктивное оценочному. Нельзя говорить «вы грешники», потому что это будет воспринято как речь праведника и одновременно судьи, но только «мы грешники» – тогда это будет понято как солидарность в деле исправления.

Наша гипотеза состоит в том, что сюжеты русской литературы с какого-то момента допускают сложное соединение этих двух риторик, обычно не совместимых в пределах одного произведения, если только это не роман, допускающий любые речевые стратегии внутри жанрового развития. Хорошим примером такого сложного соединения можно считать, например, стихотворение

Н. А. Некрасова «Убогая и нарядная» (1857), соединяющее в себе черты эпидиктического, совещательного и судебного красноречия. Это парное противопоставление уличной проститутки, пошедший на свой промысел после унижений и отчаяния, и успешной куртизанки, не встречающей никакого заметного сопротивления в светском обществе. Первая часть начинается с риторического «мы»: «Но не лучше ли, прежде чем бросим / Мы в неё приговор роковой...» – что и конструирует мысль о «нашем» общем лицемерии, а продолжается рассказом в третьем лице о ее несчастном детстве и продаже в сомнительное заведение. Вторая часть отмечена риторическим «ты», вполне классической инвективой, сменяющей экспозицию, общий рассказ о куртизанке: «Ты ребенком попала в Париж, / Потеряла невинность и совесть...». А завершается вторая часть рассказом в третьем лице уже о «нас», и о писателях, которые не умеют достаточно реалистически вывести городские типы, чтобы сделать их образы инструментом социального предостережения, и о людях, не умеющих извлекать уроки из реального положения дел.

Рисунки Бориса Григорьева [1] к роману «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского [4] имеют сложную судьбу и не поддаются сразу однозначной интерпретации. Общий контекст их создания уже изучен [1, 190 – 193]. Они создавались в 1920-е гг. на волне отталкивания художественного авангарда в широком смысле от иллюстраций: в неприязни к «роскошным» декорированным и иллюстрированным изданиям сходились тогда такие разные люди, как Ю. Н. Тынянов [Там же, с. 190] и П. А. Флоренский [7, с. 140]. В иллюстрациях они видели апофеоз заведомо устаревшего мещан-

ского вкуса, подгоняющего великие произведения с их неотменимой неукротимостью под шаблоны готовых восприятий. Иллюстрация стала пониматься как способ разговора с книгой, причем разговора довольно театрализованного, как своеобразная бутафория, которая не претендует заместить текст, но позволяет к нему приблизиться.

Об этой бутафорности свидетельствует уже техника этих иллюстраций: в основном они выполнялись гуашью, но использовались также акварель, тушь, карандаш. Уже отмечалось влияние специфических образных решений МХТ на выбор масок как отражающих и социальную, и сценическую роль персонажа [Там же, с. 194]. Так, сами братья Карамазовы не похожи на братьев: Дмитрий выглядит солдафоном, Иван – почти карикатурным разночинным интеллигентом, а Алёша – потупившим взор стыдливым подростком. Не только физиогномические черты, но и мимические жесты, например потупленный взор Алеши, полностью усваиваются героями. Так, Карамазов-отец выглядит уставшим человеком, так как его небрежность оказывается магистральной и для создания женских образов во всей серии, и, следовательно, его маска оказывается маской последствий такой небрежности.

Мы доказываем, что в этих рисунках на большой роман накладывается схема: «Риторическое мы / третьеличное о герою // Риторическое ты / третьеличное о нас», которую мы уже рассмотрели на примере стихотворения Некрасова. Во многом это связано с тем, что читателю романа известны, например, многие вещи о жизни и нравах Скотопригоньевска, которые выясняются на суде, что делает суд уже риторическим упражнением больше, чем кульминацией драма-

тического схождения характеров или обстоятельств, как было бы у другого писателя, нежели у Достоевского. Но прежде следует высказать еще несколько замечаний о произведениях Григорьева. Мир «Братьев Карамазовых» продолжает отчасти мир книги художника «Расея» [3], это попытка создать устойчивый образ России в революционные годы. Там русская жизнь показана с изнанки, но не с неприглядной изнанки, а скорее как некоторый коллаж или смешение разных техник. Этому принципу скрытого коллажа отвечает кадрирование: в книге «Расея» в суженной перспективе и обрезанно даны сады, огороды, деревенские улицы, избы, портреты в разных ракурсах. Такая же игра ракурсами продолжена и в иллюстрациях к «Братьям Карамазовым», но только с тем отличием, что сцены не обрезаются, а даны полностью, с большими свободными пространствами, что подчеркивает театральную иллюзию сценической коробки.

Анализ ракурсов этих иллюстраций показывает, что ни один из этих ракурсов не возможен в традиционной иллюстрации: это был бы рисунок, выполненный с дерева на улице или, скажем, со шкафа в помещении. Именно такой ракурс соответствует той высокой символизации бытовых подробностей, которые, по выводам О. А. Седаковой, образуют притчевое напряжение романа «Братья Карамазовы»: «В случае Достоевского можно наблюдать другую технику упрощения этой асимметрии [обращенной к предельным вопросам притчи и романа как панорамы современности]: навязчиво повторяющиеся из романа в роман детали, сюжетные ситуации, диспозиции действующих лиц вычленяют – внутри реалистического письма – некоторые устойчивые, хотя до

конца и не проясняемые символические парадигмы (такие как, скажем, “сад”, “перелезание через ограду”, и т. п., и т. п.)» [6, с. 175].

Но Григорьев настаивает на разрывании театральной сцены и тем самым на вмещении в рисунок целой главы. Эти иллюстрации можно рассматривать тогда и как формулы глав, например, как формулу «надрыва» или расстроганности, которая и определяет содержание каждой главы такого сложного архитектурного целого, как итоговый роман Достоевского. Таким образом, он следует сразу двум традициям книжного оформления: и заставкам перед главами, которые раскрывают суть действия в главе или самую общую репутацию появляющегося персонажа, не пробалтываясь о подробностях фабулы, во всяком случае не выводя фабулу на поверхность; и иллюстрациям-вклейкам, которые должны отражать как фабульный поворот, так и общее настроение главы или эпизода – настроение, которое и привлекает читателя романа.

Но нас интересует только одно, а именно: как схематизируется в этой серии иллюстраций целое романа. На первый взгляд, вся серия выглядит не как программная, а как эпизодичная: монастырские, домашние, судебные сцены сменяют друг друга, не создавая впечатления романских взаимосвязей всех героев, но только реализации отдельных линий с повышенной до предела, до срыва эмоциональностью. Но внимательный просмотр всей серии позволяет увидеть риторический код со всей очевидностью.

Здесь мы должны обратиться к знаменитой работе Я. Э. Голосовкера «Достоевский и Кант» [2]. Автор утверждает, что кроме собственно повествования в романе «Братья Карамазовы» есть ин-

теллектуальная конструкция, полемически заостренная против антиномий чистого разума по Канту. Эта конструкция – поиск преступника, убийцы Федора Павловича Карамазова, которым не может оказаться ни один из героев, потому что сама ситуация уже начавшегося суда не позволяет идентифицировать ни одного из героев как преступника. В романе разваливается привычная схема, при которой наличие или отсутствие алиби, противоречивость или непротиворечивость показаний, наличие достаточных свидетелей и доказательство достоверности оптики свидетелей – всё это образует некоторую констелляцию достоверных смыслов, и позволяющих осудить или оправдать подозреваемого.

Согласно Голосовкеру, вместо обычных мотивов романа XIX века с криминальной составляющей, таких как характер предполагаемого злодея, логика совершения преступления, которая может быть как фактической, так и нарративной (можно ли говорить так связно о произошедшем, чтобы было видно, что преступление действительно было совершено так), общественная рамка восприятия преступления, в «Братьях Карамазовых» появляется совсем иной мотив «секрета» [2, с. 27 – 30], ангелом которого выступает Грушенька. Этот секрет и является устойчивым мотивом, который переходит от героя к герою и от высказывания героя к другому высказыванию героя, и тем самым создает само условие преступления. Этот секрет – владение деньгами, которые и могут открыть каждому очередному герою побег из его собственной идентичности, из его собственного «я». Но именно здесь начинает работать кантовская антиномия чистого разума: никакой побег не может быть сочтен ни конечным, ни бесконечным, – но только структура бе-

совского искушения создает мнимую бесконечность.

Поэтому, по Голосовкеру, настоящим убийцей является бес, являющийся Ивану Карамазову и проникающий в речь и других братьев, и вообще других героев, от мимолетных реплик вроде «черт знает что» до речи малоприятного Фетюковича, который говорит, что, если бы было возможно, преступление свалили бы на неизвестного. Лукавый тут как тут: «в антиномиях таится неистребимая естественная иллюзия, как дар природы» [Там же, с. 38], и через качание антиномий, которые воспроизводятся и в характере, и в миссии каждого героя, обретающего свою конечность и бесконечность, свою божественность и антибожественность, он и убивает Федора Павловича Карамазова. Здесь «секрет» благодаря качанию коромысел превращается в «тайну», «бездну», перед которой герой пасует: его любой интерес, включая обычный житейский интерес каждого из трех братьев, оборачивается всё большим качанием коромысел и в конце концов безумием Ивана Карамазова, который принял все антиномии Канта всерьез.

Заметим, что противопоставление «секрета» и «тайны» не может быть до конца верифицировано из текста романа, но оно очень хорошо верифицируется из той схемы риторического расширения: секрет, к которому тяготеют те герои, которых трудно назвать трагическими или патетическими, относится как раз к риторическому «мы». Секрет никто не может удержать, и он сам себя не может удержать, сам не может быть последовательно и устойчиво воспроизведен, на что многократно и указывает Голосовкер, например: «Словом, секретная передача была весьма двусмысленной, как это и выяснилось на суде при двух

одно другое опровергающих показаниях Катерины Ивановны» [2, с. 26]. Единственное, что поддерживает этот секрет, что он как раз ни для кого не секретен, всем примерно понятна страсть к деньгам других героев, как и возможные помрачения, и, следовательно, судебный процесс должен выглядеть как очищение, как совместное исправление. Но, как и в случае некрасовской композиции, в ходе процесса выясняются только те малоприятные подробности и контексты, многие из которых уже известны читателю и которые не позволяют суду быть таким очищением, напротив, все участники процесса подхватывают это проповедническое «мы» как формулу для суда, для коллективного действия. Так что в конце концов «мужики» и осуждают Дмитрия как формульно отождествившие себя с полномочиями судить и принимать решения, с чистой идеей власти.

С другой стороны, «тайна» вполне соответствует инвективному «ты», «тайна» всякий раз есть позор героя. Это, согласно Голосовкеру, и тайна Мити Карамазова с его ладанкой для денег [Там же, с. 26], и тайна Ивана Карамазова, который поговорил с чертом [Там же, с. 43]. Иными словами, это тайна не просто улики, а скандальной улики, это и позволяет заклеить героя, показать, что он уже участвует в некотором заговоре, устроенном чертом, если и не главный заговорщик из людей. Таким образом, тайна и есть то речевое обличение героя, которое заканчивается тоже речью в третьем лице, но не указывающее на конкретные обстоятельства возможной виновности героя с его секретами, с его темным прошлым, но, как и положено в рассматриваемой нами риторической композиции, выявляющее порочность всех. В конце концов, в ло-

гике романа невинны только «мальчики», т. е. те, кому предназначено воскреснуть, остальные же, вовлеченные в ситуации соблазнов, т. е. неверного понимания чужой речи, пока воскреснуть не могут – они просто оказываются теми, кто не извлекает уроков, кто приступает к любому новому надрывному искушению, как будто уроков у героя прежде не было.

Эту риторичность мысли Голосовкера очень хорошо почувствовал Лев Лосев в стихотворении «Бахтин в Саранске» [5, с. 71 – 72]. Герой стихотворения, наблюдая за разрушением и распадом в промышленном городе, думает о зерне, которое взойдет, – евангельский образ, известный всем из эпитафии к «Братьям Карамазовым». И как раз здесь Бахтин обретает неожиданное счастье, т. е. как раз переходит от перспективы инвективы (которой и является большая часть стихотворения Льва Лосева) к перспективе повествования, рассказа, подразумевающего и невинного субъекта, которым в логике стихотворения оказывается сам Бахтин:

Непонятный восторг переполнил
Бахтина, и профессор припомнил,
как в дурашливом давешнем сне
Голосовкер стоял с коромыслом.

И внезапно повеяло смыслом
в суете, мельтешеньи, возне [5, с. 72].

В иллюстрациях Григорьева черт появляется только как предмет неудачного экзорцизма старца (или лжестарца) Ферапонта [1, с. 227], причем Ферапонт изображен в профиль. Но именно эта фигура Ферапонта разделяет на две части всю иллюстративную серию Григорьева. В каждой из двух частей мы можем выделить тогда и лейтмотив, и риторический код.

В первой условной части центральным эпизодом, привлечшим особое внимание, оказалось столкновение старца Зосимы с маловерами, матерью и дочерью Хохлаковыми [1, с. 206]. Маловерие оказывается некоторой системой недоверия, которое и порождает скандалы. Если мы обратимся к тексту романа, то увидим, что старец Зосима верит в искренность чувств Хохлаковой-старшей, тогда как она не верит в искренность его дел, она все время требует «платы любовью» [4, с. 116] со всех и, признаваясь в этом старцу, поневоле запускает этот «секрет», отношения платы и денежной зависимости. Как раз в этой первой части серии и появляются образы сладострастия, которые составляют некоторую «тайну» Федора Павловича Карамазова, которую, впрочем, он выбалтывает всякому встречному и поперечному. Поэтому в конце концов в этой части вообладало проповедническое «мы»: мы все оказались свидетелями сладострастия, и мы все, даже если искренне верим словам, чувствам, настроениям или намерениям людей, не верим в дела людей, что, кстати, и стало главным вопросом для Ивана Карамазова: техническая невозможность деятельной любви, в том числе спасения детей из рук тиранов. Мы все оказались свидетелями и соучастниками злодеяния, только Иван Карамазов делает из этого секрета «тайну», подозревая вместе с Великим Инквизитором некоторую злонамеренность Всевышнего, который испытывает людей и чудесами, и тайнами, и авторитетностью, так что можно разве перехватить эти чудо, тайну и авторитет, что и предлагает сделать Великий Инквизитор.

Тогда как после появления Ферапонта и его черта и возникает главная тема второй части, собственно, мальчишки [1, с. 233 – 234], знакомство Алеши с

Илюшей как некоторый смысл романа. Здесь инвективность проявляется очень интересно: Алеша ничего не хочет замечать и, главное, не хочет замечать скандала после смерти старца, тления его тела, но он парадоксальным образом обличает всех, становясь свидетелем всех ключевых шагов Смердякова. Хотя со Смердяковым общается Иван, но только Алеша видит, куда Смердяков идет, с каким настроением, с какими намерениями. Он знает про заговор Смердякова много, и характерно появление в этой второй части упрощенных двойников Смердякова, таких как семинарист Ракитин [Там же, с. 243], которого тоже застаёт Алеша как единственный субъект, способный обличить заговор. При этом он ничего не говорит, потому что в конце концов опять же побеждает повествование, но уже не подозрительность по отношению к замыслу Творца, но подозрительность по отношению ко всему происходящему. Появляется множественность характеров: все участники допросов, расспросов, суда присяжных становятся из метафизических героев вполне земными характерами со своими свойствами. И в них зритель, бесспорно, узнает себя как *одного из нас*.

Таким образом, иллюстрации Бориса Григорьева вовсе не были просто патетическими и надрывными ключами к драматургии романа Достоевского. Это была вполне цельная программа интерпретации романа, предвосхитившая интерпретации вроде той, которую дал Голосовкер. Она исходит из того, что как инвектива, так и проповедь рано или поздно растворяются в романном нарративе, но философскую остроту итогового великого романа Достоевского нельзя понять без этих двух расширений риторики. Можно рассматривать иллюстра-

ции Григорьева как род спектакля, можно даже как род мистерии. Но эстетика узнавания зрителем себя среди других людей, свойственная Б. Григорьеву во все периоды его живописного творчества, и позволяет превратить интерпретацию романа Достоевского в целостную концепцию этого романа.

Библиографические ссылки

1. Борис Григорьев. «Первый мастер на свете» / Т. Галеева [и др.]. СПб. : Музей Фаберже, 2023. 272 с.
2. Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. М. : АН СССР, 1963. 104 с.
3. Григорьев Борис. Расея. Потсдам : Изд. С. Ефрон, тип. Г. Ф. Мюллер и К°, 1921. 50 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Л. : Наука, 1991. Т. 9, 10.
5. Лосев Л. Чудесный десант. Tenaflly : Hermitage Publ., 1985. 160 с.
6. Седакова О. А. Притча и русский роман // Седакова О. А. Проза. М. : Эн Эф Кью, 2001. С. 274 – 285.
7. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М. : Прогресс, 1993. 324 с.

A. V. Markov

**THE RHETORICAL CODE OF BORIS GRIGORIEV'S ILLUSTRATIONS
FOR FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"**

The illustrative program of Boris Grigoriev's drawings for F. M. Dostoevsky's final novel is examined. It is demonstrated that the arrangement of such a complex novel is performed not on the ideological, but on the rhetorical principles of extracting sermon and invective. The novel is interpreted as a narrative of two conflicts: between faith and lack of faith (rather than faithlessness), which is resolved by an obsession with temptation, and between scandalous behavior and disgust, which is resolved by a flawed characterology. The triumph of the future resurrection then gains substantiation as a way out of complex antinomies. Grigoriev's illustrations anticipate Ya. E. Golosovker's concept and allow us to conceptualize it better as a religious-philosophical one.

Keywords: Dostoevsky, Boris Grigoriev, poetics of the novel, rhetoric of the New time, polyphony, Ya. E. Golosovker, conflict, fateful questions.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ И. КАНТА

Педагогические идеи, высказанные И. Кантом более двухсот лет назад, представляют в настоящее время весьма значительный интерес. Между ними и общим трансценденталистским учением немецкого философа прослеживается генеалогическая связь. Кант предлагает оригинальную структуру педагогики, дает разнообразные практические рекомендации по воспитанию и образованию. В то же время не всё из предложенного Кантом выдерживает испытание временем. В ходе репрезентации и критического осмысления педагогической концепции И. Канта выявляются как устаревшие, так и до сих пор не потерявшие свою актуальность мысли и рассуждения. Делается вывод о высоком социогуманитарном потенциале философско-педагогического наследия великого философа.

Ключевые слова: трансцендентализм, трансцендентальные идеи и идеалы, социальный идеал, воспитание, образование, нравственность, свобода.

Задача воспитания подрастающего поколения – одна из важнейших стратегических задач нашего государства. От того, какую воспитательную стратегию мы выберем, будет зависеть наше будущее как в смысле выживания, так и в смысле развития и преуспевания. С точки зрения формирования концепции воспитания, ее методологического, содержательного и технологического наполнения необходим, в том числе, тщательный анализ трудов классиков философско-педагогической мысли, в частности наследия И. Канта, имеющего огромный гуманистический потенциал.

Иммануил Кант (1724 – 1804), чье трехсотлетие со дня рождения мы отмечаем в 2024 году, сформировал и тщательно эксплицировал глубочайшее учение, ставшее одной из вершин трансценденталистского мышления в истории мировой философии. Характеризуя трансцендентализм Канта,

важно подчеркнуть, что его стержнем является трансцендентальный метод, нацеленный на «выявление условий возможности познания и знания, на выявление предпосылок, необходимо лежащих в основании всякого познания» [7, с. 12]. Важнейшей сущностной особенностью трансцендентализма выступает *априорность*, относящаяся как к способу, так и предмету подобного рода выявлений. Термин «априорный» (в переводе с латинского – «независимый от опыта», «доопытный») в кантовской философии принимает значение строго всеобщего и необходимого знания, независимого не только от опыта, но и от многообразия чувственных данных [3, с. 91 – 92, с. 101].

Трансцендентализм И. Канта как особая теоретико-познавательная установка, философия и методология позволяет изучать не только специфику и закономерности функционирования трансценден-

тального сознания. В рамках данной философской парадигмы возможно выявление многообразных форм и путей – через философию права, политику, историю, религию, воспитание и образование – перманентного продвижения человека и общества к свободе и совершенству «каждого» и «всех», что приобретает особую актуальность в настоящую эпоху, полную драматизма, трагических коллизий и «Вызовов», на которые необходимо дать единственно верные «Ответы». Исключительный интерес в этом свете вызывают размышления великого немецкого классика над стратегиями и тактиками воспитания новых поколений; воспитания, предназначенного «для будущего, возможно лучшего, состояния рода человеческого» [5, с. 186], для достижения социального идеала.

Социальный идеал в контексте кантовской философии зиждется на идеях человека как цели самой по себе, личности, свободы каждого и свободы всех, высшего блага, морального закона, бытия Бога, всеобщего правового закона, учреждения публичного права народов, вечного мира, совершенства человека и человечества и др. Он реализуется в политике, экономике, праве, морали, воспитании, искусстве, религии, личностных исканиях. Необходимым элементом конституирования как духовной, так и иных сфер социальной реальности в кантовском подходе выступают трансцендентальные идеи, представляя тем самым одними из онтологических оснований последней. Исходя из того, какая система ценностей выбирается социумом, группой людей или конкретным индивидом, какие именно идеалы, ценности и нормы формируются и воспроизводятся, и образуется сущность общества.

Рассуждая о воспитании, Кант и в этой сфере утверждает определяющую, регулятивно-конститутивную функцию разума, конкретнее, трансцендентальных идей и идеалов, сформированных в результате синтетической деятельности разума. Мыслитель, прежде всего, определяет воспитание как «уход (попечение, содержание), дисциплину (выдержку) и обучение вместе с образованием» [5, с. 180]. Именно дисциплина предстает феноменом, разделяющим животное и человеческое состояния. В отличие от животного, поведением которого руководят инстинкты, человек с помощью дисциплины вынужден искоренять свою дикую природу и выковывать человеческое существо. Дикое, не затронутое воспитанием состояние человека Кант называет независимостью от законов [Там же, с. 181]. Отметим, что, по нашему мнению, законы в данном случае понимаются широко – как юридические, научные, моральные, эстетические и другие предписания разума-«учредителя» и разума-«регулятора», рождающиеся, протекающие из трансцендентальных идей и идеалов.

Каковы же трансцендентальные идеи и идеалы воспитания и какие дидактические предписания из них выводит И. Кант? Исходя из анализа работы «О педагогике», мы полагаем, что, во-первых, это сама идея воспитания, направленного на всестороннее развитие человеческих способностей с целью осознания и постепенного, от поколения к поколению, достижения всем родом человеческим (а не отдельными индивидами) своего предназначения.

Идея воспитания, в свою очередь, коренится в трансцендентальном идеале человечества. Трансцендентальный идеал, согласно Канту, это идея в ее духовной индивидуальной конкретности, вы-

водимая из трансцендентальной идеи. И если идеи более удалены от реальности по сравнению с категориями, то идеалы более удалены от реальности по сравнению с идеями [4, с. 435]. Трансцендентальный идеал – это «идея *совокупности всего возможного*» [Там же, с. 439], он составляет «высшее и полное материальное условие возможности всего существующего, к которому должна сводиться всякая мысль о предметах вообще касательно их содержания» [Там же, с. 441]. Трансцендентальный идеал человечества, как следует из вышеуказанного, предстает идеей совершенства человечества, совершенства, взятого во всей его полноте [Там же, с. 435 – 436].

«Прекрасным идеалом», кроме того, Кант называет план теории целесообразного воспитания как единого корневидца для воспитания всех, постоянные усовершенствование и реализация которого требуют участия многих поколений [5, с. 183 – 184]. План воспитания должен касаться всех граждан мира, всего человечества и быть нацеленным на осуществление трансцендентальной идеи всеобщего блага (не противоречащей, а способствующей обретению личного блага). Идея всеобщего блага подразумевает развитие под эгидой установлений разума добрых начатков в природе человека (тогда как, по мнению Канта, «злых начал в природе человека нет» [Там же, с. 187]).

В комплекс трансцендентальных идей воспитания входят, как мы считаем, идеи лучшего будущего и прогресса человечества. Связывая успех воспитания с деятельной энергией культурных и широко мыслящих людей в лице не государства, а определенного количества частных лиц, приверженных идее всеобщего блага, Кант полагает, что данные частные лица разделяют идеи

лучшего будущего и способствуют движению человечества к своему совершенству, имея в качестве ориентиров прогресс и просвещение.

Таким образом, воспитание – это искусство разума. Глубинным основанием активности последнего выступают априорные идеи чистого разума – трансцендентальные идеи как трансцендентные по отношению к всякому опыту «целостности условий для данного обусловленного» [4, с. 294], т. е. для идеи, теории и практики воспитания.

Раскрыв идеал и круг идей воспитания, И. Кант формулирует четыре «отдела» (термин Канта) воспитания, хотя, по нашему мнению, эти отделы в то же время следовало бы назвать основными принципами воспитания. К ним относятся: выработка дисциплины, умственное развитие, привитие цивилизованности (навыки социального общения, этикетного поведения), воспитание нравственности (этому принципу немецкий философ придает особое значение). А самое главное в воспитании, как пишет Кант, научить детей думать.

Воспитание подразделяется автором трактата «О педагогике» на частное и общественное. Частное воспитание осуществляется родителями или нанятыми для этой деятельности воспитателями. Общественное направлено на формирование из индивида человека общественного, гражданина, «соединяет наставление с нравственным образованием» [5, с. 191] и способствует коррективке, улучшению частного воспитания. Кант видит преимущество, большую надежность в общественном воспитании, так как сомневается, что все родители сами достаточно хорошо воспитаны, чтобы достойно воспитать своих детей.

Наука о воспитании – педагогика – разбивается Кантом на физическую и практическую. И если задача первой заключается в должном уходе и питании, то задача второй, как относящейся к свободе, – возвращение моральной, свободной, самодостаточной личности.

Физическое воспитание Кант подразделяет на отрицательное и положительное. Отрицательное подразумевает, что, начиная с самого рождения, подход к ребенку должен быть природосообразным, естественным, без добавления чего-либо искусственного: пеленания, укачивания, потакания его крикам, изнеженности, искусственных приспособлений. Исключение здесь составляет закаливание.

Положительное физическое воспитание предполагает формирование культуры тела и развитие душевных способностей. Развитие физической культуры основано, как уже указывалось, на исключении всяческих вспомогательных приспособлений, дабы сильнее развить естественные возможности организма, на активном участии в детских играх. Воспитание культуры души включает, в свою очередь, физический и моральный аспекты, при этом «последнее имеет в виду только свободу, а первое – только природу» [5, с. 208]. Физическая культура духа (термин И. Канта) подразделяется на свободную и школьную (в определенном смысле принудительную), реализующиеся, соответственно, как игра и как работа. Немецкий философ подчеркивает важность приобретения детьми навыка работы [Там же, с. 209], который прививается именно в школе и развивает, в свою очередь, целеустремленность.

Развитие душевных способностей как части физической культуры духа должно идти непрерывно. Это относит-

ся, прежде всего, к наивысшим познавательным способностям – рассудку, способности суждения, разуму, а нижестоящие познавательные способности рассудка, такие как остроумие, воображение, чувства, память, внимание, должны развиваться под эгидой высших, только тогда они обретут настоящую ценность.

Ход рассуждения заставляет И. Канта более конкретно и систематически изложить понимание и способ достижения общей цели воспитания, которая, как философом было указано в начале трактата, состоит в совершенствовании рода человеческого. Движение к цели воспитания включает в себя реализацию двух фундаментальных процессов: формирование общей (физической и моральной) культуры душевных способностей и формирование частной культуры души. Задачу общей культуры мыслитель усматривает в укреплении способностей души. При этом в физическом аспекте укрепление зиждется на упражнениях и дисциплине, носит подчинительно-пассивный характер, а в моральном – активно и исходит из собственных принципов добра [Там же, с. 212 – 213]. Частная культура заключается в развитии как низших, так и высших когнитивных способностей рассудка.

Кант подробно останавливается на формировании моральной культуры. Моральное воспитание не подразумевает физического наказания; по сравнению с дисциплиной нравственность есть неизмеримо более возвышенное явление. Для морального поведения необходим характер как «способность действовать по принципам» [Там же, с. 218] и поэтому его выработка составляет первейшую задачу такого рода воспитания. В основе характера должны располагаться такие черты, как послушание, правдивость и общительность. Философ отмечает, что

важно методически правильно и строго заложить и развить их, тогда моральная культура будет успешно сформирована.

Касаясь второго раздела педагогики в кантовском понимании – практического воспитания, – важно заметить, что последнее имеет три аспекта: воспитание умения, знания о поведении в обществе и воспитание нравственности. Говоря об умениях, Кант призывает, чтобы они имели фундаментальный, а не поверхностный характер; относительно поведения в свете дает несколько практических рекомендаций. Однако наиболее подробно он останавливается на вопросах нравственного воспитания.

Большое значение он усматривает в воспитании характера как «твердой решимости хотеть что-нибудь делать, а затем и в действительном исполнении предположенного» [5, с. 224]. При этом в характере, согласно Канту, должна быть сформирована «сердцевина» – мораль и порядочность. Для подобного формирования философ призывает ориентироваться на два круга обязанностей человека – по отношению к себе и по отношению к другим. Первые заключаются в умеренности, сдержанности и человеческом достоинстве. Вторые состоят в любви и уважении к другим людям.

Касается Кант и воспитания с точки зрения религии. Он подчеркивает, что религиозность сама по себе – это лишь «суеверное служение» [Там же, с. 232], воспитание с её помощью станет действительным только тогда, когда она соединится с внутренним нравственным законом – совестью [6, с. 162 – 181].

Кант высказывает много глубоких и оригинальных, здравых и тонких, не потерявших актуальность по сей день мыслей и замечаний, практических наблюдений и советов относительно идеи, цели, задач и методов воспитания.

Например, можно согласиться с тем, что в самом начале воспитания большое внимание должно уделяться дисциплине, справедливы замечания о важности закалывания, необходимости воспитывать самостоятельность, о принципиальности умственного и нравственного развития; о том, что нельзя культивировать праздность, потакать капризам и баловать, что учителю не следует выказывать предпочтения одному ребенку среди других, об обучении в соответствии с возрастом и т. д.

К числу предложений и советов Канта, которые вызывают вопросы и с которыми можно поспорить, относятся некоторые частные суждения, касающиеся практики взращивания и воспитания. Так, неоднозначно воспринимается позиция немецкого философа, когда он ратует за излишне суровое и жесткое физическое воспитание: отказ от слишком теплой еды, укачивания, приучение к холодной и жесткой постели, холодным ваннам (хотя это возможно после закалывания), спокойное отношение к всевозможным и безвредным, как он считает, падениям и ушибам и т. д. С подобными крайностями, с такой ригористической строгостью в отношении маленького детского организма вряд ли можно согласиться, если только вышеуказанные меры не продиктованы медицинскими показаниями и не переходят границы разумного.

Обращает на себя внимание тезис о том, что и без того богатую фантазию детей не следует развивать, «изошрять ее сказками» [5, с. 213], но, напротив, ее необходимо «ограничивать правилами» [Там же]. В противовес Канту можно отметить, что фантазия – необходимая составляющая творческой активности человека [2, с. 86 – 104; 9], что «обуздание» фантазии снижает творческий по-

тенциал; сказки – это кладезь национального опыта и культуры, проверенный способ гражданского и нравственного воспитания, о котором писал еще Платон [8].

Вызывают недоумение мысли об искусственности и преждевременности занятий детьми танцами. Вспомним Дж. Дьюи, в модели эстетического опыта [10] которого указанный опыт предвосхищает и сопровождает обучение ребенка по различным дисциплинам, катализируя его разностороннее развитие.

Порождает также несогласие идея о вредности для ребенка смотреть на все как на игру. Сейчас стала уже общим местом известная научная позиция, согласно которой игровая форма обучения необходима на ранних этапах воспитания и образования [1].

Кант, кроме того, недостаточно прорабатывает дилемму принуждения и свободы. С одной стороны, он отмечает, что принуждение необходимо, с другой – говорит, что нужно приучать воспитуемого уметь пользоваться своей свободой. Но как можно научиться ею пользоваться, если не поступать свободно и не совершать поэтому, хотя бы время от времени, ошибок, тогда как принудительная дисциплина направлена, согласно Канту, на удержание от ошибок? [5, с. 191 – 193] Кант пишет о необходимости подчинения, о наказаниях и запретах для воспитанника, так как «он не в состоянии судить сам» [Там же, с. 193], и в то же время замечает, что ребенку важно, «начиная с самых ранних пор, во всем предоставлять свободу» [Там же]. Кант с чрезмерной, на наш взгляд, уверенностью утверждает, что с момента окончания воспитания (а это произойдет, когда сам воспитанник созреет в половом отношении и станет способным быть родителем) он в полной мере смо-

жет пользоваться своей свободой. Кант, конечно, подразумевает, что эта свобода должна идти рука об руку с дисциплиной, чтобы «уметь терпеть лишения и зарабатывать, чтобы быть независимым» [Там же]. Но не слишком ли философ тверд в убеждении, что подчинение, к которому приучали ребенка долгие годы, не станет его второй натурой? Однако можно считать, что как раз на этапе нравственного воспитания Кант предполагал развитие у воспитанника разумного понимания свободы и умения ею пользоваться, но не эксплицитировал этот переход, это постепенное познание свободы. Во многом правильные рассуждения Канта относительно соотношения подчинения и свободы остаются поэтому лишь декларациями, постулатами.

Примечательны также противоречивые суждения немецкого классика в анализируемом трактате относительно злого и доброго начал в природе человека. С одной стороны, автором отмечается, что в человеке не заложено начатков зла и есть только зародыши добра [5, с. 187]. В другом же месте своего сочинения философ уверяет, что по своей природе человек и не добр, и не зол, так как не является существом нравственным и, более того, «склонен ко всем порокам» [Там же, с. 229]. Правда, везде Кант добавляет, что моральным человек становится, только уразумеет смысл обязанностей и закона и подчиняясь им [Там же, с. 187, с. 229].

Таким образом, написанный в последние годы жизни Канта трактат «О педагогике» основывается на прочном фундаменте его трансцендентальной философии, изложенной с особой тщательностью в трех его знаменитых «Критиках». В то же время данное произведение – это опыт (не единственный

у Канта) перенесения теоретических идей в прикладную сферу педагогики. И если не со всеми позициями и рекомендациями Канта можно согласиться, то все же можно утверждать, что главные интенции и послы его философии – вера в человека, в возможность совершенствования рода человеческого, добро и нравственность –

должны служить непоколебимыми идеалами и путеводными нитями и в наше время. Тем более актуальными они становятся, чем острее претерпевают уничтожения и гонения в современное время процветания безнравственности и попыток отказа от всего человеческого.

Zh. V. Latysheva

**MODERN SOCIO-HUMANITARIAN GUIDELINES OF EDUCATION
IN THE LIGHT OF PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL IDEAS OF I. KANT**

The pedagogical ideas expressed by I. Kant more than two hundred years ago are currently of very significant interest. There is a genealogical connection between them and the general transcendentalist teaching of the German philosopher. Kant offers an original structure of pedagogy, gives a variety of practical recommendations on upbringing and education. At the same time, not all of Kant's proposals stand the test of time. In the course of the representation and critical understanding of the pedagogical concept, I. Kant reveals both outdated and still relevant thoughts and reasoning. The conclusion is made about the high socio-humanitarian potential of the philosophical and pedagogical heritage of the great philosopher.

Keywords: transcendentalism, transcendental ideas and ideals, social ideal, upbringing, education, morality, freedom.

Библиографические ссылки

1. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62 – 68.
2. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. 434 с.
3. Лошаков Р. А. Кантовское *a priori* как эсхатологическая реальность // Вестник Русской гуманитарной христианской академии. 2009. Т. 10. № 2. С. 91 – 105.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского ; сверен и отред. Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; примеч. Ц. Г. Арзаканяна. М. : Эксмо, 2007. 736 с.
5. Кант И. О педагогике // И. Кант. Избранное. В 3 т. Т. 1. О воспитании разума. Калининград : Кн. изд-во, 1995. 248 с.
6. Кант И. Религия в пределах только разума // И. Кант. Сочинения. В 8 т. Т. 6. М. : Чоро, 1994. С. 5 – 222.
7. Круглов А. Н. Трансцендентализм в философии. М. : НИПКЦ Восход-А, 2000. 384 с.
8. Платон. Государство. М. : АСТ, 448 с.

9. Петрова Н. С., Депсамес Л. П., Артемьева Ю. Ю. Методика развития фантазии и воображения на занятиях живописи // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68 – 4. С. 77 – 80.

10. Dewey J. Art as Experience. Tarcher : Perigee, 2005. 371 p.

УДК 111.1

А. В. Марков, О. А. Штайн (Братина)

ФИЛОСОФИЯ В СТИЛЕ АР-ДЕКО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Если соотнесение философии XX века и художественного модернизма привычно исходя из общих преобразований научной рациональности, то более подробное сопоставление философских открытий XX века с художественными стилями пока не общепринято. В статье показано, что становление эпистемологии XX века в отличие от гносеологии связано со стилем ар-деко как стилем эпохи. Ар-деко подразумевает особое внимание к фактуре материала, признание открытости искусственной вещи как одновременно ресурса и части текущей ситуации, отказ от ценностей античной пластики и античного воображения. Критика Гуссерлем и Хайдеггером предшествующей философской традиции в середине 1930-х годов уже исходит не из отдельных философских терминов, но из стиля ар-деко как принципа переключения между фактурами данностей и сопоставления уже самих данностей, а не условий их познания.

Ключевые слова: ар-деко, Гуссерль, Хайдеггер, стиль философии, эпистемология, гносеология.

Соотнесение философских программ и художественных стилей с какого-то момента становится необходимой частью философской рефлексии. Можно указать только на два примера. Жиль Делёз обосновывал общность между открытиями Спинозы и Лейбница через понятие барокко как художественного стиля. Согласно Делёзу, барокко представляет собой не простое линейное сопоставление понятий и наблюдений, не выстраивание аргументативной очевидности, а создание складок и загибов (инфлексий), благодаря чему возможно и синхронное сопоставление вещей, не имеющих ничего общего, и введение в гносеологию сингулярности. «Инфлексия становится вихреобразной и происходит не столько благодаря продлению

или приумножению, сколько через запоздание и промедление: по сути, линия закручивается в спираль, чтобы отсрочить инфлексию» [4, с. 30]. Дифференциальное исчисление, собственная воля вещей и их самопредставление в ходе познания, конструктивное понимание времени как общей среды исчислений, упорядочение и самоупорядочивание наук, различение кода (языка) и отдельных новаторских сингулярных знаний – все эти свойства мысли Лейбница Делёз выводит из общего принципа барокко – отказа от линейности в пользу синхронного наложения впечатлений, что и позволяет обособить гносеологию как общий принцип возможных комбинаторик.

Согласно Делёзу, не просто Лейбниц вырабатывает какие-то концепты,

но само устройство открытой им онтологической и познаваемой реальности, сам стиль этой реальности, направляет его философские открытия. Сам Лейбниц форматирует эту реальность, но реальность обладает более мощным кодом, который, работая внутри стилистических отношений барокко, требует иначе относиться к понятиям сущности, среды, времени, пространства, причинности. Лейбниц отказывается от простой линейной логики в пользу *рефлексии* и *инфлексии*: «Но предикат ведь является событием и появляется в субъекте как изменение восприятия: событие произвольно до тех пор, пока мы можем назначить ему некую побудительную причину, представляющую собой основание для изменения восприятия» [4, с. 122]. Это и позволяет соединить механизацию процедуры производства знаний с признанием уникальности и неповторимости причин.

Познание тогда понимается как внедрившееся извне в нас, галлюцинаторное, сопоставимое со спецэффектами барокко, это не умозрительная модель, а вхождение в нас самой реальности, поражающее и озадачивающее нас: «исчисление, стало быть, является именно психическим механизмом, а если оно и фиктивно, то в том смысле, что механизм этот относится к галлюцинаторной перцепции». Вместо ренессансного вымысла (фикции) как творческого принципа *изобретений* здесь появляется новый принцип *собственных эффектов реальности*, способной себя упорядочивать и создавать складки своих собственных физических механизмов и объективно существующих «наук» в психических механизмах нас самих. Делёз показывает, как, читая Лейбница как философа стиля барокко, мы лучше понимаем, как Лейбниц предвосхитил

проблемы Бергсона и других мыслителей XX века, у которых новое понимание физического времени как внутреннего переживания и исторического времени как неравномерной структуры забеганий вперед и разрывов привело к дополнению гносеологии эпистемологией.

Для Делёза в эпоху барокко именно самоупорядочивание больших реальностей, начиная с реальности Вселенной, определяет наши гносеологические установки: «Это экстенсивное единство искусств и образует вселенский театр, в котором есть воздух и земля, и даже огонь и вода. Скульптуры – это подлинные его персонажи, а город – декорация, зрители же этой декорации – сами герои картин или скульптур» [Там же, с. 215]. Эта всеобщая машина создает своих зрителей как свои ситуативные моменты, следы, моментальные репрезентации, тогда как любое длительное действие такой машины создаёт меньшие машины, такие как машины наук и познания.

В конце концов, Делёз говорит, что барокко в противовес опасению, что вся вселенная окажется иллюзией, «материей Арлекина» (он цитирует подлинные слова Лейбница), создает собственное «здесь-бытие»: «но отличительная черта барокко заключается и не во впадении в иллюзию, и не в выходе из нее, а в реализации некоторого явления внутри самой иллюзии или же в сообщении ей некоего духовного здесь-бытия, возвращающего ее частям и кусочкам какое-то совокупное единство» [Там же, с. 218]. Как все помнят, термин «здесь-бытие» (*Dasein*) принадлежит Хайдеггеру и означает то наличное присутствие, которое предшествует полаганию бытия или самообнаружению бытия. Для Делёза сам стиль барокко создал ту метакри-

тику иллюзорного, ту конкретизацию самих механизмов эффектов со стороны вещей, ту аффективную среду, в которой и стала возможна вся последующая мысль после Лейбница.

В то же время А. Ф. Лосев убедительно показывал, что античная философия с ее проблематикой слова, числа, реальности, с самой постановкой онтологического вопроса происходит из определенного пластического стиля [5, с. 391]. Пластический стиль подразумевал предельную управляемость материи, что отвечало рабовладельческой практике, но также и героическую данность, способность формы, оформленного поступка, противостоять всем случайностям окружающего мира. Тем самым, как и у Делёза, у Лосева художественный стиль с его особым устройством, уже не складок и загибов, но самоманифестаций и проявлений силы, создает основные проблемы всей последующей мировой философии, начиная с проблемы *субстанции*, самостояния, стояния свободного человека в противоположность состоянию раба. Хотя Делёз и Лосев исходят из разных философских традиций, они сходятся в том, что начальные интуиции пространства, вещи или речевой способности предшествуют нашему опыту по дифференциации и отождествлениям и что философские направления возникают благодаря такому самораскрытию стиля эпохи.

В настоящей статье мы предлагаем прочесть такие труды середины 1930-х годов, как «Кризис европейских наук» Э. Гуссерля и «Исток художественного творения» М. Хайдеггера, как труды, порожденные эпохой ар-деко. Ар-деко – это один из самых влиятельных стилей XX века со своими узнаваемыми особенностями. Этот стиль широко используется в современном дизайне, хотя и

очень непоследовательно: он понимает-ся как строгий и при этом внушающий мысль о роскоши. Иллюзорность в современных дизайнерских проектах вытесняет манифестацию. Но на основании существующих обобщений можно указать на следующие свойства этого стиля, опираясь на работы русских культурологов Алексея Бархина [1] и Владислава Дегтярева [3].

Прежде всего, ар-деко противопоставлен предшествующему стилю ар-нуво, или модерну, в узком смысле, и противопоставлен отношением к природе. В архитектуре и декоративном искусстве ар-нуво можно найти строгость, геометричность и отвлеченность узора, равно как и эксперименты с контрастами, почти что напоминающие ар-деко, как и в Ренессансе можно найти иной раз что-то до боли похожее на какие-то детали барокко. Но между стилями граница непроходима просто потому, что за разными стилями стоит совсем разное отношение к природе. В ар-нуво здание или иной объект *как бы вырастает* из природы, растет как сталактит, только из другого материала. В кирпиче продолжают скалы зданий северного модерна, дерево находит реализацию в «елочном стиле» швейцарских экспериментов, а прозрачность воздуха и пестрота времен года начинает играть в красках югендштиля. Тогда как ар-деко не вырастает из природы, а *врастает* в нее, *внедряется*, входит интенционально, обеспечивая познание ресурсов природы, извлечение из нее нефтяных и электрических ресурсов.

Соответственно, материалы в ар-деко не имитируют природу, как в ар-нуво, где вдруг цветное стекло оказывается стеблем цветка по общему признаку цвета или деревянные перила напоминают морскую волну и погружают

нас в подводное царство, а имитируют фактуру других материалов. Медь оказывается в ар-деко похожей на золото, эмаль – на пластик, чёрный камень – на уголь. Этому служит, с одной стороны, плоскостной рельеф, который Бархин считает главным свойством стиля, а с другой – воспроизведение барочного топоса «суэты» (*vanitas*), на чем настаивает Дегтярев, взаимное умирание материалов как напоминание о всеобщей смертности. Если в ар-нуво царил разрыв (нет прямого перехода от живого цветка к стеклу), то в ар-деко, эпоху яркого, а не сдержанного электричества, царит переключение, мы переключаемся, например, от ритма большого города с автобусами к узорам эпохи майя. Главная ось переключений при этом – не прозрачное-непрозрачное, а блестящее-матовое, из-за чего ар-деко и воспринимается как стиль контрастности, например чёрного и золотого. Это контраст черного матового и золотого глянцевого, а не просто чёрного и золотого, и он способствует эстетическому переключению.

Наконец, ар-деко отказывается от античных мотивов в пользу этнических, причем этнических древних цивилизаций, от Египта до цивилизации майя. В этом обозначился разрыв ар-деко с прежним модернизмом, для которого античное оставалось материалом для преобразований, исходной точкой, примерно как в 1922 году Адольф Лоос, связанный с дадаистами представитель позднего модернизма, предлагал построить здание «Чикаго Трибьюн» в виде дорической колонны. Даже в самом радикальном модернизме античность почиталась естественной, одной из форм, которая может пережить ряд масштабирований и приспособлений в эпоху новых материалов. Ар-деко заяв-

ляет, что можно прожить не просто без ордерной системы, но без античных воспоминаний вообще.

Если мы внимательно читаем труд Гуссерля о кризисе европейских наук (1935 – 1936), то он реконструирует развитие науки Нового времени, условно галилеевской, как развитие модерна, ар-нуво. Так, он говорит, что система Галилея и вообще любая рациональная система Нового времени подразумевает, что природа математична, благодаря чему и возможно «познать слой законов этого по-себе-бытия как безусловно обладающий всеобщей значимостью: непосредственно познать аксиоматические элементарные законы априорных конструкций, а в бесконечном опосредовании – и прочие законы» [2, с. 82], выводя их из данных опыта. Таким образом, наука создает модель природы в другом материале, по данным опыта, как мастер ар-нуво создает стеклянный цветок. Но при этом как раз эта наука пришла к кризису, потому что естественно-научное знание не создает того переключения, которое и позволяет познать фактурность природы: «Таким образом, естественно-научное знание о природе не дает в отношении нее никакого действительно объясняющего, никакого последнего познания, потому что оно вообще не исследует природу в той абсолютной взаимосвязи, в которой ее действительное и подлинное бытие раскрывает свой бытийный смысл, т. е. никогда не приближается к этому бытию тематически» [Там же, с. 254]. Гуссерль, говоря о кризисе наук классических, как бы как раз восходящих к ордерной системе систематизаций, по сути, предлагает стиль ар-деко, который переключает от действительности бытия к смыслу бытия, от непосредственной (матовой) данности – к тематизированной (глянце-

вой) явленности. Это и основа современной эпистемологии: научному познанию предшествует не только интенция, но и аффицированность знания некоторой явленностью вещей, что мы обращаем внимание не только на познаваемые вещи, но и на проблемные области.

Но и М. Хайдеггер в труде «Исток художественного творения» (1936) неожиданно говорит о том же, что нужно вместо разрыва просто говорить о переключении. Он оспаривает условную точку зрения ар-нуво, где вещь культуры представляет собой вещь природы, но воссозданную в другом материальном употреблении – это уже не камень, а молоток, камень из металла, которым мы забиваем гвозди. Он говорит не о прозрачности вещей в природе и непрозрачности их в употреблении людей, но вводит радикально новую тему – переключения от самоявленности вещи, ее тождества, как бы матовости к непосредственному ее блеску как «произведения искусства». Самоявленность есть исток; тогда как само художественное творение – это блеск бытия, данность бытия в блеске.

В этом смысле, по Хайдеггеру, вещь не вырастает из природы, но, наоборот, вырастает в нее. «Просто вещами мы считаем только камень, глыбу земли, кусок дерева. Все безжизненное, что есть в природе и в человеческом употреблении. Вещи природы и человеческого употребления и есть то, что обычно называется вещью» [6, с. 91]. Вещи безжизненны, это не оживление материи, но вторжение узора, как-то упорядоченного обычаем. Как в ар-деко не античный образец, не энтузиазм воображения, но цивилизационный обычай определяет плоскостной рельеф. Уже нет воодушевления вокруг пластики, но только

рельеф непосредственного принятия вещи вне зависимости от того, употребима она, как электричество, или только приняла нас в гости, как здание ар-деко.

Есть только собственная воля вещи: «Так можно ли избежать того, чтобы вещи захватывались врасплох, и как этого избежать? Наверное, есть только один выход – оставить за вещью свободное поле, чтобы в этом поле она могла непосредственно выявить свою вещность» [6, с. 99]. Ар-нуво захватывал вещи врасплох новыми технологиями; теперь, в эпоху ар-деко, вещь создает своё поле, свою плоскость, где мы можем оценивать ее неизменные свойства. Дальнейшие размышления Хайдеггера об открытости в его поздней философии, о просвете не могли бы состояться без этого поворота от ар-нуво к ар-деко, равно как и критика Гуссерлем новоевропейской науки не могла бы дальше быть плодотворной в эпистемологии вплоть до наших дней.

Итак, мы видим, что вполне можно говорить об ар-деко как общем принципе мировой философии определенного периода. Именно этот стиль требует перейти от проблематики интенциональности к эпистемологической проблематике, при этом не утрачивая онтологического и гносеологического горизонта. Ар-деко – это стиль самоявленности плоскости, которая и обладает собой, и требует от нас сохранять самообладание. Это совсем иной режим, чем радикализация природы в произведениях искусства в изобретениях ар-нуво.

Ар-нуво – это новое или обновленное ренессансное изобретательство, ар-деко – это новое барочное сопоставление несходного, глянцевого и матового, скрытого и явленного, иллюзорного и совершенно конкретного. Это, как и в прежнем барокко, игра пятен на плоско-

сти, а не линейная сцепка причин и изобретений; только теперь эти пятна фактурны, из новых материалов. И ар-деко и определяет новый разговор о природе у Гуссерля и Хайдеггера не как разговор о поле познания или области трансформаций бытия, даже самых выверенных и определенных общими законами человеческой интенциональности или человеческого присутствия, – но как разговор о *собственном ресурсе пе-*

реключений в природе, предшествующем дифференциации наук, даже если понимать слово «наука» в самом обобщенном смысле.

Это предшествование и есть онтология природы как *самоявленности*, предстающей нам как *фактурность*, в ответ на что дифференциация наук и представляет нам самим нас самих себя как ресурс нашей мысли об окружающем мире и нас самих.

Библиографические ссылки

1. Бархин А. Д. Города Америки в архитектурном соревновании 1920 – 30-х гг. [Электронный ресурс] // Портал Архи. ру. URL: <https://archi.ru/elpub/91724/goroda-ameriki-v-arkhitekturnom-sorevnovanii---kh-gg> (дата обращения: 01.03.2024).
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб. : Наука, 2004. 396 с.
3. Дегтярев В. В. Введение в Ар-Деко [Электронный ресурс] // Пост(нон)фикшн. URL: <https://postnonfiction.org/narratives/vdeko/> (дата обращения: 01.03.2024).
4. Делёз Ж. Складка: Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1997. 264 с.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики: итоги тысячелетнего развития. М. : АСТ, 2000. 680 с.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический Проект, 2008. 528 с.

A. V. Markov, O. A. Shtayn (Bratina)

PHILOSOPHY IN ART DECO STYLE: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

If the correlation of the twentieth century philosophy and artistic modernism is habitual, based on the general transformations of scientific rationality, a more detailed comparison of philosophical discoveries of the twentieth century with artistic styles has not yet been generally accepted. The article shows that the formation of twentieth-century epistemology in its distinction from epistemology is related to the Art Deco style as the style of the epoch. Art Deco implies special attention to the texture of the material, recognition of the openness of the artificial thing as both a resource and a part of the present situation, rejection of the values of ancient plasticity and ancient imagination. Husserl and Heidegger's critique of the preceding philosophical tradition in the mid – 1930s is no longer based on certain philosophical concepts, but on the Art Deco style as a principle of switching between the textures of given things and comparing the given things themselves rather than the conditions of their cognition.

Keywords: Art Deco, Husserl, Heidegger, style of philosophy, epistemology, gnosology.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ХРИСТИАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЯПОНИИ КАК ПУТЬ
К МЕЖРЕЛИГИОЗНОМУ ДИАЛОГУ**

Статья посвящена проблеме эффективности современной миссионерской деятельности христианских организаций в Японии. Для её решения в работе предлагается обратиться к истории христианских церквей, чтобы сформировать успешную модель евангелизации и, как следствие, установление межрелигиозного и межкультурного диалога. В качестве путей трансформации христианской миссионерской деятельности предлагаются два варианта: адаптация к современной религиозности японцев и мягкая индигенизация христианства в японскую культуру.

Ключевые слова: Япония, христианство, миссионерская деятельность, социальное служение, индигенизация.

Христианство было принесено в Японию ещё в XVI в. По данным отдела по делам религии, на 31 декабря 2020 г. количество христиан в Японии равно 1 915 294, что составляет всего 1,1 % от общей численности населения [7]. В ноябре 1999 г. Кенджи Исии провёл опрос об имидже религиозных организаций: у 47,1 % респондентов «нет определённого представления» о христианстве, а 10,6 % охарактеризовали его как «загадочное» [4, с. 55]. Пусть опрос проводился ещё в конце прошлого столетия, но, судя по тому, что количество людей, исповедующих христианство, существенно не изменилось с того периода, можно говорить, что миссионерская практика христианских организаций имеет низкие показатели эффективности. Современному японцу христианство в любой его форме известно лишь по двум практикам: Рождество, которое повсеместно празднуется, и свадьбы, которые популярны среди молодёжи. Последняя активно популяризуется курортом Каруидзава, основанным христианскими миссионерами.

В этом свете возникает вопрос: каким образом должна быть построена христианская миссия сегодня, чтобы привлечь внимание японцев?

Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к истокам этой религии в Японии, к XVI веку, который называют временем расцвета христианства. Данный период характеризуется смутой, породившей нужду в твердой вере и аспекте спасения, а буддизм эпохи Нара и Камакура остался далек от религиозной потребности крестьян и горожан. Христианство же удачно вплелось в нестабильную политическую и социальную ситуацию, и это доказывает тот факт, что первые японцы-христиане были крестьянами, рыбаками и бедными горожанами. Однако не стоит принижать важность того, что и японские феодалы благоволили новоприбывшим миссионерам. И здесь мы бы хотели отметить деятельность Франциска Ксаверия, Косме де Торреса и Франциско Кабрала и рассмотреть их с точки зрения подхода к миссионерской работе и её успешности.

О практике Ксаверия написано много работ, поэтому мы остановимся лишь на выделении подхода его миссии, который, на наш взгляд, сыграл ключевую роль в распространении христианства, – это уважительное отношение к Японии и её традициям. Именно любовь к Японии лежала в основе его миссионерской деятельности. Практика Ксаверия заложила фундамент для японского христианства, обратив в веру около 1000 человек.

Косме де Торрес – ученик Ксаверия и такой же проповедник, с уважением относившийся к японцам, он разработал кампанию по борьбе с бедностью, центром которой стал храм Тэнсюдо (храм Дайдо-дзи) [4, с. 58]. В 1553 году он установил ящик для сбора пожертвований, откуда раз в месяц бедным раздавался рис. На Рождество и Пасху полагалась особая рисовая милостыня. Так как путь Торреса был схож с путем его наставника, то он обратил внимание на важность культа предков для японцев и принял решение об учреждении «дня мертвых» – дня, когда совершались заупокойные мессы. Похоронные обряды не были социально дифференцированы, поэтому проводились как для богатых, так и для бедных, что не могло не привлечь трепетных по отношению к предкам японцев.

Стратегия Торреса во многом была полномасштабной, так как он стремился оказать влияние и на правящие элиты. В 1560 году сёгун Асикага Ёситеру разрешил миссионерство на своих владениях, затем к вере присоединились владыки Киото, Сакаи и Осаки. Уже в 1561 году в Хирадо было создано шесть общин, а к 1569 году число христиан достигло 26 500 человек [Там же, с. 59].

Франциско Кабрал не испытывал столь теплых чувств к иноземной куль-

туре. Его миссионерство славилось агрессивными методами и принудительной христианизацией. Кабрал называл японцев черным и низменным народом и использовал другие оскорбительные выражения для описания их методов обучения. Он не хотел, чтобы японцы перенимали европейские обычаи, а европейцы – их. Кабрал, помимо того, не разрешал населению изучать латынь, португальский язык и создавать семинарии. Также он пренебрежительно относился к самому японскому языку, поэтому его миссия оказалась провальной.

Таким образом, напрашивается вывод, как должна быть построена миссионерская деятельность: на уважении к традиционной японской культуре и знании о ней. Но здесь подразумевается не отсутствие пренебрежительного отношения к японским ценностям, а их включение в систему миссионерства. Ксаверий и Торрес это понимали, поэтому делали упор на то, что важно в первую очередь для самих японцев. Имеется в виду культ предков. Период деятельности Ксаверия и его сторонников по праву можно назвать первым «христианским бумом» в истории Японии.

Второй же случился в период Мейдзи и Тайсё. Христианские миссионеры укрепили такие понятия, как «любовь» и «соседство», продолжили развивать социальное служение, в частности женское образование. Они занимались строительством образовательных учреждений вроде Токийской православной семинарии, медицинских учреждений, детских садов, а также занимались практикой в детских колониях. Здесь можно выделить деятельность Косукэ Томеоке, основавшего в 1899 году «домашнюю школу» – исправительное учреждение для несовершеннолетних правонаруши-

телей [10, с. 6]. Он же заложил основы коррекционного образования в Японии. Также стоит отметить французского католического священника отца де Рода, который учредил первый в Японии детский сад Дэдзу [8, с. 75].

Несмотря на то что христианская миссия в период Мейдзи не предоставила японцам альтернативной системы ценностей и ориентаций, она всё равно дала определенные плоды, так как решала социально значимые проблемы японского общества того времени. Но социальная работа за редким исключением не включала в себя самобытную японскую религиозность, где следование той или иной религии является данью традиции и идеологии, а не только внутренней духовной потребностью. Даже при этом стоит отметить, что она решала проблемы иного внешнего характера: женского образования, медицины и т. д.

В эпоху Тайсё мы можем отметить такую стратегию, как *национальная кооперативная евангелизация*. С 1915 по 1917 г. была проведена мобилизация всех японских конфессий, она была спланирована Дж. Р. Моттом. Движение формировалось на основе идеи межконфессионального миссионерства, которое объединяло все деноминации. Помимо лекций для широкой публики, евангелизационных лекций и совместных молитвенных собраний, в разных местах проводились женские, студенческие, педагогические собрания и т. д. Активно проводилась газетная евангелизация, через которую продвигалось мнение священнослужителей, иных христианских деятелей и религиозных трактатов. По итогу число церквей увеличилось с 586 в 1910 году до 1056 в 1915 году и до 1505 в 1920-м, а количество верующих также ежегодно росло более чем на

40 000 человек [5, с. 61]. Кроме того, нельзя обойти стороной практику японского миссионера Тоёхико Кагавы, который считается одной из центральных фигур в христианстве эпохи Тайсё. Он приложил руку ко множеству проектов и кампаний по евангелизации и борьбе с бедностью населения, в частности к Армии спасения, Христианской промышленной молодежной ассоциации Хондзё и Крестьянской евангельской школы [6].

Современная методика продолжает политику эпохи Мейдзи и Тайсё, однако не достигает успехов. Она продолжает расширять поле социального служения, но сама евангелизация населения проходит безуспешно. Знакомства или встречи японского общества с христианской традицией так и не происходит. На наш взгляд, политика миссионерского движения сегодня должна строить свою модель, основываясь на том, как это делают местные религиозные организации: адаптироваться к интересам молодого населения.

Если обратиться к современной религиозной ситуации в Японии, то мы можем видеть, что японская религиозность проходит на грани профанного и сакрального, они смешиваются между собой, и таким образом утрачивается привычное для нас понимание религиозного человека. Данную религиозность мы называем инорелигиозностью, и она характеризуется тем, что переиначивает традиционные категории мифа и ритуала. Если понимать функцию мифа как передатчика истории, сути ритуала и базовых религиозных принципов, то постепенно эту нишу транслятора религиозности занимает медиа-культура, а именно *манга* и *аниме*. В российской науке их религиозный аспект остается малоизученным, но среди японских исследований картина меняется. *Аниме* сегодня можно считать современ-

ным мифом, который популяризирует религию, побуждает японцев посещать храмы и иные культовые сооружения. Ярким примером этого является храм Васинмия в префектуре Сайтама, он фигурировал в сюжете *манги* и *аниме* «Лаки Стар» и вызвал интерес у поклонников произведения, которые начали посещать его в рамках «паломничества по святым местам» [3, с. 140]. Еще один храм, ставший знаменитым благодаря персонажам *моэ*, – храм Рёхо-дзи. В нём почитается Бензайтен (Сарасвати), и главный священник превратил его в *моэ*-персонажа, так как хотел, чтобы больше людей заинтересовалось храмом. Это привело к тому, что он стал местом паломничества «*отаку*». Местные религиозные организации подхватили интерес у верующих и начали продавать в своих магазинах религиозные атрибуты, такие как таблички «эму» с изображением персонажей *аниме*. Таким образом, синтоистские святые остаются популярными и близкими японцам, что позволяет сохранить исконные традиции, передающиеся из поколения в поколение, новыми способами и методами.

Если христианская церковь возьмёт на вооружение эти методы, то таким образом сможет познакомить японское общество с собой, что значительно увеличит его доверие к конфессии и знание о ней.

Второй путь трансформации миссионерства – это индигенизация. Под индигенизацией понимается процесс сращивания/синкретизации инородной религиозной системы с традиционной для определенной местности религией. Религиовед Киёко Такеда разработала типологию рецепции христианства в Японии, в которую включила индигенизацию [2, с. 5]. Она отмечает, что, судя по истории развития церкви в регионе,

данный тип показывает себя наиболее эффективно. Киёко Такеда по-новому рассматривает то, как христианство влияет на особенности закрытой японской культуры, как оно трансформируется из индивидуальной культуры в универсальную систему ценностей. Автор утверждает, что в религиозном климате Японии христианство, привнесенное Западом, вышло за ортодоксальные рамки, заданные его церковными структурами и теологическими теориями. На первый взгляд, феномен может быть характеризован как вероотступничество, однако на деле представляет собой особый тип взаимоотношений и понимания двух религиозных структур.

В вопросе индигенизации мы можем обратиться к истории православия в Японии. Ещё в период миссионерства Николая Касаткина (Японского) церковь уважительно отнеслась к переживаниям верующих по поводу своих усопших предков. Из-за этого в то время среди японцев ходило мнение о православной церкви как о церкви «щедрой» для мертвых, которая делает особый акцент на молитвах живых во имя ушедших. Аспект почитания мертвых подчеркнул и преподобный Сергей в своей речи на Богородичном 11-м соборе в 1914 году, где заявил о важности обрядов погребения и о том, что их необходимо проводить [1, с. 86]. Будущий митрополит даже установил сроки данных мероприятий: в осенние и весенние периоды. Должно быть, Сергей задал такие рамки специально, так как знал, что в Японии существуют осенние и весенние императорские праздники рэй (духов предков), которые изначально были днями поминовения предков. Эта идея полностью развилась после 80-х годов XX в., когда в массовый оборот была введена «месячная панихида» [Там же, с. 88]. На

«месячной панихиде» проводится обряд как за православных верующих, так и за их родственников, которые не были приверженцами христианства в принципе. Есть и другая особенность данного вида панихиды, она заключается в том, что имена давно почивших не произносятся во время молитвы, что соотносится с практикой синто, где давно умершие восходят в ранг *ками* и обезличиваются. Такой подход позволил японцам исправно исполнять культ предков, оставаясь при этом в церкви.

Есть и другие формы подобной индигенизации, некоторые более радикальны, такие как феномен «тайных христиан», который по типологии Киёко Такеды скорее относится к «отступничеству»; другие же представляют собой умеренный вариант – «дзен-католицизм» Гюго Лассалья. Для примера можно привести исламский опыт в Японии, а именно концепцию «ислам махаяны», которая упрощала форму ислама в пользу его духа [9]. Методика упрощения формы не является полностью безуспешной, хотя для распространения ислама она была отвергнута. Популярность курорта Каруидзавы, который мы упоминали в самом начале, в том числе заслуга того, что церкви проводят обряд

венчания даже среди неверующих японцев. При контакте с неверующими в своей деятельности церкви налаживают межкультурный диалог и удовлетворяют общественные потребности, что способствует расширению их религиозного имиджа.

В заключение можно сказать, что христианство в Японии остается незначительным и загадочным для японцев и продолжает ассоциироваться с «западной» традицией, несмотря на долгую историю в стране. Малый процент количества христиан в Японии связан с неудачной миссионерской политикой, которая не включает в себя культурный японский пласт и не следует духу общества. Если трансформировать миссионерскую деятельность в Японии под нужды и интересы современности: активно использовать медиа-коммуникацию и частично индигенизировать христианство под местную культуру, то это увеличит заинтересованность населения в ознакомлении с христианством. Этой деятельностью должны заниматься непосредственно сами христианские организации в Японии, она требует системного подхода и не входит в зону влияния государственных властей.

Библиографические ссылки

1. Ай Сасаки. Принятие и текущее положение Японской православной церкви в Японии по материалам ежемесячника «Панихида» // Религиоведение Тохоку. Тохоку, 2017. С. 81 – 108. (佐崎愛.月例パニヒダから見る 日本ハリストス正教会の受容と現状 /東北宗教学. 東北, 2017. 頁. 81 – 108.)

2. Киёко Такеда. Коренное население и отступничество: традиционный этос и протестантизм. Токио : Син Кё Шуппанша, 1967. 360 с. (武田清子. 背教者の系譜—日本人とキリスト教. 東京: 新教出版社, 1967. 360 頁.)

3. Комура Акико. Аниме и религия: рассмотрение отношения японцев к религии // Журнал прикладной социологии. 2022. № 64. С. 137 – 146. (小村 明子. アニメと宗教：日本人の宗教に対する姿勢を考える / 応用社会学研究. 2022. № 64. Pp. 137 – 146.)

4. Курокава Томофуми. Историческое исследование христианской миссии в Японии I // Научный отчет Университета образования Айти, 51 (гуманитарные и социальные науки), 2002. С. 55 – 63. (黒川知文. 日本におけるキリスト教宣教の歴史的考察I / 愛知教育大学研究報告, 51 (人文・社会科学編), 2002. P. 55 – 63.)

5. Курокава Томофуми. Историческое исследование христианской миссии в Японии III // Научный отчет Университета образования Айти, 51 (гуманитарные и социальные науки). 2002. С. 55 – 63. (黒川知文. 日本におけるキリスト教宣教の歴史的考察 III / 愛知教育大学研究報告, 51 (人文・社会科学編). 2002. P. 55 – 63.)

6. Ли Сун Хё. Исследование влияния практики и идей Тоёхико Кагавы в области социального обеспечения на Корею. Киото : Минерва Шобо. 2017. 240 с. [李 善惠. 賀川豊彦の社会福祉実践・思想が 韓国に及ぼした影響に関する研究. 京都: ミネルヴァ書房. 2017. P. 240 頁.]

7. Религиозный ежегодник / под ред. Агентства по делам культуры [Электронный ресурс]. URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/shukyo_nenkan/pdf/r03nenkan.pdf (дата обращения: 26.03.2024). (宗教年鑑/文化庁編)

8. Сато Кайсинобу, Сугавара Ёсико, Ириэ Сико. Христианство и образовательные проекты в эпоху Мэйдзи: на примере католицизма // Бюллетень НИИ региональных исследований. Т. 10. № 1. 2012. С. 75 – 82. (佐藤快信, 菅原子, 入江詩子. 明治期のキリスト教と教育事業カトリックを事例に / 地域総研紀要. 10 巻. 1 号. 2012. P. 75 – 82).

9. Фаряхутдинов А. И. Проблема синтеза исламской и японской культуры в Японии : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Религия и наука: трансформация религиозности в модернизирующемся обществе (сакральные тексты и их интерпретация)» / под ред. Ю. Г. Матушанской, Ю. Г. Тулянской. Казань : Школа, 2023. С. 85 – 94.

10. Ямадзаки Коджи. Значимость христианства в современной Японии: Перспектива веры и практики работников сферы образования // Университет Сэйсэн Дзёгакуин. 2023. С. 2 – 15. (山崎晃史. 現代日本におけるキリスト教の意義教育福祉実践家の信仰と実践を手がかりとして / 清泉女学院大学. 2023. P. 2 – 15.)

MISSIONARY ACTIVITIES TRANSFORMATION OF THE CHRISTIAN ORGANIZATIONS IN JAPAN AS A PATH TO INTERRELIGIOUS DIALOGUE

The article is devoted to the problem of efficiency of modern missionary activity of Christian organisations in Japan. To solve this problem, the paper proposes to turn to the history of Christian churches in order to form a successful model of evangelism and, as a consequence, the establishment of interreligious and intercultural dialogue. Two options are proposed as ways to transform Christian missionary activity: adaptation to the modern religiosity of the Japanese and soft indigenisation of Christianity into Japanese culture.

Keywords: Japan, Christianity, missionary activity, social ministry, indigenisation.

УДК 340.1

Е. А. Плеханов

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВОВОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

В статье анализируются место и роль понятия справедливости в философско-правовой теории Канта. Показано, что категория справедливости дедуцируется Кантом из идеи практического разума и составляет основу договорных отношений между индивидами как свободными и разумными существами. Совпадая по содержанию с понятием права, справедливость выступает важным регулятивным принципом, позволяющим оценивать правовой характер юридических установлений в сфере личного и публичного права.

Ключевые слова: философия права, практический разум, свобода, право, справедливость, гражданское состояние, закон.

Тесная связь, существующая между правом и справедливостью, не вызывает сомнений. Что же касается справедливости права, то эта проблема и сегодня оживленно дискутируется среди философов и юристов. В связи с этим представляет интерес кантовское обоснование правовой справедливости, предпринятое с позиций философского трансцендентализма.

Трансцендентальное обоснование права

Трансцендентальной Кант называет философию, которая занимается познанием не отдельных и конкретных вещей и явлений, а условий самого познания,

осуществляемого такими нашими познавательными способностями, как рассудок и разум. «Трансцендентальный принцип – это принцип, через который *a priori* представляется всеобщее условие, единственно при котором вещи только и могут стать объектами нашего познания вообще» [6, с. 180]. Получаемое знание претендует на всеобщность и необходимость, что является признаками его научности. Однако очень важно обосновать достоверность такого знания. Поэтому основную задачу трансцендентального метода познания Кант видит в том, чтобы ответить на вопрос,

как возможна наука в форме теоретического знания и ее отдельные области – математика, естествознание, метафизика как научное знание о мире – как целом.

Особым оказывается вопрос: возможно ли научно-теоретическое знание об обществе, ведь общество – это совокупность отношений между людьми (экономических, правовых, нравственных и др.), которые, в отличие от природной реальности, создаются самими людьми как разумными и свободными существами? Общественная жизнь представляет собой бесчисленное многообразие контактов между конкретными людьми, обусловленных столь же многообразными интересами, потребностями, склонностями, желаниями и т. д. Они составляют сферу субъективных оценок, которыми в повседневной жизни руководствуются люди. Поэтому социальное познание не может исходить из идеальных мотивов социальных взаимодействий. Это в полной мере относится и к области права.

Если учесть, что правовые отношения в реальном обществе не представляют собой стихию взаимодействий между отдельными лицами, а регулируются установленными властью юридическими законами, то не может ли теория права быть описанием этих законов и взаимосвязей между ними? На этот вопрос Кант отвечал отрицательно, указывая на многообразие законодательных систем в разных странах, что также свидетельствует о субъективном характере правовых норм, но не на уровне межличностных отношений (частного права), а на уровне отношений социальных (гражданского права). Самое важное состоит в том, что предметом познания в философии права, по Канту, должна быть не правовая *реальность*, а реальность *права*, т. е. то, что с полным осно-

ванием может называться собственно правом («чистым правом»).

В этом смысл кантовского разграничения права и закона. Объективное право (право в его внешнем выражении) всегда предстает в форме юридического закона, но не всякий юридический закон является правовым, т. е. законом, содержание которого выражает суть права. Отделить «правоподобные» законы от правовых, на основе которых могла бы быть создана правовая система, обеспечивающая правопорядок в сфере личных и социальных отношений между людьми, можно только обосновав право как понятие, выходящее за границы наличного и возможного опыта, т. е. понятие, априорно полагаемое нашим разумом.

Мир трансцендентальных идей, по Канту, образуют всеобщие и необходимые понятия (категории), полагаемые непосредственно «чистым разумом» [8, с. 459 – 463]. В сфере эмпирического опыта нет ни одного предмета, соответствующего такой идее, поэтому идеи имеют внеопытный (априорный) характер. Это не означает, что они являются совершенно произвольными и беспочвенными фикциями. Во-первых, хотя из достоверности следствия (консеквента) импликации не вытекает достоверность ее основания (антецедента), тем не менее трансцендентальная идея как гипотетическое основоположение в качестве аподиктически достоверного уже включает в себе возможность собственного предположения [7, с. 44 – 55]. В отношении интересующей нас темы это означает, что если в обществе существуют юридические законы, то у нас есть основание предположить, что хотя бы один из них является (или мог бы являться) правовым, т. е. отвечающим идее чистого права.

Во-вторых, система непротиворечивых логических следствий, дедуктивно

вытекающих из полагаемых разумом основоположений, является способом, достаточным для самообоснования трансцендентальных идей, в противоположность идеям трансцендентным, таким как идея бога и бессмертия души. В «Критике чистого разума» Кант развивает «идею науки о чистом, происходящем из рассудка и разума знании, посредством которого предметы мыслятся вполне a priori. Такая наука, определяющая происхождение, объем и объективное значение подобных знаний, должна называться *трансцендентальной логикой*» [2, с. 158 – 159]. Первый раздел трансцендентальной логики – трансцендентальная аналитика – описывает структуры чистого рассудочного знания, его принципы и способы применения к предметам опыта и поэтому является «логикой истины» в специфически кантовском ее понимании. Второй раздел, называемый трансцендентальной диалектикой, есть «критика рассудка и разума в сверхфизическом применении, имеющая целью вскрыть ложный блеск его беспочвенных притязаний» [Там же, с. 163]. Таким образом, Кант, по существу, стремится дать логическое обоснование априорных идей разума.

В-третьих, поскольку оба вышеприведенных аргумента в пользу обоснованности априорных идей разума не являются достаточными, Кант вынужден допустить их гипотетический характер. Справедливо воздерживаясь от утверждения достоверности чистых идей разума в силу их априорности, он тем не менее считает возможным признать, что они обладают онтологическим статусом, образуя особую умопостигаемую реальность, познание которой может осуществляться так, как если бы идеи и понятия чистого разума существовали сами по себе. Это позволяет, с одной сто-

роны, рассматривать основоположения чистого разума условиями возможности вытекающих из них следствий, совокупность которых представляет собой законы и понятия нашего рассудка. С другой стороны, мир интеллигибельных постулатов и идей, которым в сфере возможного опыта не может соответствовать никакой предмет, выступает миром сущностей (ноуменов), познаваемых нашим мышлением (теоретическим разумом).

Постижение теоретическим разумом содержания априорных идей – задача трансцендентальной рефлексии [1, с. 7 – 14]. Однако, обращаясь к их познанию, разум должен отдавать отчет в том, что в форме априорных идей он осуществляет познание самого себя, ведь умопостигаемые сущности не могут быть ничем иным как результатом предметно полагающей (конститутивной) работы самого разума. Поскольку конститутивно полученные формы предметности могут быть соотносимы только с эмпирическим содержанием возможного опыта, то в сфере чистого мышления они образуют содержание спекулятивной философии, которая склонна либо гипостазировать категории чистого разума, превращая их в онтологические сущности (ноумены), либо придавать фикциям видимость априорно полагаемых идей, что ведет к заблуждениям и неразрешимым противоречиям (антиномиям). В целом отрицательно относясь к конститутивному методу, Кант склоняется к тому, чтобы рассматривать идеи чистого разума в качестве регулятивных принципов, которые реализуются не со стороны своего положительного и предметного содержания (материи), а в качестве постулатов, содержащих в себе правила последовательного развертывания в систему всеобщих, формально-логических определений.

Как основоположения трансцендентальной философии конститутивный и регулятивный принципы применяются Кантом и к области теоретического естественно-научного познания (теоретического разума), и к познанию сферы морали и права (практического разума). Однако если теоретический разум направляет движение нашего познания *от предмета к знанию о нём*, то регулятивная функция практического разума состоит в том, чтобы обеспечить переход мышления *от знания о предмете к самому предмету*. Логика познавательного действия практической рациональности следующая: а) при первом приближении предмет познания предстаёт для нас чем-то непонятным и неясным, т. е. он представляет «проблему»; б) предварительным условием решения которой является уяснение того, что же непонятно в предмете; в) но чтобы отдать себе отчет в этом, нам необходимо определить те возможности и условия, исходя из которых познаваемый предмет выступает как нечто необходимое, обусловленное и закономерное. Таким образом, задачей практического разума становится обоснование совокупности априорных предпосылок, регулирующих целеполагающую деятельность разумной воли.

Идея практического разума имплицитно включает в себе принцип телеологизма, поскольку свободная воля есть не что иное, как способность полагания разумной цели в форме либо умопостигаемого предмета, либо эмпирического акта (поступка). В соответствии с этим Кант рассматривает «практический разум одновременно и как способность практического самоопределения, т. е. разумного *определения свободной причинности к действию*, и как практическую способность суждения, т. е. спо-

собность *определения предмета практического познания*. Практический разум в первом аспекте есть способность деятельного определения воли как причинности субъекта к действию; практический разум во втором аспекте есть лишь способность разумного определения представления или понятия о воле..., *способность суждения о морально-практических вопросах*» [9, с. 10 – 11].

Вышесказанное позволяет лучше понять своеобразие кантовского понимания права. Во-первых, понятие права наряду с другими категориями и понятиями практического разума образуют особый интеллигибельный мир, подчиняющийся законам разумной целесообразности. Во-вторых, в отношении права практическая способность суждения и оценки состоит в том, чтобы составить трансцендентальное представление о праве, как если бы (*als ob*) в идеальном мире право существовало само по себе, как чистая идея права. В-третьих, как и мораль, право является понятием чистого рассудка, производным от идеи свободы, фундированной во всеобщем практическом законе. Поэтому трансцендентальное содержание понятия права черпается не из правового опыта, а дедуцируется Кантом из постулатов разумной воли.

Как и все «чистые производные понятия» (предикабилии) практического разума, трансцендентальное понятие права, являющееся синтетическим единством своих определений, это отдельный «субмир» в общем интеллигибельном пространстве практического разума. Следовательно, предмет кантовской метафизики права – это умопостигаемый «мир права», как если бы он мог быть дан нашему мышлению в качестве идеальной реальности, конституированной на основе всеобщих законов разума.

Справедливость как практический императив

Что касается справедливости (*aequitas*) как понятия чистого рассудка, то в мире идеального права ей не находится места, поскольку она «допускает право без принуждения» [5, с. 143]. Справедливость в качестве предикативной части суждения права исключает любое право, опирающееся на несправедливость. Другими словами, материей (содержанием) понятия чистого права является справедливость, и всякий закон, не опирающийся на это суждение оценки, по существу, не является правовым. Поэтому объективно трансцендентальное понятие права есть воплощение идеи справедливости, хотя субъективно справедливыми (правовыми) могут признаваться неправовые действия, соглашения и законы, легитимированные обычаем, традицией, привычками, установлениями власти.

Справедливость делает излишним принуждение, поскольку следование ей предполагает добровольное решение в виде совершенно свободного акта волеизъявления. Принуждение несовместимо со справедливостью, но является необходимым, хотя и недостаточным условием права. Поэтому с формальной стороны право раскрывается через принуждение, тогда как содержание (материю) его составляет понятие справедливости. Это ставит вопрос о гносеологическом статусе категории справедливости в отношении чистого права.

Практический разум, имея предметом самого себя и собственные максимы, может определять себя как способность свободной причинности к действию через свою же способность суждения (теоретическую рефлексию) и оценки (аксиологическая рефлексия). В области практического разума аксиологическая рефлексия опирается на соот-

ветствие (или несоответствие) практической рациональности собственным законам (императивам) и правилам (максимам). Отсюда вытекает принцип справедливости как трансцендентальное основоположение доброй воли, распространяемое и на область моральных поступков, и на правовые акты, и требующее должного согласования между действием и его результатом.

Как ценностно-практическое понятие справедливость является «чистым производным понятием». По Канту, предметы, используемые в качестве средств достижения субъективных целей, равно как достигнутый результат, важный для нас, являются лишь относительной ценностью, ценностью *для нас*. *Абсолютной ценностью* обладают «объективные цели, т. е. предметы, существование которых само по себе есть цель, и эта цель не может быть заменена никакой другой целью, для которой они должны были бы служить только средством» [3, с. 269]. Поскольку только «человек и вообще всякое разумное существо *существует* как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли», то высшей ценностью являются сами разумные существа, называемые *лицами*, «так как их природа уже выделяет их как цели сами по себе» [Там же]. На этом основан высший практический принцип по отношению к человеческой воле (практический императив), гласящий: «*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [Там же, с. 270].

Принцип справедливости непосредственно дедуцируется из практического императива, поскольку он имплицитно

заключает в себе категорическое требование равных отношений между лицами как разумными и свободными существами. Справедливость есть требование свободной и доброй воли, состоящее в том, что: *если хочешь, чтобы другие относились к тебе справедливо, так же справедливо должен относиться к ним и ты*. Являясь прескриптивным (предписывающим) суждением практического разума, она выполняет по отношению к опыту роль по преимуществу регулятивного принципа.

В заключении ко второй части «Метафизики нравов» Кант показывает, что справедливость, понятая в значении конструктивного принципа, приводит к постановке вопроса об отношениях между существами, одно из которых имеет только права и никаких обязанностей (бог), а другие по отношению к этому существу имеют только обязанности и никаких прав. В этом случае для практического разума справедливость – суть пустой принцип, поскольку ни вознаграждающая, ни карающая ее формы не имеют смысла.

Люди не имеют оснований надеяться на награду со стороны высшего существа, поскольку обладают лишь обязанностями по отношению к нему. Другими словами, на высшее воздаяние (личное бессмертие) мы вправе рассчитывать не за добросовестное исполнение обязанностей перед богом, а за любовь к нему, ибо он «сотворил разумные существа как бы из потребности иметь что-то вне себя, что он мог бы любить и быть любимым» [5, с. 434].

Если «вознаграждающая справедливость (*ius iustitia bradeutica*) в отношении бога к людям есть противоречие», то понятие карающей справедливости как наказания за «ущерб, который можно причинить неограниченному и недося-

гаемому владыке мира» [Там же], является *трансцендентным*, т. е. таким, которое опирается на запредельные для практического разума принципы. Гипостазирование карающей справедливости в виде «вечной справедливости», которую греки олицетворяли с богиней Дике, а египтяне – с Маат, обнажает противоречие, состоящее не только в том, что право наказания высшее божество получает от низшего, но и в превращении справедливости из регулятивного принципа в целевой, выражаемый формулой «Да свершится *справедливость*, даже если *мир погибнет*» (*Fiat iustitia, et pereat mundus*).

Предметом «философии внутреннего законодательства», по Канту, могут быть только отношения «человека к человеку» согласно априорным регулятивным принципам практического разума, одним из которых является справедливость. В качестве *способности самоопределения* разумной воли справедливость представляет собой практическое правило, следующее из общего закона (императива) свободы и являющееся чистой максимой практического рассудка, которой в сфере эмпирических отношений между людьми соответствуют моральные поступки и правовые действия. Что касается регулятивного значения справедливости как *способности практического суждения*, то оно находит свое выражение в трансцендентальной рефлексии самого практического разума относительно тех чистых понятий, суждений и умозаключений нашего рассудка, синтетическое единство которых составляет содержание метафизической теории нравственности.

Правовая справедливость

Метафизика нравов, представляющая собой трансцендентальное знание о законах практического разума как осно-

ваниях наших поступков, подразделяется на метафизическое учение о праве и о морали (о добродетелях). В каждом поступке, который мы совершаем с сознанием его необходимости, присутствуют два элемента: а) объективное требование, которое как закон предписывает нам действие, и б) мотив как связующее звено между представлением о норме долженствования и осознанным желанием совершения поступка. Отсюда «то законодательство, которое делает поступок долгом, а этот долг также мотивом, есть *этическое* законодательство; то законодательство, которое не включает это [условие] в закон и, стало быть, допускает и иной мотив, а не самоё идею долга, есть *юридическое* законодательство» [5, с. 126]. В зависимости от того, какая сторона поступка является определяющей, он может быть легальным или моральным. Легальность действия – это его соответствие требованиям объективного закона, безотносительное к мотиву, если только таким мотивом не является долг. Если же внешнее соответствие закону сочетается с долгом как внутренним мотивом поступка, то это характеризует его моральность.

В данном случае нас интересует вопрос об обязанностях, позволяющий прояснить соотношение между долгом и справедливостью. Совершенно очевидно, что в случае, например, заключения договора между лицами его выполнение обуславливается взаимным признанием справедливости его условий, т. е. равной выгоды для обеих сторон. Выполнение соглашения здесь является правовым действием. Если же лицо, движимое чувством долга, заключает с другим договор на условиях невыгодных для себя, но выгодных для другой стороны, то добровольное выполнение обязательств по этому соглашению нужно квалифи-

цировать как моральный поступок. С точки зрения этической оценки в первом случае имеет место эгоистически мотивированное действие, а во втором – альтруистичное. Что касается правовой оценки, то первая ситуация является правовой – здесь не важен характер внутренней мотивации сторон, заключающих договор, поскольку стороны следуют принципу справедливости, т. е. признанию взаимной приемлемости условий соглашения. Требование выполнения обязательств, которые хотя бы одна из сторон признает несправедливыми, делает это требование заведомо неправовым. Во втором примере критерий справедливости, по крайней мере, правовой справедливости, является неважным. Определяющим выступает внутреннее законодательство, предписывающее следование долгу как внутреннему мотиву поступка. «Таким образом, учение о праве и учение о добродетели отличаются друг от друга <...> характером законодательства, связывающего с законом различные мотивы.

Этическое законодательство (обязанности могут быть во всяком случае и внешними) – это такое законодательство, которое не может быть *внешним*; юридическое же может быть и *внешним*» [Там же, с. 128].

Область права, а следовательно, и правовой справедливости, очерчивается Кантом тремя условиями: 1) право касается только тех отношений между лицами, которые определяются внешним законодательством; 2) эти отношения имеют характер «отношений к произволу другого [лица]», являются отношениями, свободно определяемыми людьми как разумными существами; 3) эти отношения рассматриваются правом не со стороны их «материи» (содержания, обусловленного целью), а исключитель-

но со стороны формы, как отношения, в которых свобода одного совместима со свободой другого, сообразной со всеобщим законом. «Право, – резюмирует Кант, – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [5, с. 139]. По сути дела, правовое действие, коль скоро оно совершается осознанно, подчиняется императиву практического разума с тем лишь отличием, что это действие должно быть легальными, т. е. соответствующим требованию общего закона воли внешним образом. Всеобщий правовой закон «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [5, с. 140], касается только внешней стороны действий и не должен становиться внутренним мотивом поведения, поскольку максима внешнего соответствия моральному поступку есть правило лицемерия, а не добродетели.

Принцип справедливости, заключающийся в правовом законе, предполагает правомочие не только свободы произвола (осознанного действия), но и принуждения, состоящего в ограничении этой свободы. Если свобода одного лица становится препятствием для свободы другого лица, то препятствие этому препятствованию (неправомерной свободе) является «правомочным», т. е. допускается принципом справедливости. Иными словами, в отношениях между свободными лицами справедливым является осознанное ограничение каждым из них своей свободы. Мера этого самоограничения также устанавливается понятием справедливости, но поскольку право имеет своим объектом лишь внешнюю сторону поступков, то их

внутренний мотив не должен приниматься во внимание. Поэтому о понятии строгого права можно получить представление не путем его определения через более общее понятие, а лишь сконструировав его на основе подобия с созерцанием чистого рассудка. Аналогично тому, как в математике свободное движение тел подчиняется закону *равенства действия и противодействия*, так и в чистом праве принцип справедливости заключается в равной мере свободы и принуждения, определенной для каждого «с математической точностью» [Там же, с. 142].

Принцип справедливости составляет у Канта внутреннее основание трех вытекающих из юридического законодательства обязанностей: а) «*Будь человеком, действующим по праву (honeste vive)*» – обязанность честности, обеспечивающая добросовестное и неизменное соблюдение требования правового равенства; б) «*Не поступай с кем-либо не по праву (neminem laede)*» – обязанность постоянно находиться в правовых отношениях с другими, руководствоваться в этих отношениях понятием справедливости; в) «*Займи такое положение, в котором каждому может быть гарантировано свое в отношении любого другого (lex iustitiae)*» – обязанность уважать права других на основании признания их равенства с собственными правами.

Деление понятия «право» у Канта осуществляется по трем основаниям:

1) *естественное* право, опирающееся на априорные принципы, и *положительное* (статутарное) – вытекающее из воли законодателя;

2) *прирожденное* – принадлежащее каждому от природы и *приобретенное* – устанавливаемое правовым актом;

3) *внутреннее*, к которому относится прирожденное *моё* и *твоё*, и *внешнее*, в качестве которого выступает приобретенное право [Там же, с. 147].

Единственным прирожденным правом а priori является свобода, присущая каждому человеку как представителю человеческого рода и обуславливающая прирожденное *равенство*, состоящее в том, что, вступая в правовые отношения, лица могут обязывать друг друга только в равной степени, что отвечает требованию справедливости. «Право есть ограничение свободы каждого условием согласия ее со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону» [4, с. 78] Каждый, кто, располагая собственной свободой сообразно со всеобщим законом практическо-

го разума, становится *господином самого себя*, приобретает качества *безупречного* человека, для которого правовые обязанности одновременно становятся и возможностями поступать в соответствии с ними (правомочиями). Из всех возможных видов правовых отношений реальными являются только отношения между разумными существами, которые могут быть либо непосредственно личными, либо опосредованными, т. е. отношениями по поводу «вещей». В *естественном* состоянии общества и первые, и вторые составляют *частное* право, а в *гражданском* обществе, обеспечивающем законодательное (юридическое) гарантирование прав составляющих его лиц, право становится *публичным*.

Библиографические ссылки

1. Балановский В. В. Трансцендентальная рефлексия и идеал чистого разума в работах И. Канта // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 7 – 14.
2. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964. 799 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1965. С. 219 – 310.
4. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. С. 59 – 106.
5. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. С. 107 – 438.
6. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 6 т. Т. 5. М., Мысль. 1966. С. 161 – 530.
7. Катречко С. Л. Трансцендентальная аргументация Канта и гипотетико-дедуктивная модель научного исследования Поппера-Гемпеля // РАЦИО. ru. № 14. С. 44 – 55.
8. Семёнов В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии. М. : РОССПЭН, 2021. 687 с.
9. Судаков А. К. Категории практического разума в философии Канта // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 2 (42) (июль) С. 5 – 24.

**THE TRANSCENDENTAL JUSTIFICATION OF LEGAL JUSTICE
IN KANT'S PHILOSOPHY**

The article analyzes the place and role of the justice concept in Kant's philosophical and legal theory. It is shown that the category of justice is deduced by Kant from the idea of practical reason and forms the basis of contractual relations between individuals as free and rational beings. Coinciding in content with the concept of law, justice is an important regulatory principle that allows us to assess the legal nature of legal institutions in the field of personal and public law.

Keywords: philosophy of law, practical reason, freedom, law, justice, civil status, law.

УДК: 2.1; 130.121; 303.01

А. С. Тимощук

**ВАРНА И АШРАМ КАК ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ**

Каждая традиционалистская организация желает подчеркнуть влияние своего этоса на управление, экономику, глобальные тренды. Индийские контрагенты интерпретируют свои локальные учения и практики в качестве инструмента поддержания стратегической устойчивости. Национальное индуистское правительство Н. Модии стремится представить и внедрить различные аспекты индийского менеджмента в такие системы знания, как маркетинг, HR, информационные системы, космонавтика. Учёные-индуисты всесторонне изыскивают влияние индийской культуры или индийский способ стратегического планирования, целеполагания, достижения эффективности; рассматривается также смягчающий эффект индийской традиции в разных географических регионах страны. Вместе с тем многие ожидания строятся на прогнозах роста индийской демографии и экономики, которые предвосхищаются как самодостаточные основания усиления индийского культурного контекста.

Ключевые слова: дхарма, самсара, карма, каста, индуистское протоправо, ведийская концептосфера, индийское мышление, ведическая эйдетика, ведическая идеация, ведийская идеология.

Уже становится ясно, что глава, имевшая западное начало, в управлении бизнесом будет иметь индийское окончание

Введение

В качестве эпиграфа выбрано высказывание, приписываемое А. Тойнби. Оно кочует в популярных индийских тренингах, национальной литературе

личностного роста и не требует подтверждения, ибо выражает имплицитные ожидания индуистов в широком смысле, т. е. всех, кто обретает свою метафизическую опору в особом типе юго-

восточной духовности. Настолько ли очевидно высказывание А. Тойнби? Не является ли это просто удобным ситуативным утверждением? Для реальных и виртуальных индуистов, связывающих позитивные глобальные изменения с арийско-дравидийским мышлением, утверждения про быстрорастущее индийское экономическое чудо с лидерством в номинальном ВВП, фармацевтике, космосе, нефтехимии, финансах, IT представляются самоочевидными. Вопреки индуистским ожиданиям статья критически рассматривает представления о традиционной модели социальной стратификации, принятой в индуистском обществе, т. е. ориентированном на «хинду дхарму».

Индуизм (хинду дхарма) – комплекс синкретических верований, основанный на исторически сложившихся представлениях индоарийских и дравидийских народов к югу от Гималаев. Более древний пласт этих верований, уходящих вглубь веков до нашей эры, принято называть «ведийская религия», «арья дхарма», «ведическая культура».

Люди живут на Индийском субконтиненте более 250 000 лет. Индия – одна из немногих цивилизаций, которая получила такую эволюционную возможность вложить много человеко-часов в развитие идеации, генерацию духовных практик, кодирование социально-правовой системы, производство разнообразной литературы. Индийская социальная практика пришла к жесткой социальной иерархии, называемой кастовой системой, и дала ей соответствующее идеологическое обоснование. Кастовая система – это комплексный многовековой продукт древнеиндийского общества, образованный в результате перепроизводства людей на ограниченной фертильной территории, где они

вынуждены были выживать вместе. Возможность значительного класса брахманов заниматься неутилитарной деятельностью по созданию духовного знания, а также относительная внешняя защищённость со стороны Гималаев способствовали тому, что Индия стала колыбелью идеационного проектирования и богатого социально-религиозного воображения. Так, второй регион опережающего цивилизационного развития, в свою очередь обильный на религиозное творчество, Ближний Восток, находился на перекрёстке великих переселений и являлся ареной постоянной вражды. Не случайно авраамические религии – это религии страдания, эмпатии и избавления от мучений. Тот же буддизм, который начинается с идеи страданий, относится к ним вполне инструментально и прагматично – страдания имеют причину и могут быть остановлены самим человеком усилием сознания. Авраамические же религии, в особенности христианство, строят свою керигму на мистическом грехопадении и последующем иррациональном страдании человека, где теодицея – это лишь хлипкая конструкция.

Индийское мышление создало специфические установки для формирования протоправа, которые заключаются в концептах: рита, дхарма, карма, самсара, гуру, садхана, ягья, ахимса. Эти и другие категории выступали безусловными ценностными регуляторами индуистского протоправа.

Формационный подход К. Маркса и Ф. Энгельса, основанный на категориях «наёмный труд», «базис и надстройка», «производственные отношения», непросто применить к индийской кастовой системе, что вынужден был признать марксизм, выделив «азиатский способ производства» [27]. Особенности не-

европейской организации труда выступают высокая монополизация и централизация со стороны надстройки отдельных отраслей, общинная собственность, смешение рабовладения, феодализма и иных специфических форм производства, феномен «поголовного рабства» (дасью), религиозно-ритуальная смыслогенерация труда (джаджамани), синкретизм труда, мифа и религии, слияние государственного и храмового [21].

Марксизм является, пожалуй, самой мощной критической социальной теорией. В своём европоцентризме он презирал социальные возможности индийского общества, рассматривая всё с точки зрения классовой борьбы и перспективы радикальной социальной трансформации. Вместе с тем индийская община, как и многие виды традиционных обществ, организована не только вокруг экономических процессов, значительная часть обменов проходит на неутилитарной основе служения, дарения, жертвоприношения, аскезы, пожертвования, джаджамани и иных неэкономических видов взаимодействия.

Марксизм исполнил роль социального практика и претендовал на высший авторитет в толковании вопросов общественного развития, производства, распределения, хотя, конечно, сам не был свободен от фундаментальных ошибок, упрощений и предрассудков. Ограничивающими установками Маркса и Энгельса выступали в разное время европоцентризм, историцизм, логицизм, технократизм, прогрессивизм, универсализм, органицизм (системный изоморфизм, экстраполирование), радикальный гуманизм, обожествление человека, идеализация рации, романтизация пролетариата и революции, прометеизм, русофобия, пропагандизм и журнализм [9; 22; 23].

Каждое из этих узких мест марксизма выросло в особой интеллектуальной среде и было по-своему ценно и важно. Марксизм, как и дарвинизм, периодический закон, электромагнетизм и вся другая наука, стоял на плечах гигантов. Вместе с тем марксизм позволил себе в условиях реализации политических проектов объявить себя высшим этапом развития науки, став жертвой гегелевских амбиций и авторского самолюбования, вульгаризации общественных отношений; движение всего человечества к свободе превратилось в материалистическую религию и репрессивную практику. Одна из задач статьи – показать, что «библейская футуроархаика», «азиатское варварство», «кровавое болото панманголизма» – это естественные формы адаптации *homo sapiens* в различных ситуациях столкновения цивилизаций, а модернизм, критикующий архаику, переоценивает свои силы в создании устойчивых порядков.

При всём своём гуманитарном пафосе модернистские проекты новейшего времени представляют причудливое поппури самых разных дегуманизирующих и дискриминационных практик и идей. Колониализм, технократизм, капитализм, марксизм функционируют как западные методики ресурсного контроля. При этом они деконструировали восточную архаику, которая исходила из немодернистских представлений и показывала способ длительного сосуществования.

Это большой вопрос, существуют ли такие универсалии, которые помогли бы человечеству осуществить скачок из царства необходимости в царство свободы. Превращение модернистских практик в агрессивную псевдоинтеллектуальную религию, возможно, является самой большой угрозой новейшей истории.

Представления марксизма и колониализма об азиатской общине исходили из неизменного европоцентризма, чьи догмы не выдерживают испытания временем, демонстрируя недостатки таких утопических акцентуаций, как историзм и логицизм. При этом марксизм игнорировал значимость архаических, проторациональных связей и отношений. Коммунистическое учение вобрало в себя гиперрационализм английской политэкономии, европейский утопизм и абсолютистский идеализм Гегеля. Если индийская социальная система – это архаика, то марксизм воспринимается сегодня как радикальная социальная технократическая утопия. Иначе говоря, у кастового общества больше будущего, чем у модернистских трансформативных социальных практик, которые в силу социальной конструктивистской неомифологии получают инвестиции капитала, институтов и социальных практик.

Недостаток марксистского обобщения традиционной социокультурной системы Индии заключается в игнорировании множественности, переплетённости, запутанности, многовариантности индийского протоправа (дхармы); недооценке духовных факторов в формировании индийской цивилизации и Востока в целом; предвзятости в оценке природы того или иного государства, когда заведомо проходит разделение на свободный западный мир и примитивные, отсталые формы культуры.

В статье рассматривается социокультурный уровень функционирования регулятивов и скреп древнеиндийского общества, значительную работу по изучению которых выполнил исследователь Н. В. Маринчев [14; 15; 16; 17; 18].

Система варнашрама-дхармы – это умозрительная идеационно-идеологическая модель социального деления Древ-

ней Индии, которая коррелирует с реальным кастовым обществом примерно так же, как писаное право соответствует реальному действующему праву со своими сложившимися практиками и обычаями. Термин «идеация» в тексте используется в феноменологическом смысле эйдетики, созерцания сущности процессов.

Разрыв между теорией (варнашрама) и практикой (каста) заключается в том, что реальная социальная практика нарушает границы классификации и порождает множество смешений, что брахманы даже как-то пытаются осмыслить в Манавадхармашастре и что хорошо описывают современные исследователи [1; 6; 8; 11; 25].

Если варн выделяется четыре, то каст (джати) существует несколько тысяч. Термин «варна» означает «цвет» и, скорее всего, относится к формальному внешнему различению сословий. Согласно одной из гипотез индоариини, светлые номады-скотоводы, технологизировали символы могущества – колесницу и железо и, по-видимому, покорили автохтонные тёмные народы, закрепив это затем в протоправе и социальной иерархии.

Плотность населения Древней Индии, его высокая концентрация и дифференциация привели к ранней концептуализации социальной дискриминации, её апологетике и рационализации. Социальные императивы, перенесённые брахманами в религиозную концептосферу, и сформировали протоправо Древней Индии. Варнашрама, описанная в Бхагавад-гите (БГ), Бхагавата пуране (БП), Вишну пуране (ВП) и Махабхарате (МБ), Манава-дхармашастре = Манусмрити = Ману-самхити (МС), подразумевает постепенное возвышение сознания индивида через выполнение долга,

связанного с материальными качествами, в служении вышестоящим стратам и Всевышнему.

Основная часть

Далее обратимся к концепции варн и ашрамов в социальной системе Древней Индии; воссоздадим обобщенный портрет представителя отдельных страт и укладов жизни древнеиндийского общества, исходя из идеологических регулятивов, предписываемых священными текстами для каждой из них. Подобная реконструкция кажется бесперспективной, учитывая огромный эмпирический пласт литературы, посвящённой кастам. Вместе с тем подобная идеационная компонента также нужна, поскольку этот интенциональный слой по-прежнему является ориентиром для индуистов. «В этом смысле индуистский национализм противоречит постулату Хантингтона об упадке государственного национализма и государственной власти, равно как и пожухшим либеральным мифам о глобализации как могильщике национализма. Свою аналогию индуистский национализм находит, скорее, в иранском шиизме, русском православии или польском католицизме» [13].

Институт наставничества (брахманы). «В прошлые исторические эпохи интегративным фактором, содержащимся в идеологии государства, была акцентуруемая религиозная и этническая общность, которая, собственно, и породила единство ключевых ценностей и взглядов различных социальных слоев – знати и плебса, провинции и столицы, ту степень единомыслия, которая и превращала их в политическую общность» [26]. Роль такой общности в ведическом социуме играл класс брахманов.

Одно из значений слова «брахман» – священный звук, что указывает на главную функцию брахманов – передачу ве-

дического знания и ценностей. Варна, как было отмечено, определяется качествами личности, наличие которых позволяет выступать в определенной социальной роли. БГ (18.42) описывает следующие качества, которые проявляет в своей деятельности человек, являющийся брахманом: умиротворенность (шаммах), самообладание (дамах), аскетичность (тапах), чистота (шаучам), терпение (кшантих), честность (арджавам), знание (гьянам), мудрость (вигьянам) и религиозность (астикьям). Все перечисленные качества необходимы для формирования разума, способного познать добродетели и установить порядок в обществе. Признаками такого разума являются системная целостность, завершенность, наличие определенной упорядоченности мира. Разум, свободный от предрассудков, выступает неподкупным судьей, знающим истинную природу права, морали, религии, политики [5, с. 94].

Брахманы, являясь высшей стратой общества, играли роль духовных лидеров и наставников всего общества. К числу основных специализаций брахманов относились: 1) исполнение религиозных обрядов, священных жертвоприношений (ягья); 2) астрология (джйотиш); 3) ведическая медицина (аюрведа); 4) исследование законов. Кроме этого, брахманы являлись советниками при правителях и выполняли юридические функции (МС 1.88). Следует отметить, что изучение Вед, проведение жертвоприношений и раздача пожертвований являлись общими обязанностями для трех высших варн. К исключительно брахманической деятельности, которую запрещалось выполнять вайшьям и кшатриям, относились преподавание ведического знания, принятие пожертвований и проведение жертво-

приношений на благо других. Эти три вида деятельности были предназначены для поддержания существования брахмана. Они не являлись обязательными. Брахман по собственному желанию был вправе заменить их на сбор ненужного, выброшенного зерна (рита), подаяние (мрита), поддержание себя тем, что приходит без усилий с его стороны (амрита). В качестве исключения брахман мог выполнять обязанности кшатрия и вайшьи, но не шудры. При постоянном выполнении обязанностей в статусе кшатрия или вайшьи брахман начинал платить налоги.

Обычно в течение года до женитьбы брахманы давали обеты путешествовать, посещая святые места, продолжать образование у избранного гуру и делиться знаниями со всеми людьми. Таких брахманов называли снатаками. После этого брахманы женились и преподавали в школах, некоторые из них организовывали чараны (университеты), отличавшиеся от школ большим числом специализаций и направлений образования. Когда люди обращались за помощью к брахманам, то те, помогая в решении практических вопросов, также являлись носителями ценностей ведической (брахманической) культуры и учили не только словами (проповедью), но и личным примером, что производило сильный эффект на сознание людей. Таким образом, брахманы являлись активными трансляторами ведических ценностей.

Идеальный брахман отрешен от материальных наслаждений, олицетворенных в трех формах: канака (материальные богатства), камини (наслаждения чувств), пратиштха (чувство престижа, желание власти, последователей). Счастье брахмана проистекает от простой созерцательной жизни.

Веды указывают высшую цель для человека, а также путь ее достижения. Брахман – это не интеллектуал или «ритуалист», а человек, своим характером и жизнью воплощающий высшие ценности и идеалы. Его задача не только словами (прачар), но и всем личным примером (ачар) указывать на высшие са-кральные ценности.

В отношении социальной системы примечательно, что одной из обязанностей брахмана было изучение писаний, которые являлись также и источниками регулятивных норм. Ману описывает, что суд мог вершиться либо царем, который прислушивался к рекомендациям брахманов-советников, либо коллегией из четырех брахманов. Один из них назначался судьей, другие три составляли присяжных заседателей. Подобный состав суда назывался «судом четырехгодового Брахмы» (МС 8.9 – 11). Таким образом, специализированные брахманы были носителями профессионального и теоретического сознания, являлись гарантом идеационной устойчивости. Ведь общественное сознание не сможет развиваться в отсутствие личностей, ставящих духовные ценности и жизненные идеалы выше собственных потребностей. Присутствие таких личностей являлось основой общественного порядка. Благодаря брахманам формировалась древнеиндийская правовая мысль, характеризующаяся глубоким естественно-правовым подходом к обнаружению абсолютных идеалов права, которые утверждались в форме авторитетных высказываний мудрецов, ставших первыми прообразами современных научных семинаров и конференций.

Представитель брахманического сообщества должен обладать не только профессиональной квалификацией, но и необходимыми качествами (умиротворен-

ностью, самообладанием, аскетизмом, чистотой, терпением, честностью, знанием, мудростью и религиозностью). Это позволит такому человеку передавать не только информационное содержание источников регулятивных норм, но и их аксиологическое наполнение. Как следствие, подобный человек становится независимым от материальных условий, не имеет корыстных интересов, таким образом, становится недоступным для взяточничества, подкупа и других «рычагов», используемых для давления. Данный факт вызывает доверие в широких кругах общественности, что является важным критерием развития общественного сознания. В рамках отношений «гуру – ученик» особую социальную ценность имеет ученый-брахман, выполняющий функции воспитания своих учеников в духе неуклонного следования дхарме – кастовым нормам и ритуалу [12, с. 9]. Эти положения перекликаются с современными идеями российских философов-евразийцев, утверждающих, в частности, что «совершенное государство, к построению которого необходимо стремиться, является идеократическим государством, к власти в котором приходят только те люди, которые прошли своеобразный отбор, который называется “правлящим отбором”, что является гарантией от злоупотребления властью в корыстных интересах» [4, с. 36].

Военно-административный институт (кшатрии). Варна кшатриев формировала социальный институт армии, представители его были политической элитой (полководцы, воины, князья, дворяне), из числа которой выбирался или назначался по принципу преемственности царь. Бхагавад-гита указывает, что для кшатрия нет лучше занятия, чем сражаться за устои религии (БГ 2.31),

это является его главной обязанностью – охранять принципы дхармы и следить, чтобы им так же следовали подданные. Защищая свой народ, кшатрий имел право собирать налоги со своих подданных (МС 7.80).

Бхагавад-гита так характеризует лидерские качества кшатрия: «Героизм, сила, решимость, находчивость, отвага, щедрость и умение вести за собой – все это природные качества кшатриев, необходимые им для исполнения своего долга» (БГ 18.43). Кшатрии – прирожденные руководители, вожди общества, готовые жертвовать собой ради высших идеалов. Существовал особый кодекс чести кшатриев, которому они строго следовали, предписывающий правила проведения поединков. Артхашастра следующим образом описывает процесс обучения вышеупомянутому кодексу чести и иным предписаниям дхармы кшатрия: «Целомудрие пусть блюдетсЯ до 16 лет, после того – обряд дара коровы при обрезании волос и брак. У сочетавшегося браком пусть будет постоянное общение с учеными для роста истинного воспитания, ибо в таком общении корень истинного воспитания. Первую часть дня пусть обучается наукам, относящимся к слонам, коням, колесницам и оружию. Последнюю часть дня пусть посвящает слушанию итихасы... Остальную часть дня и ночи усвоит прежде не усвоенное и повторяет усвоенное» [3, с. 20 – 21].

Ману-самхити (7-я, 9-я главы) уделяет значительное внимание перечислению обязанностей царя (кшатрия), указывая следующие ключевые аспекты и сферы его деятельности: родословная и статус; наказание как социальный регулятор (происхождение наказания, квалификация того, кто имеет право применять наказание); обучение под руковод-

ством знающих брахманов; нравственное воспитание и честь; организация государственного управления (кабинет министров, священничество, проведение ритуальных церемоний, жертвоприношений, государственные доходы, оказание почтения брахманам, проявление чести в сражении, накопление, приумножение и раздача богатства, завоевание); четыре принципа политики (миротворство, подарки, ультиматумы, сила), охрана и защита, управление государством (сторожевая застава, деревенские старосты, сбор налогов, защита брахманов, проверка деятельности торгового сословия); высшая обязанность кшатрия – защита подданных; утренние обязанности; дневная деятельность (правительство, казначейство, крепость, армия); шесть составляющих политики (союз, война, поход, выжидание, разделение войска, поиски помощи); политическая мудрость, победа; семь составляющих царства (царь, министры, столица, государство, казна, армия, союзники); личное поведение царя, брак; взаимоотношения с брахманами; уход от дел.

К кшатриям предъявлялись этические требования, ограничивающие склонности публичного лица (охота, игра в кости, дневной сон, злословие, женщины, пьянство, музыка, праздные танцы и бесцельные путешествия). МС предупреждает, что жертву данных пороков покидает богатство (артха) и дхарма. МС предостерегает царя, что «от отсутствия смирения погибли многие цари вместе с достоинством; благодаря смирению даже отшельники наследовали царства» (МС 7.40), и приводит позитивные и негативные проявления данного принципа. Так, «в отсутствие смирения погибли царь Вену, царь Нахуша, Судас, сын Пиджаваны, Сумукха и Ними» (МС 7.41). С другой стороны, «бла-

годаря смирению Притху и Ману достигли царствования, Кувера – положения владыки богатств, а Вишвамित्रа – статуса брахмана» (МС 9.334).

Институт производства материальных благ (вайшьи). Ману-смрити перечисляет обязанности вайш (МС 9.334). К числу главных обязанностей вайшьи относится земледелие, защита коров и торговля (БГ 18.44; БП 7.11.15). Более подробно обязанности вайшьи описывает Ману-самхити (МС 9.326 – 333). Третья страта ведического общества производила материальные блага. В соответствии с пуранами вайшьи жили общинами, управляемыми «царем» – личностью из той же среды, пользующейся общим авторитетом. Вайшьи ежегодно платили налоги кшатриям, делали пожертвования брахманам и обеспечивали всем необходимым шудр. Данное сословие находилось вне политики, зачастую вайшья мог не знать, кто его правитель, поскольку для него не было принципиальным, кому платить налоги.

Данное сословие являлось большинством ведического социума, оно делилось на свои гильдии со своими правилами профессиональной этики. БГ, БП указывают на защиту коров как одну из главных обязанностей вайшьи. Продукты, даваемые коровой, являются основой процветания и богатства традиционного общества. Вдобавок индийское общество, как и авраамическое, пришло к особой биоэтике и учёту категории страдания живых существ в экономическом производстве. Особенности животноводства региона привели к тому, что в индийском обществе в аксиологическом отношении выделяется крупный рогатый скот, а на Ближнем Востоке – мелкий.

Сословие рабочих, ремесленников и слуг (шудры). Услуги, предоставляемые

шудрами, являлись необходимыми для функционирования всего ведического общества, среди них хорошие специалисты пользовались уважением. Перечисляются следующие профессии шудр: парикмахер (напита), кузнец (кармара), гончар (кумбхакарна), плотник (таксан), кузнец (аяшкара), прачка (раджака), ткач (тантувая), рыбак (дхивара), а также чандала, хаддипа – те, кто выносят экскременты, мритапа – тот, кто охраняет трупы. Некоторые из шудр, такие как плотник (таксан), кузнец (аяшкара), прачка (раджака), ткач (тантувая), принимали косвенное участие в жертвоприношениях, проводя подготовительные работы [27, с. 205]. При этом Рамаяна (1.13.20) указывает, что шудры были приглашены на жертвоприношение ашвамедха царя Дашаратхи. К профессиям шудр также относится сфера искусств: музыка, скульптура, живопись, поэзия. В ведическом социуме любой мог заниматься творчеством в качестве хобби, но высшие страты не имели права зарабатывать себе этим на жизнь, сохраняя свой статус [29, с. 22]. Некоторые из шудр жили в отдельных поселениях, таких как грама (деревня), гхоша (фермерское хозяйство), нагара (город), самваха (передвижной лагерь) [27, с. 205].

В науке ведутся споры относительно социального статуса шудр, в связи с этим существует мнение, что они являлись рабами. Дискуссия имеет место относительно соотношения терминов «шудра» и «даса». Брахманы (ведические тексты) утверждают синонимичность данных слов. На основе характеристики социального устройства, описанного в Калпасутре, допустимо заключить, что шудры не являлись рабами без прав, имущества и защиты. Варна шудр не принадлежала к неприкасае-

мым. Шудры так же, как и представители других классов, обладали собственностью [Там же, с. 203 – 204]. Внутри варны шудр существовала градация, так выделились две категории: сат (благочестивые) и асат (неблагочестивые). К первому классу относились те, кто воздерживался от употребления спиртного, не ел мяса и вел более благочестивый образ жизни [Там же, с. 208 – 209]. В связи с этим БП указывает на высший стандарт поведения для шудры: почитание представителей высших сословий, безукоризненная чистоплотность, отсутствие лицемерия, преданность своему господину, совершение жертвоприношений без произнесения мантр, отсутствие склонности к воровству, правдивость и стремление любым способом защищать коров и брахманов (БП 7.11.24). Существование данного стандарта свидетельствует о том, что часть представителей данного класса ему соответствовала.

Социальный статус в варне шудр подразумевал ряд строгих запретов, в том числе на изучение ведической литературы для избежания социальных и когнитивных антиномий. Смысловая основа Вед основана на передаче ценностей через призму соответствующего уровня сознания, при отсутствии которого происходит выхолащивание сути, потеря содержания при сохранении внешней формы. В связи с этим есть высказывание на санскрите, что в руках шудры (человека низких нравов) шастра (священное писание) превращается в астру (опасное для жизни оружие). При этом шудры не воспринимали себя угнетенным, эксплуатируемым классом, иначе варнаштрама не просуществовала бы столь долгий период времени. Это положение и повлияло, в частности, на восприятие восточного производства со

стороны западной левой теории. С другой стороны, в Индии не была реализована модель Хамурапи – чем выше статус, тем строже наказание. Ману иллюстрирует данный принцип следующим образом: штраф за оскорбление кшатрия для брахмана – пятьдесят (пан), вайшьи – двадцать пять, шудры – всего двенадцать (МС 8.268). Справедливости ради необходимо отметить, что индийский социализм и разнообразные левые движения пользуются в Индии большой популярностью.

Дхармашастры достаточно гибко подходят к обязанностям варн, отмечая, что в чрезвычайных обстоятельствах могут быть исключения (МС 10.74), что свидетельствует о гибкости индийской социальной системы, её сочетании прагматизма и идеализма. Ману представляет несколько вариантов для брахманов в сфере выполнения предписанных обязанностей (МС 10.115 – 120): описывает семь законных способов приобретения имущества (витта): 1) наследование; 2) нахождение/пожертвования; 3) покупка; 4) завоевание; 5) ростовщичество; 6) работа; 7) милостыня; перечисляет десять способов поддержания существования (знание, ремесло, работа за плату, служение, забота о коровах, торговля, земледелие, довольство малым, милостыня, ростовщичество).

Далее перейдем к характеристике горизонтального деления ведического социума и покажем его влияние на общественное сознание. «... далеко не каждая культура установила и внедрила столь четкую, детально структурированную жизненную программу с досконально продуманной регламентацией поведенческих норм, стиля жизни и социальных установок для каждого возрастного статуса, как это сделал индуизм <...> в доктрине четырех стадий

жизни» [2, с. 121]. Указанные выше стадии человеческой жизни (ашрамы) являются важным принципом передачи ценностей и общественной культуры.

Период ученичества (брахмачари ашрам). По общему правилу, как было указано выше, период ученичества проходил в промежутке от 5 до 25 лет. В ведическом социуме каждый член в той или иной форме получал образование. Обучение в школе гуру проходили представители трех высших страт ведического общества, к 16 годам они, изучив одну Веду, получали стандартное образование. Брахманы, как правило, продолжали обучение и к 25 годам изучали две Веды, а к 32-м при желании – три Веды. Брахманы получали специализацию в одной из сфер, таких как астрология, герменевтика, медицина, священные законы. Кшатрии, изучив одну Веду, проходили практику и специализацию полученного знания под руководством раджа-гуру (царского наставника) и некоторых министров. Раджа-гуру обучал навыкам управления, политике, министры – специфическим сферам применения знания. Вайшьи после 16 лет практиковались в своей сфере – как правило, под руководством опытного купца (родственника или друга семьи). Сначала молодой вайшья помогал зрелому купцу вести дела, не получая заработной платы, а наблюдая и обучаясь. Через некоторое время вайшья начинал получать заработную плату и втягивался в бизнес. Шудры обучались как подмастерья у мастеров-ремесленников. При этом в свободное время подмастерье имел право при желании изучать в гурукуле специфический раздел писаний, описывающий его специальность. Так, музыканты, например, могли постигать правила игры различных рага (мелодий),

изучая соответствующие разделы Вед. Другие разделы Вед шудрам изучать за-прещалось.

В западной философской традиции Платон также уделял большое внимание воспитанию в раннем возрасте: «... душа должна смолоду стать невинной и непричастной к дурным нравам, если ей предстоит безупречно и здраво вершить правосудие» [24, с. 195]. Ведическое общество большое внимание уделяло образованию, целью которого ставило передачу не только знаний (информации) и навыков, но и ценностей. Кроме этого, целью ученичества была социализация личности. «Существо социализации – в усвоении человеком языка, традиций, ценностей культуры, религии, права, подготовке к той или иной социальной роли, а также в обретении опыта обуздания основных инстинктов (голода, полового инстинкта, агрессивности и т. д.)» [7, с. 333]. Перечислим некоторые принципы брахмачарьи (ученичества), формирующие ценности личности, проиллюстрировав, каким образом все из нижеперечисленных принципов и норм заложены в тексте Ману (МС 2.164 – 169):

– контроль чувств (в том числе целибат – воздержание) способствует концентрации на образовательном процессе, развитию разнообразных компетенций, созреванию зрелого духовного интеллекта (МС 2.88);

– получение разных уровней посвящения от духовного учителя (первое, второе и третье рождение);

– ограничение общения с женщинами (брахмачари предписывается смотреть на всех женщин как на свою мать, относиться к ней с соответствующим уважением, в связи с этим брахмачари предписано обращаться ко всем женщинам как к матери);

– аскетизм, отречение, непривязанность формируют уважительное отношение к чужой собственности;

– дисциплина, послушание перед законом дхармы;

– медитация на священные мантры, техника контроля сознания с помощью дыхательных упражнений;

– изучение и запоминание Вед;

– воспитание уважения и вежливого поведения по отношению к духовному учителю, женщинам, старшим (оказание почтения старшим, этикет приветствия, оказание почтения женщинам, социальные отношения; статус ачарьи (учителя, дающего посвящение и обучающего Ведам): четыре гуру человека; учитель – самый почтенный из отцов; критерии определения старшинства; вежливая речь) (МС 2.140 – 174). Вкратце, ведическое ученичество несёт много полезных идей, таких как целибат, концентрация, самоконтроль, приобретение разнообразных компетенций. Многие эти смыслы вполне коррелируют и с современным образовательным процессом, даже светским, при создании условий занятости и контроля. С другой стороны, современные ожидания от жизни семинариста или курсанта отдельных родителей завышены, поскольку не существует ни одной автоматической человеческой системы, они все подвержены деградации и нуждаются в личности педагога.

Период семейной жизни. Семейный уклад жизни является второй ступенью жизненного цикла, как правило, он проходит в промежутке между 25 и 50 годами. Он является промежуточным этапом между отречением в ученичестве и окончательным отречением от мира на уровне аскета-монаха. Грихастх ашрам является основой для всех других укладов жизни, поскольку в нем берут начало остальные три ашрама. Данный аш-

рам является финансовой основой других трех ашрамов, так как только домохозяева зарабатывают на жизнь, оставшиеся ашрамы, относящиеся к отречению, предлагают довольствоваться малым и жить на пожертвования.

Ведическая экономика, как ислам, обращает внимание на этическое ведение хозяйства. Так, описывается, что в доме грихастхи есть пять предметов, которые могут являться причиной смерти для других живых существ: домашний очаг, точильный камень, метла, пестик со ступкой и сосуд для воды (МС 3.86). В связи с этим предписываются традиционные ритуалы, пять жертвоприношений, которые необходимо совершить: изучение Вед, жертвоприношение предкам (хома), богам (тарпана), духам (ба-ли) и гостеприимство – жертвоприношение людям (МС 3.70).

Семья в ведическом обществе является носителем традиции (в том числе следования дхарме), именно в ней закладывалось и передавалось ценностное ядро ведического социума. Главным предписанием для грихастх являются гостеприимство и жертвенность, развивая эти качества, домохозяин обретает знание, приводящее его к отречению. Ведический социум уделял особое внимание принципам династичности, поэтому в Ману-самхити отдельный раздел посвящен так называемым «смешанным варнам» (МС 10.13, 41 – 45). В данном разделе описывается понятие варна-санкары (смешанной варны), социальный статус потомков смешанных браков, предписанные обязанности для потомков смешанных браков.

Перечислим основные обязанности в семейном укладе жизни:

– особое внимание в ведической культуре отводится правильному пере-

ходу ученика к семейной жизни (МС 3.1 – 3);

– подробно регламентируются правила бракосочетания (МС 3.4 – 11) и даются предписания для семейной жизни: правила законного бракосочетания для каждой варны; восемь правил бракосочетания, поддержание стандарта качества проводимых ритуалов; ограничения в семейной жизни; оказание почтения женщине; правила, касающиеся женщин; причины деградации семьи (МС 3.23 – 62);

– одной из важнейших ритуальных обязанностей семейного человека является предписание проведения жертвоприношений (в частности «пяти великих жертвоприношений» – панча-маха-ягья); оказание должного почтения всем живым существам; раздача милостыни и прием гостей (МС 3.67-81);

– поминальная жертва (шраддха) также является обязанностью семейного человека (МС 3.124 – 285);

– дхармашастра описывает допустимые, неприемлемые и форсмажорные способы поддержания семьи (МС 4.1 – 12);

– определенное сходство с иудаизмом и исламом наблюдается в том, что утверждаются принципы относительно пищи (табуированная пища, несвежая пища, ненасилие в рационе) (МС 5.1 – 55);

– ещё одна параллель с ближневосточными религиями – особое внимание ведическая культура уделяет чистоте; всякий ритуал или обряд в ведической культуре так же, как и отправление повседневных обязанностей, не может проходить в нечистом, оскверненном месте. Целый раздел стихов посвящен правилам очищения человека и предметов; стандарты повседневной чистоты; различные виды очищения; очищение

предметов; список чистых и нечистых предметов (МС 5.57 – 145). Существует мнение, что «брахманская жреческая идеология в свое время канонизировала и внедрила в кастовое сознание представления о ритуальной чистоте и скверне, распространявшиеся на вещи, пищу, людей, их занятия и поведение...» [10, с. 9]. Действительно, на донаучном этапе религия выполняла функции образовательного, гигиенического и медицинского институтов. Пищевые запреты, ограничение половых контактов, телесного взаимодействия и межкастового общения являются элементарными санитарными требованиями к густонаселённому региону. Чума, холера, оспа, дифтерия, тиф, лихорадка, гепатит, бешенство, малярия, энцефалит – таков набор только самых вирулентных заболеваний этого региона, паразитарные, кишечные инфекции, энтеровирусы не в счёт. Миф и религия в донаучный период выполняют функции социального сегрегатора и пропедевта. Концепция чистоты, которая выглядит столь ритуально и органично, с эволюционной точки зрения рождена повседневной практикой и потребностями карантинной политики на протяжении тысячи лет совместного проживания.

Рассмотрим период частичного и полного отречения (ванапрастха и саньяса ашрамы). Отреченные уклады жизни – это последние этапы жизни человека. «В среде нищенствующего монашества, представленного в значительной мере третьей ступенью человеческой жизни, а часто и четвертой, мы встречаем те глубокие искания ответов на вечно волнующие человека вопросы о жизни и смерти, которые красной нитью проходят через всю индийскую историю и которые мы встречаем в ней и теперь» [20, с. 277]. Ванапрастху (богоискательство,

уход в лес), как правило, принимали кшатрии и брахманы, тогда как санньяси становились только брахманы. Им предписывается жить в лесу, соблюдать пост, совершать покаяния и аскезы, жить в простоте и бедности (МС 6.22 – 32). Ванапрастхи изучает третий раздел Вед – араньяки (описание смысла ведических ритуалов).

Принятие санньясы (статуса отреченного монаха) – это шаг к окончательному освобождению от оков материальных привязанностей. В обязанности санньяси включаются предписания для ванапрастх, более того, стандарт их отрешенности от мирского еще выше; для них разработаны определённые принципы мировоззрения и объекты для медитации, а также метафизические тексты вроде упанишад (МС 6.33 – 85).

Итак, идеологическая политика должна быть подчинена задаче утверждения в общественной жизни регулятивных и морально-нравственных норм, которые бы отражали ценности личности, интересы различных социальных групп. Следует заметить, что члены высших варн изучали Веды на протяжении всего жизненного цикла, что приводило к глубокому погружению в дхарму (протоправо). Преимущества идеальной схемы ведического подхода к образованию заключаются в равномерном распределении периодов обучения в течение жизненного цикла человека и предоставлении ему возможности приобретать необходимые знания, умения, навыки в тот момент, когда у него возникает в них необходимость. Кроме этого, невозможно представить себе политическую культуру, лишённую идейных основ, выработанных сознательно или сформированных стихийно. Духовная культура населения любой страны коррелирует с восстановлением в своих

правах и культурно-воспитательных функций государства [19, с. 11 – 12].

Возможно ли восстановление религиозного государства в России? Сможет ли это гипотетически решить вопросы морали, права, нравственности, ответственности, патриотизма? Ответы на эти сложные вопросы можно дать с помощью диалектической триады. Внедрение религии в массы (тезис), рост атеизма и безбожия (антитезис), свободный выбор духовного пути (синтез). Разные опросы показывают не только значительную долю приверженцев традиционных религий в России. Несколько десятков миллионов выбирают внеконфессиональную духовность. Отчасти это связано с тем, что современная религия, укоренённая в миф и архаику, перестаёт удовлетворять запросам сциентистского населения. Ведический путь учит религиозной процессуальности. Духовность – понятие диалектическое, динамическое, эмерджентное и контингентное. Свобода духа требует разнообразия, разнообразия компетенций, диалога и открытости. Взаимоуважение, совместные добрые дела для общества, просвещение – таковы основы межконфессионального мира и согласия огромного евразийского пространства России.

Выводы

Четыре древние цивилизации – Вавилон, Египет, Индия и Китай – пионеры продвинутого развития человеческих сообществ, которые определили судьбу регионов, где они располагались. Они заложили прототипы сухопутной, речной, морской и океанической цивилизаций. Бассейны рек Нил, Тигр и Ефрат, Инд и Джамна, Хуанхэ и Янцзы стали локациями, где впервые зародились древнейшие крупномасштабные человеческие цивилизации, оказавшие влияние на местные автохтонные народы. Техно-

логически развитые городские культуры запустили процессы самоусложнения, что до сих пор сопровождают человечество. В этих цивилизациях выразились комплексные отношения между религией и политикой, правом и экономикой, модернизацией и традицией. В глобальной идентичности мы ищем узнаваемость, и многие конструкты являются выражением индоевропейских и иных цивилизационных корней, уходящих вглубь тысячелетий.

Условный плодородный полумесяц, или регионы с благоприятными для производящего хозяйства условиями, первыми смогли позволить создавать тексты для отложенного социального спроса. Религиозные идеации долгое время конструируются среди жрецов, выступающих в условиях позднеэолитического общества экспертами по проектированию будущего. Аграрная революция и повышение коэффициента самоплодности высвобождают время для идеационного проектирования, что приводит к их накоплению и становится одной из причин появления «третьей сигнальной системы» – письма. Индобруддийские, авраамические, конфуцианские тексты формировали базис государственной устойчивости в аграрном обществе. Рост народонаселения, переход к промышленному производству и урбанизация существенно повлияли на мораль и религию. Индивидуализм, консумеризм, скептицизм, агностицизм, атеизм порождены самим характером общественного труда, что объяснил марксизм.

Революционный прогрессивизм марксизма не оставлял шанса для традиционных моделей устойчивости, что негативно отразилось как на модернизации Азии, так и на самом образе марксизма как беспощадного судьи прошлого.

Вместе с тем сама классификация видов производств как «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный» свидетельствует даже не о логических дилеммах свести в одну схему громкое и синее, а о когнитивных искажениях внутри марксизма, вызванных его историческими штампами о суровом превосходстве норманнов. Желание получить однотипную схему, отказ от самокритики породили исторический снобизм марксизма, не заметившего в архаике вечную мудрость длительного выживания. Марксизм не смог создать идеальное общество, но занял место некой социальной квазирелигии, веры в справедливость. Отдельные традиционалисты, такие как Вандана Шива, превзошли марксизм в своей социальной критике. Экоактивист раскритиковала темы социального идеала и устойчивого развития как недостижимые и предложила снизить целеполагание человечества до выживания сообществ [30]. И это лишь один пример того, как арабский мир, Индия, Китай, Россия сегодня мыслят о себе как о духовном поле битвы всего мира. В них ещё осталась здоровая прагматистская архаика почвы, которая доносит до человека голос миллионной родовой памяти.

Современный успех Индии связан, прежде всего, с растущим внутренним

потреблением и молодым рынком труда. Самоорганизация, духовность (брахман), медитация (дхьяна), практика (йога), аскетизм (тапасья), энергичность (шакти), мудрость (вигьяна) тоже вносят свой вклад в социально-экономическую устойчивость, однако влияние традиционного фактора нарушается кастовой дискриминацией, гендерными и антиисламскими предрассудками. Установка на то, что знание о великом арийском прошлом поможет выстроить современную политэкономическую компетентность Индии, представляется автору статьи наивной; а противопоставление некой автономной архаики колониальному прошлому – ограниченным. Проблема не в том, что колонизаторы написали предвзятые трактаты о прошлом Индии, не оценив его величие. Трудность модернизации Индии заключается в том, что современность не зависит от осознанности своего национального прошлого, современность – это про развитую инфраструктуру, управляемость, адекватность, низкую коррупцию, коммунальную эффективность, локализацию производства. Вместе с тем ведический традиционализм с его простыми экологическими идеями и критикой потребления оказывается более актуальным, чем технократические мифы о цифровом бессмертии.

Библиографические ссылки

1. Автандилян Е. А. Касты как устойчивая социальная организация в Древней и современной Индии // Академическая наука – проблемы и достижения. North Charleston : CreateSpace, 2015. С. 130 – 138.
2. Альбедиль М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб. : Наука, 1991. 174 с.
3. Артхашастра, или Наука политики : пер. с санскр. / изд. подгот. В. И. Кальянов. М. : Ладомир : Наука, 1993. 793 с.
4. Ахматов А. В. Философия права евразийства. Историко-философский анализ : дис. ... канд. филос. Наук. М., 2009. 260 с.

5. Бабенко А. Н. Проблемы обоснования ценностных критериев в праве // Государство и право. 2002. № 12. С. 93 – 97.
6. Балаболина А. В. Соотношение понятий варна и каста(джати) в отечественной науке // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1. С. 57 – 61.
7. Грещцов Ю. И., Козлихин И. Ю. Энциклопедия права. СПб. : СПбГУ, 2008. 771 с.
8. Иванов А. В. Формы идентичности в Индии: каста и джати // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 139 – 148.
9. Казанов Х. М., Цеева З. А. Марксистский «Утопизм» и его современные критики // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. С. 123 – 128.
10. Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М. : Наука, Восточная литература РАН, 1992. 264 с.
11. Куценков А. А. Эволюция индийской касты. М. : Наука, 1983. 326 с.
12. Крет О. В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 155 с.
13. Ливен А. Индуистский национализм: неудобная правда [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/> (дата обращения: 24.01.2024).
14. Маринчев Н. В. Некоторые особенности традиционной правовой системы Древней Индии // Вестник ВЮИ ФСИН. 2010. № 1 (14). С. 193 – 195.
15. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 1. С. 3 – 6.
16. Маринчев Н. В. Философско-геологические основы правосознания в традиционной правовой системе Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4. С. 282 – 286.
17. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Сер. 2012. № 14. С. 3 – 6.
18. Маринчев Н. В., Тимощук А. С. Основания правовой идеологии Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 280 – 281.
19. Мартышин О. В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. 2005. № 4. С. 9 – 17.
20. Ольденбург С. Ф. Культура Индии. М. : Наука, 1991. 279 с.
21. Нуреев Р. М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М. : Наука, 1993. С. 62 – 87.
22. Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Дискуссии об азиатском способе производства (политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) // Journal of economic regulation. 2021. № 2 (12). С. 6 – 21.
23. Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 568 с.
24. Платон. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. СПб. : СПбГУ, 2007. 752 с.

25. Успенская Е. Н. К вопросу о природе индийской касты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 3. С. 150 – 171.
26. Хабибуллин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11 – 20.
27. Venerji S. Ch. Society in Ancient India (Reconstructing Indian history & culture; № 1). New Delhi : D. K. Printworld, 2007. 423 p.
28. Baru S. Karl Marx and Analysis of Indian Society // Economic and Political Weekly. Vol. 18, № 50 (Dec. 10, 1983). P. 2102 – 2108.
29. Danielou A. India. A civilization of differences. Inner Traditions. Rochester, Vermont, 2005. 132 p.
30. Shiva V. Staying Alive: Women, Ecology and Survival in India. North Melbourne : Spinifex Press, 2010. 224 p.

A. S. Timoshchuk

VARNA AND ASHRAM AS TRADITIONAL INSTITUTIONS OF SOCIAL SUSTAINABILITY

Every traditionalist organization wants to emphasize the influence of its ethos on governance, economics and global trends. Indian counterparts interpret their localized teachings and practices as a tool for maintaining strategic sustainability. N. Modi's national Hindu government seeks to introduce and embed various aspects of Indian management in knowledge systems such as marketing, HR, information systems, space. Hindu scholars comprehensively seek the influence of Indian culture or Indian way of strategic planning, goal setting, achieving efficiency; the mitigating effect of Indian tradition in different geographical regions of the country is also considered. At the same time, many expectations are built on projections of Indian demographic and economic growth, which are anticipated as self-sufficient grounds for strengthening the Indian cultural context.

Keywords: dharma, samsara, karma, caste, Hindu proto-law, Vedic conceptsphere, Indian thinking, Vedic eidetics, Vedic ideation, Vedic ideology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРЬЯНОВ Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва
histgeogr@yandex.ru

АРТАМОНОВ Герман Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва
ga.artamonov@mpgu.su

БАЛТАБАЕВА Азиза Маннабовна – доктор филологических наук, доцент доцент Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека Узбекистан, г. Ташкент
Eje_kurilovi4@mail.ru

БОЛЬШАКОВА Екатерина Алексеевна – аспирант Учебно-научного центра актуальных проблем науки и образования им. А. Г. Кузьмина Московского педагогического государственного университета, г. Москва
ea.bolshakova1@mpgu.su

ВЕЛИБЕКОВ Эмиль – аспирант Ивановского государственного университета, г. Иваново
Velibekov.99@mail.ru

ГРИВАСТОВА Алла Николаевна – преподаватель кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
grivastovaa@yandex.ru

КУРЧАСТОВА Анна Шавкатовна – базовый докторант второго года обучения преподаватель Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Узбекистан, г. Ташкент
anetta396@mail.ru

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна – доктор философских наук, доцент зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
joan_lat@mail.ru

ЛЕВАНДОВСКИЙ Андрей Никитич – кандидат исторических наук ассистент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва
andre-levandowski@rambler.ru

ЛУБКОВ Алексей Владимирович – академик РАО, доктор исторических наук
профессор
ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва
av.lubkov@mpgu.su

ЛИТВИНОВА Ирина Владимировна – кандидат исторических наук
советник при ректорате Московского педагогического государственного университета,
г. Москва
iv.litvinova@mpgu.su

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МАТУШАНСКАЯ Юлия Григорьевна – доктор философских наук, доцент
профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань
jgm2007@yandex.ru

ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич – доктор исторических наук, доцент
зав. кафедрой истории России Ивановского государственного университета,
г. Иваново
Okolotin.vladimir@yandex.ru

ПЛЕХАНОВ Евгений Александрович – доктор педагогических наук,
кандидат философских наук, доцент
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Владимир
eaplekhanov@gmail.com

ПРОКОПОВ Александр Юрьевич – кандидат исторических наук
старший научный сотрудник отдела истории международных отношений
и интеграции академической науки и образования Института всеобщей истории РАН,
г. Москва
aup276@mail.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru

ФАРЯХУТДИНОВ Айдар Ильхамович – магистрант 1-го курса Казанского
(Приволжского) федерального университета, г. Казань
xxdank@yandex.ru

ШТАЙН (БРАТИНА) Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики
и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
shtaynshtayn@gmail.com